254
150

254
150

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Манифестъ 19 февраля 1861 года.
И. Игнатовичъ. Борьба крестьянъ за свое освобожденіе.
В Евгеніевъ. Борьба съ крѣпостничествомъ въ русской художеств. литературѣ.
А. А Корниловъ. Выработка крестьянской реформы 19 февраля и главные ея участники.
В. В. Крестьянская реформа и аграрный вопросъ.
А. С. Посниковъ. Освобожденіе крестьянъ.
М. Слобожанинъ. Земская реформа въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ.

ИЗДАНІЕ
„ЖИЗНИ ДЛЯ ВСѢХЪ“

латное приложеніе къ № “ „Жизни для всѣхъ “ 1911 г.

375 260 m
072
Ч 54 150

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Манифестъ 19 февраля 1861 года.

И. Игнатовичъ. Борьба крестьянъ за свое освобожденіе.

В. Евгеніевъ. Борьба съ крѣпостничествомъ въ русской художеств. литературѣ.

А. А Корниловъ. Выработка крестьянской реформы 19 февраля и главные ея участники.

В. В. Крестьянская реформа и аграрный вопросъ.

А. С. Посниковъ. Освобожденіе крестьянъ.

М. Слобожанинъ. Земская реформа въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ.

Тп1(321)

ИЗДАНІЕ
„ЖИЗНИ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Безплатное приложеніе къ № 2 „Жизни для всѣхъ“ 1911 год

Н С 3
О.3.
10311

Государственная публ
БИБЛИОТЕКА
480441
Историческая
М

Манифестъ 19 февраля 1861 года.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ по тому, что они,

частію старыми законами, частію обычаемъ потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью законом, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но, при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частью нерѣшительныя, предложенныя доброволь-ному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частью рѣшительныя, только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ или въ видѣ опыта. Такъ, Императоръ Александръ I издалъ постановленіе о свобод-

ныхъ хлѣбопашцахъ и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ Западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для Насъ завѣщаніе Предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, причемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта

находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя Положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и, сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ Положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ Положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщи-

ковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ Положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока со дня изданія сего Положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными Положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи Положенія, Общія, Мѣстныя, и особыя Дополнительныя Правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности, приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ предста-

вляетъ обоюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ позе-мельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной много-сложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ, то въ те-ченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, от-крытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1. Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣ-ряется высшее завѣдываніе дѣлами Крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2. Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи но-выхъ Положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3. Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣні-яхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сель-

скія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4. Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго Положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5. Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго манифеста.

6. До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7. Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

Засимъ полагаемся на доблестную о благѣ

общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и Христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ Положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ быть водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ въ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятель-

ствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность вмѣстѣ съ усадьбами и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны *пособія*, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся на здравый смыслъ Нашего народа. Когда мысль Правительства объ упраздненіи крѣпостного права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами, возникали было частыя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону Христіанскому, всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ (Римл. XIII, 1), воздавать всѣмъ должное, и въ особенности, кому должно, урокъ, дань, страхъ, честь (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки, что было бы противно всякой справедливости поль-

зоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности. И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, передъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнью.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлы-

ваютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *АЛЕКСАНДРЪ.*

Борьба крестьянъ за свое освобожденіе.

Въ числѣ факторовъ, подготовившихъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ отношенію самого народа къ крѣпостному праву. Крестьяне, конечно, не могли непосредственно вліять на крѣпостное законодательство, на приступъ къ реформѣ. Они были также тщательно устранены отъ какого бы то ни было участія въ выработкѣ Положенія 19 февраля: отъ нихъ требовали лишь безмолвнаго повиновенія. Но крестьяне разрозненно, стихійно, разными способами протестовали противъ своего положенія и безсознательно создавали тревожную общественную атмосферу, заставляли прислушиваться къ своимъ мнѣніямъ, требованіямъ и желаніямъ то самое правительство, то самое дворянство, которыя фактически сосредоточили въ своихъ рукахъ право вершить судьбами многомилліонной крѣпостной массы.

Крѣпостная зависимость не дѣлала изъ крестьянъ безотвѣтныхъ, покорныхъ рабовъ. Различными способами, начиная съ единичныхъ, повседневныхъ неповиновеній и кончая грозными массовыми движеніями, поднимавшими на ноги правительственныя власти, они заявляли протестъ противъ крѣпостного права. Во время пугачевщины—этого сложнаго движенія, гдѣ объединилось

столько недовольныхъ элементовъ населенія противъ господствовавшаго политическаго и соціальнаго строя — отъ взмаховъ разбиваемыхъ крѣпостныхъ цѣпей погибло не мало дворянъ, непрочно почувствовала себя на тронѣ Екатерина II. Память о пугачевщинѣ, до самаго освобожденія, была тѣмъ кошмаромъ, который преслѣдовалъ и дворянство, и власть, какъ возможный исходъ накопившагося народнаго негодованія. Правда, въ XIX вѣкѣ это негодованіе не выражалось массовыми возстаніями; протесты крестьянъ — за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ — не выходили за предѣлы отдѣльныхъ крѣпостныхъ ячеекъ и быстро подавлялись; но все поведеніе крестьянъ проникло такою враждебностью по отношенію къ помѣщикамъ, что не могло не внушать имъ серьезныхъ опасеній за свое существованіе, а правительству — за прочность общественнаго порядка при крѣпостномъ правѣ. Условіями, взращивавшими эту враждебность, были не только злоупотребленія помѣщичьею властью. Помимо общаго стремленія крестьянъ къ волѣ, къ независимой жизни, главную причину нужно видѣть въ создавшихся экономическихъ отношеніяхъ. Въ XIX в. помѣщики начали энергично искать путей для повышенія доходовъ съ имѣній. Повышеніе эксплоатаціи труда во всѣхъ его формахъ—повышеніе оброка, расширеніе господскихъ запашекъ, влекущее за собою переводъ оброчныхъ крестьянъ на барщину, заведеніе фабрикъ и заводовъ — таковы были наиболѣе крупныя послѣдствія для крестьянъ „хозяйскаго“ усердія помѣщиковъ. При интенсификаціи и расширеніи помѣщичьихъ хозяйствъ требовалось сдѣлать крѣпостной трудъ болѣе производительнымъ. Среди различныхъ по-

пытокъ въ этомъ направленіи отмѣтимъ развитіе урочной системы, увеличеніе размѣра барщины, усиленіе надзора за крестьянами во время работъ и внѣ ихъ, переводъ на мѣсячину, стремленіе ограничить количество крестьянской земли и рабочаго времени въ пользу крестьянъ предѣлами строгой необходимости, что въ свою очередь вело къ сильнѣйшей регламентаціи крестьянской жизни, вмѣшательству въ частную жизнь крестьянъ. Все это сильно ухудшало экономическое положеніе крестьянъ, создавая почву для мелкихъ ослушаній, ежедневныхъ мелкихъ столкновеній съ помѣщикомъ или вотчинными властями и вызывая въ крестьянахъ отпоръ безграничной эксплоатаціи труда и личности. Патріархальныя отношенія все больше и больше отходили въ область преданій, и, лицомъ къ лицу, въ одной и той же крѣпостной ячейкѣ, должны были уживаться два антипода, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ на своего „подданнаго“, какъ на средство наживы, а другой долженъ былъ быть ежеминутно готовымъ отстаивать свою личность и хозяйственную самостоятельность отъ присосавшагося къ нему паука. Соціальнаго мира въ такой ячейкѣ быть не могло, и состояніе напряженной, скрытой, но постоянно чувствуемой вражды, недовѣрія и борьбы все сильнѣе и опредѣленнѣе господствовало почти въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи.

Такое положеніе было крайне неудобно для дворянъ, не только въ отношеніи личной безопасности,—ибо на фонѣ общей враждебности тотъ или другой эксцессъ со стороны помѣщика или крѣпостного могъ повлечь кровавую развязку для перваго,—но и для помѣщичьяго хозяйства, вводя въ хозяйственные разсчеты такой неопредѣленный

факторъ, какъ наличность полнаго спокойствія и повиновенія въ имѣніи, за что, при господствовавшемъ „духѣ недовольства“, никогда нельзя было ручаться. Повышать репрессіи по отношенію къ крестьянамъ было небезопасно, какъ во избѣжаніе лишнихъ столкновеній съ крестьянами, такъ и въ силу правительственной политики, строже, чѣмъ прежде, проводившей принципъ наблюденія за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ; да и самый ростъ образованности мѣшалъ это дѣлать. Нужно замѣтить къ тому же, что всѣ средства повысить производительность крѣпостного труда мало помогали, задолженность дворянъ росла, крѣпостное хозяйство развивалось плохо. Ко времени освобожденія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, крѣпостной трудъ сталъ настолько невыгоднымъ, что ненаселенныя имѣнія цѣнились выше населенныхъ. И въ этомъ крахѣ крѣпостного труда мы не можемъ не отвести львиную долю вліянія росту „духа недовольства“ и отпору крестьянской массы поползновеніямъ помѣщиковъ выжать соки изъ крѣпостного люда.

На указанномъ общемъ фонѣ раздраженія и враждебности противъ помѣщиковъ росли различныя формы протеста крестьянъ противъ крѣпостного права. Свое недовольство крестьяне выражали жалобами, побѣгами, оскорбленіями и насильственными дѣйствіями противъ помѣщиковъ и вотчинныхъ властей, убійствами ихъ, частичными неповиновеніями, вплоть до полнаго отрицанія помѣщичьей власти и отказа повиноваться ей въ какомъ-либо отношеніи; сплошь и рядомъ эти неповиновенія помѣщичьей власти переходили въ открытыя неповиновенія правительственнымъ властямъ, выражаясь въ отказѣ подчиниться ихъ

требованіямъ. Такого рода неповиновенія переходили иногда въ бунты съ насильственными дѣйствіями, сопротивленіями и даже нападеніями на воинскія команды. Но такихъ бунтовъ въ николаевское время было очень мало. Возстаній же, хотя сколько-нибудь напоминавшихъ собою пугачевщину или т. п. народныя движенія, въ XIX в. ни разу нигдѣ не было.

Изъ всѣхъ видовъ протестовъ, повидимому, наиболѣе частыми и распространенными были жалобы. Къ сожалѣнію, невозможно указать даже приблизительнаго количества ихъ. По свѣдѣніямъ, приводимымъ въ трудѣ В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ во II половину XVIII и въ I половину XIX столѣтія“, за 34-лѣтній промежутокъ времени (съ 1828 по 1854 г.) въ министерство внутр. дѣлъ было подано 319 жалобъ и 33 всеподданнѣйшія жалобы, т. е. въ среднемъ по 32 жалобы въ годъ, а со всеподданнѣйшими—по 35-ти. Но этотъ перечень, даже по отношенію къ жалобамъ, занумерованнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, далеко не полонъ. Жалобы кромѣ того подавались въ другія центральныя учрежденія, масса жалобъ получала то или иное разрѣшеніе, не доходя до центральныхъ властей. А сколько жалобъ не получало никакого движенія! Вызывались жалобы обременительностью оброка, барщины, жестокимъ обращеніемъ, недостаткомъ продовольствія и т. д. На учащеніе ихъ вліяли и различныя частныя причины. Назначеніе новаго губернатора, сенаторская ревизія, вообще какія-либо событія, пробуждавшія надежды въ крестьянахъ, что на ихъ жалобы могутъ обратить вниманіе, усиливало притокъ ихъ. Особенно увеличилось количество крестьянскихъ жалобъ въ послѣдніе годы передъ рефор-

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА 480441

мою. Въ это время оживились надежды крестьянъ получить защиту отъ помѣщичьяго гнета; мѣстныя и центральныя власти, дѣйствительно, стали внимательнѣе къ крестьянамъ и давали формальный ходъ такимъ жалобамъ, на которыя раньше не обратили бы вниманія. Не малое значеніе имѣли въ то время и упорные слухи о волѣ. Вообще, при нѣкоторыхъ слухахъ о дарованіи воли можно подмѣтить циркулирующую среди крестьянъ легенду, что воля будетъ дана тѣмъ, кто жалуется на помѣщиковъ. Такъ, эту мысль можно отмѣтить въ слухахъ по поводу указа 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Вѣроятно, этимъ нужно объяснить обиліе волненій въ 1842 г. въ видѣ принесенія жалобъ толпами или группами крестьянъ. Нужно отмѣтить также вліяніе примѣра при подачѣ жалобъ. Крестьяне чутко прислушивались къ совершавшемуся въ другихъ имѣніяхъ, и успѣшное движеніе жалобы, поданной сосѣдями, вызывало нерѣдко ихъ на такой же шагъ. Помѣщики хорошо были знакомы съ этою „заразительностью“ жалобъ, а потому съ большимъ неудовольствіемъ и даже негодованіемъ встрѣчали внимательное отношеніе мѣстныхъ или центральныхъ властей къ крестьянскимъ жалобамъ. Тульскій губернскій предводитель Мясновъ въ 1846 г. обратился даже къ уѣзднымъ предводителямъ съ секретнымъ циркуляромъ, гдѣ просилъ „никогда ни словесныхъ, ни письменныхъ жалобъ отъ людей на помѣщиковъ не принимать“, ибо между прочимъ „таковыя жалобы... могутъ только распространять въ народѣ неуваженіе къ законнымъ властямъ“. [1])

Пронскій уѣздный предводитель дворянства,

---

[1]) В. И. Семевскій «Крестьянскій Вопросъ»... т. II стр. 576.

признавъ въ 1860 г. жалобу одного крестьянина принесенною „собственно по существующему вообще въ настоящее время раздражительному состоянію крѣпостныхъ людей и по грубости“, находилъ нужнымъ наказать крестьянина черезъ земскую полицію, „сдѣлавъ оное гласнымъ, иначе невзысканіе за подобныя жалобы увеличитъ число обращающихся и вмѣстѣ породитъ неуваженіе и безбоязненность къ помѣщикамъ и вотчинному начальству, и тогда трудно будетъ ввести порядокъ и спокойствіе.“ [1])

Желаніе помѣщиковъ пресѣчь жалобы вызывалось различными причинами. Каждая жалоба есть, конечно, прежде всего признакъ поколебленности безусловнаго повиновенія помѣщичьей власти; помѣщикъ же могъ спокойно вести хозяйство лишь при увѣренности, что крестьяне безпрекословно повинуются ему. Подача жалобы, съ другой стороны, вовлекала крестьянъ въ различные расходы по веденію дѣла: нужно было оплатить сочинителя просьбы, поддерживать подателя, нерѣдко одаривать чиновниковъ, отъ которыхъ прямо или косвенно зависѣло движеніе просьбы. Эти расходы, средства для которыхъ крестьяне добывали обыкновенно самообложеніемъ, иногда достигали значительныхъ размѣровъ и разоряли ихъ, чѣмъ косвенно наносился матеріальный ущербъ и помѣщику. Подача жалобъ толпою, для чего иногда всѣ крестьяне, иногда часть ихъ отлучались изъ имѣнія, вызывала въ барщинныхъ имѣніяхъ перерывъ въ работахъ, что, конечно, было крайне невыгодно помѣщикамъ, особенно, если это дѣлалось въ страдное лѣтнее время. Помимо этого, жалобы нерѣдко переходили въ неповиновеніе или вызы-

[1]) Повалишинъ «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные». стр. 245.

вали его. Уже самовольныя отлучки толпою для подачи жалобы зачислялись нерѣдко въ офиціальной статистикѣ въ разрядъ крестьянскихъ волненій, хотя здѣсь перерывъ въ исполненіи крѣпостныхъ повинностей былъ лишь временнымъ, и, вернувшись домой, крестьяне мирно возвращались къ обычному повиновенію. Но бывали случаи, когда крестьяне, обжаловавъ тѣ или другія распоряженія помѣщика или вотчинныхъ властей, отказывались исполнять ихъ до разбора жалобы. Въ этихъ случаяхъ, подача жалобы дѣйствительно переходила въ неповиновеніе помѣщичьей власти со всѣми тяжелыми послѣдствіями какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Наконецъ, подача жалобъ могла повлечь довольно крупныя непріятности для помѣщиковъ, если они имѣли основаніе опасаться, что разслѣдованіе жалобы раскроетъ дѣйствительныя злоупотребленія помѣщичьей власти.

Правительство относилось къ крестьянскимъ жалобамъ двойственно, что зависѣло вообще отъ двойственной политики его въ крестьянскомъ вопросѣ. Съ одной стороны, правительство, желая ограничить крѣпостное право и бороться со злоупотребленіями помѣщичьей власти, должно было въ этихъ цѣляхъ прислушиваться къ крестьянскимъ жалобамъ, имѣя полное основаніе сомнѣваться, чтобы въ его цѣляхъ былъ достаточенъ надзоръ за помѣщиками со стороны мѣстныхъ властей и предводителей дворянства. Съ другой стороны, во имя сохраненія полнаго спокойствія среди крестьянъ, оно должно было требовать отъ нихъ *безусловнаго* повиновенія помѣщикамъ, а поэтому не могло поощрять ихъ къ подачамъ жалобъ. Соотвѣтственно этому, мы видимъ, что при Николаѣ I, закономъ, жалобы были попрежнему за-

прещены, и по уложенію 1845 г. крѣпостные за принесеніе жалобъ должны были подвергаться тѣлесному наказанію. Но, съ другой стороны, фактически, жалобы принимались всѣми, начиная отъ императора и кончая уѣздными предводителями и исправниками и по нимъ назначались не только секретныя но иногда и формальныя дознанія. Это противорѣчіе между практикою и закономъ давало широкій просторъ для усмотрѣнія мѣстныхъ властей, которыя относились такъ или иначе къ крестьянскимъ жалобамъ въ зависимости отъ вѣяній въ высшихъ сферахъ, отъ силы, богатства и вліянія помѣщика, на котораго крестьяне жаловались, и отъ личныхъ взглядовъ.

Такіе протесты, какъ убійства и всякаго рода расправы съ помѣщиками и вотчинными властями, грозили болѣе ихъ личной безопасности, чѣмъ наносили матеріальный ущербъ собственно помѣщичьему хозяйству. Къ такого рода расправамъ крестьяне прибѣгали сравнительно часто. За время отъ 1836 до 1854 г. было 75 покушеній на убійство, т. е. въ среднемъ по 4 въ годъ. Убійствъ произошло съ 1834 по 1854 г. — 144, въ среднемъ ежегодно по 29. Въ теченіе только 9 лѣтъ (1839—1849 г.) въ Сибирь было сослано за убійство помѣщиковъ 416 человѣкъ (298 мужчинъ и 118 женщинъ) [1]) Сколько было случаевъ насилій крѣпостныхъ надъ помѣщиками, неизвѣстно, но есть указанія современниковъ (Ю. Ф. Самаринъ, Славутинскій), что ко времени освобожденія, приблизительно въ началѣ 50-хъ годовъ, число такихъ случаевъ увеличилось. При Александрѣ II, вплоть до самаго освобожденія, не прекращались

---

[1]) В. И. Семевскій «Кр. Вопросъ» „ т. II стр. 581.

подобныя расправы съ помѣщиками и вотчинными властями (убійства ихъ и проч.) Въ 1855 г. количество этихъ случаевъ, по офиціальной статистикѣ, было 16 въ 13 губерніяхъ. [1]) Въ 1856 г. убійствъ было 8, покушеній 2 и случаевъ побоевъ и другихъ оскорбленій—11. Въ 1857 г. убійствъ было 5, покушеній 4 и случаевъ побоевъ также 4. Въ 1858 г. убійствъ помѣщиковъ не было, но въ 8 случаяхъ имъ были нанесены болѣе или менѣе тяжелые побои, 1 управляющему были нанесены раны, а другой былъ убитъ, въ 4-хъ случаяхъ управляющимъ были нанесены побои. Въ 1859 году было 3 случая убійства, 4 покушенія и 3 случая побоевъ. Наконецъ, наканунѣ 19 февраля 1861 г., въ 1860 г. было 3 убійства, 1 покушеніе и 3 случая побоевъ, а въ теченіе только 2-хъ мѣсяцевъ 1861 г. (январь и февраль) было 2 убійства, 1 покушеніе и 1 случай побоевъ [2]).

Это несомнѣнно далеко не всѣ случаи нападеній крестьянъ на помѣщиковъ. „Большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только позорящее для того, на кого нападеніе было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета“ [3]). Не забудемъ, что подобныя расправы чаще всего были слѣд-

---

[1]) Матеріалы для ист. крѣп. права въ Россіи, т. I стр. 290-291.

[2]) Цифры, относящіяся къ 1856—1858 годамъ взяты изъ отчетовъ Деп. Пол. Исп. Министерства Внутр. Дѣлъ за эти годы (А. М. Б. Д. Деп. Пол. Исп. 1857 г. № 877; 1858 г. № 564 и 1859 г. № 538.). — Относительно 1859 и 1860 г. приведены данныя, имѣющіяся въ еженедѣльныхъ справкахъ, составлявшихся для доклада Александру II (А. М. Вн. Д. Земск. Отд. Канцелярія 1859 г. № 1. и 1860 г. № 2.). Цифры 1861 г. получены на основаніи дѣлъ, хранящихся въ Деп. П. Исп. и Земск. Отдѣлъ М. Вн. Д. за 1861 г.

[3]) Кн. Волконскій «Условія развитія помѣщичьяго хозяйства» стр. 42.

ствіемъ злоупотребленій помѣщичьей властью. Поэтому помѣщики, чувствующіе за собою подобные грѣхи, предпочитали, боясь отвѣтственности, замалчивать покушенія и расправы съ ними, расправляясь съ обидчиками собственными средствами.

Причинами этихъ расправъ съ помѣщиками были чаще всего крайняя требовательность помѣщиковъ, страхъ передъ наказаніемъ или месть за него; видное мѣсто въ числѣ причинъ занимаетъ также развратъ помѣщиковъ; кромѣ того убійства и покушенія на убійства совершались при сдачѣ въ рекруты, при введеніи общественной запашки, изъ за опасенія переселенія и проч. Способы убійства были крайне разнообразны: удушеніе, зарѣзаніе, выстрѣлъ изъ ружья и т. п.

Страхъ передъ подобными расправами объединялъ помѣщиковъ. Кн. Волконскій указываетъ, что, во II половинѣ 50-хъ годовъ, помѣщики Рязанской губерніи собирались вмѣстѣ для выработки мѣръ воздѣйствія на крестьянъ въ виду часто повторявшихся нападеній крестьянъ на помѣщиковъ. Особенно страшились помѣщики массовыхъ убійствъ, подобныхъ тѣмъ, какія происходили во время пугачевщины или въ Галиціи въ 1846 г. Въ 1848 г. въ Смоленской губ. среди помѣщиковъ ходили тревожные слухи, что недалеко „мужики рѣжутъ помѣщиковъ и что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что у насъ скоро начнется то же самое“. Даже дѣти,—говоритъ смоленскій дворянинъ, сообщившій этотъ фактъ,—были въ томъ же унылomъ настроеніи, въ которомъ были тогда всѣ [1]). Подобные слухи тѣмъ болѣе

---

[1]) «Воспоминанія смоленскаго дворянина». Русская Старина, 1895 г. іюль стр. 116.

тревожили помѣщиковъ, что среди крестьянъ дѣйствительно ходили слухи о необходимости вырѣзать пановъ. Такъ, по словамъ гр. Киселева, въ юго-западномъ краѣ въ 1831 г. между крестьянами разнесся слухъ, что вскорѣ послѣдуетъ указъ объ умерщвленіи шляхты и евреевъ; это было, добавляетъ Киселевъ, всегдашнее народное толкованіе [1]). Подобные же слухи о близкой рѣзнѣ пановъ и шляхтичей были замѣчены въ гродненскомъ уѣздѣ въ 1846 г. [2]). Въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ то же время, одинъ крестьянинъ просилъ священника освятить ножъ, объяснивъ, что „пришло время разсчитаться съ панами за прошлое“ [3]). Въ 1847 г. въ Кіевской губ. распространились слухи о возобновленіи колівщины или рѣзни поляковъ и евреевъ [4]). Въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ мысль объ избіеніи помѣщиковъ, вообще, пользовалась въ то время большой популярностью, очень вѣроятно, подъ вліяніемъ галиційскихъ событій [5]).

Правительство, конечно, круто расправлялось съ крестьянами за убійства и различныя насилія надъ помѣщиками. Но въ то же время оно не могло не обратить вниманія, что эти расправы вызываются, главнымъ образомъ, злоупотребленіями помѣщичьей властью. Поэтому наряду съ репрес-

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій «Гр. Киселевъ и его время», т. IV, стр. 146.

[2]) А. М. Вн. Д. Деп. П. Ист. 1846 г. № 969.

[3]) Попружанко. «Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства» (1846—1848 г.). Ист. Вѣстн., 1894 г., іюль, стр. 123.

[4]) Петровъ. «Обществ.-политич. броженія въ Кіевск. губ. въ 1846 и 1847 г.» Ист. В. 1885 г. кн. 9. стр. 542.

[5]) Попружанко. «Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства» (1846—1848 г.). Ист. Вѣстн., 1894 г., т. 2, стр. 720.

сіями по адресу крестьянъ, правительство принимало нѣкоторыя паліативы для устраненія причинъ этихъ насилій надъ помѣщиками. Такъ, послѣ убійства могилевскаго помѣщика Свадковскаго, отличавшагося жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, Николай I повелѣлъ сдѣлать строгіе выговоры губернатору, губернскому и уѣздному предводителямъ дворянства, а нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ предать уголовному суду; объ этомъ по Высочайшему повелѣнію было сообщено для назиданія губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ. Въ 1842 г., по случаю довольно многочисленныхъ случаевъ убійствъ и покушеній на жизнь помѣщиковъ и управляющихъ, было отдано распоряженіе, чтобы при подобныхъ случаяхъ производилось особое розысканіе губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ офицеромъ для выясненія причинъ ихъ [1]).

Поджоги также занимали одно изъ видныхъ мѣстъ въ борьбѣ крѣпостныхъ съ помѣщиками. Какъ показываетъ статистика преступленій, число сосланныхъ за поджоги было больше всего въ мѣстностяхъ съ густымъ сельскимъ населеніемъ. Крестьяне поджигали изъ мести притѣснителямъ, иногда изъ другихъ побужденій, разсчитывая, напримѣръ, нанести этимъ значительный матеріальный убытокъ и вынудить этимъ отпустить ихъ на волю за умѣренную плату. Эти поджоги, нанося крупные убытки помѣщикамъ, были, конечно, опасны и для самихъ крестьянъ. Учащались ли случаи поджоговъ ко времени реформъ — неизвѣстно. Сохранилось любопытное свидѣтельство, относящееся къ кануну объявленія воли и

---

[1]) В. И. Семевскій, «Кр. Вопросъ», т. II, стр. 573—574.

указывающее, что и въ этомъ направленіи крестьяне начинали,—по крайней мѣрѣ мѣстами,—сильно наступать на помѣщиковъ, прибѣгая къ выкуриванію ихъ изъ имѣній. Нѣкій помѣщикъ Енишерловъ въ письмѣ отъ 29 января 1861 г. къ редактору „Сельское Хозяйство“ сообщалъ объ участившихся поджогахъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губ. Онъ указывалъ, что въ короткое время поджоги произошли у 5 помѣщиковъ. Если первый помѣщикъ, по слухамъ, далъ крестьянамъ поводы быть недовольными имъ, то послѣдніе 4, по указанію лично знавшаго ихъ Енишерлова, были людьми „добрыми и порядочными и если ихъ постигла такая участь, то въ цѣлой Россіи едва ли есть кто-либо изъ помѣщиковъ, которому бы не грозила подобная катастрофа“. „И прежде было слышно, пишетъ Енишерловъ, что здѣсь и тамъ сожгли усадьбу помѣщика, но, такъ какъ эти пожары происходили въ разныхъ концахъ губерніи, то они не обѣщали ничего особенно ужаснаго; здѣсь же случилось это въ одномъ и томъ же околодкѣ, и притомъ промежутки между пожарами чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся короче, а потому теперь здѣсь не безъ основанія многіе ожидаютъ, что тѣмъ дѣло не кончится“. Енишерловъ ставилъ эти поджоги въ связь съ ожидаемой реформой и выражалъ опасеніе, что они усилятся съ объявленіемъ Положенія, когда крестьяне убѣдятся, что ихъ ожиданія обмануты.—Это письмо министръ государственныхъ имуществъ переслалъ министру внутр. дѣлъ. По сдѣланному послѣднимъ запросу отвѣтъ отъ пензенскаго губернатора получился лишь во второй половинѣ августа 1861 года. Губернаторъ сообщалъ, что опасенія Енишерлова не оправдались. Очевидно,

объявленная реформа направила силы крестьянъ въ другую сторону [1]).

Побѣги по внѣшней формѣ своей являются, хотя и незаконною, но довольно мирною попыткою разорвать крѣпостныя цѣпи. Крестьянинъ, не вынеся тяжести крѣпостного права, уходилъ отъ помѣщика. Но, по существу, какъ для крестьянина, такъ и для помѣщиковъ, эта форма протеста была крайне тяжела и невыгодна. Для крестьянина побѣгъ знаменовалъ полное разореніе налаженнаго хозяйства, разрывъ съ привычнымъ укладомъ жизни, иногда разлуку съ близкими во имя неизвѣстнаго будущаго. Только горькая нужда или глубокая вѣра въ возможность найти на сторонѣ „волю-долю“ могла побуждать крестьянъ рѣшаться на этотъ шагъ. Кряхтѣли отъ побѣговъ и помѣщики. Побѣгъ означалъ собою потерю рабочей силы, и чѣмъ большая группа крестьянъ рѣшалась бѣжать, тѣмъ большій ущербъ наносился хозяйству. Въ мѣстахъ, гдѣ побѣги были особенно распространены, хозяйственные разсчеты постоянно нарушались, особенно, если побѣги совершались въ рабочую пору. Необходимость удержать при себѣ рабочія силы заставляла помѣщиковъ въ такихъ мѣстахъ умѣрять крѣпостной гнетъ. Будучи безсильными удержать крестьянъ на мѣстахъ, помѣщики прибѣгали къ помощи правительства. Послѣднее съ своей стороны серьезно было озабочено борьбою съ побѣгами, будучи вынуждено примѣнять иногда даже военную силу для возвращенія бѣглецовъ или для предупрежденія побѣговъ. Оно возвращало бѣглецовъ помѣщикамъ, должно было стѣснять свободу поселенія въ по-

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. П. Пст. 1861 г. № 2918.

граничныхъ мѣстахъ, куда устремлялись бѣглые, чѣмъ нарушало государственные интересы.

И тѣмъ не менѣе побѣги все расширялись и расширялись, принимая характеръ массовыхъ и народныхъ движеній, по своимъ размѣрамъ и полному нарушенію обычнаго уклада крѣпостной жизни приравнивающихся къ наиболѣе крупнымъ крестьянскимъ волненіямъ. Можно сказать даже больше. Въ то время, какъ т. наз. крестьянскія волненія во II четверть XIX вѣка почти никогда не выходили за предѣлы отдѣльнаго имѣнія [2]), побѣги, подъ вліяніемъ того или другого слуха, объединяли общимъ настроеніемъ, однородностью дѣйствій крѣпостное населеніе цѣлыхъ уѣздовъ и даже губерній. Сотни и тысячи крестьянъ двигались въ одномъ направленіи подъ вліяніемъ одного и того же слуха, объединенные одною и той же цѣлью. Въ этомъ отношеніи побѣги представляли для помѣщиковъ и правительства болѣе грозное явленіе, болѣе грозный симптомъ пробуждающейся солидарности крѣпостной массы въ поискахъ выхода изъ крѣпостной неволи, чѣмъ обычныя неповиновенія, отличающіяся разрозненностью, быстрою подавляемостью, мирныя по формѣ и внушавшія опасенія лишь ростомъ количества ихъ ко времени реформы въ связи съ другими формами борьбы крестьянъ съ крѣпостнымъ правомъ. Это легко подмѣтить даже изъ краткаго обзора того и другого вида протестовъ.

Мы не будемъ касаться единичныхъ побѣговъ, которые въ настоящее время еще не подсчитаны;

---

[3]) Исключеніе представляютъ волненія въ имѣніяхъ, представлявшихъ раньше изъ себя одно цѣлое, но распавшихся между нѣсколькими помѣщиками.

да и врядъ ли когда можно будетъ это сдѣлать. Эти побѣги происходили подъ вліяніемъ притѣсненій помѣщиковъ, отъ страха передъ наказаніемъ, рекрутчиной, по личнымъ мотивамъ и т. д. Скажемъ нѣсколько словъ о побѣгахъ, въ которые иногда выливались тѣ или другія волненія. Крестьяне, не желая подчиниться тѣмъ или другимъ распоряженіямъ правительственныхъ властей или помѣщика, иногда желая выждать рѣшенія возбужденнаго ими судебнаго иска или по поданной жалобѣ, скрывались изъ имѣнія временно или навсегда, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Цѣлыя деревни пустѣли, крестьянскія помѣщичьи хозяйства разорялись, и нерѣдко помѣщикъ принужденъ бывалъ за безцѣнокъ продавать разоренную, обезлюдѣвшую деревню.

Мы остановимся, главнымъ образомъ, на побѣгахъ, по поводу различныхъ слуховъ объ освобожденіи, при переселеніи въ тѣ или другія мѣстности, въ основѣ которыхъ зачастую лежали дѣйствительныя распоряженія правительства о заселеніи той или другой мѣстности, не имѣвшія отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Такъ, въ серединѣ 20-хъ годовъ, происходили массовые побѣги изъ Воронежской, Саратовской, Пензенской и Симбирской губерній подъ вліяніемъ слуховъ, что помѣщичьи крестьяне будутъ поселены на свободныхъ земляхъ по Уралу. Правительство было настолько озабочено этимъ движеніемъ, что въ мѣста побѣговъ былъ командированъ сенаторъ кн. Долгоруковъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ потянулись бѣглецы изъ Саратовской, Курской, Симбирской и Нижегородской губ. на Кавказъ записываться въ казаки, ибо прошелъ слухъ, что правительство вызываетъ желающихъ селиться по

Кавказской линіи, съ предоставленіемъ имъ различныхъ льготъ и въ томъ числѣ, конечно, воли. И опять-таки, для прекращенія этихъ побѣговъ, правительство нашло нужнымъ командировать флиг.-адъютанта кн. Трубецкаго. Ловля этихъ бѣглецовъ шла въ 1830, 31 и 1832 годахъ. Въ 1834 г. крестьяне цѣлыми партіями бѣжали изъ Воронежской губ.; въ 1837 г. въ этой губерніи опять проявились сильные побѣги на Кавказъ; тоже наблюдалось и во внутреннихъ губерніяхъ. Однихъ воронежскихъ крестьянъ было задержано въ Области Войска Донского около 900 человѣкъ, въ Черноморіи около 250. Въ 1839—1840 гг. жалуются на побѣги помѣщики Херсонской, Подольской и Волынской губерній. Въ 40-хъ годахъ побѣги усиливаются. Въ 1841 г. изъ бѣлицкаго уѣзда Могилевской губ. бѣжало до 1000 чел., бѣжали изъ Харьковской, Екатеринославской (по 200—250 чел.), Херсонской, Подольской, Волынской губ. Въ 1843 г. бѣжали на Кавказъ 157 чел. изъ Пензенской и Тамбовской губ. подъ вліяніемъ слуха, что правительство отвело земли на Кавказѣ для приписки крѣпостныхъ съ дарованіемъ имъ воли. Въ 1845 г. крестьяне опять цѣлыми толпами бѣгутъ на Кавказъ. Въ 1847 г. побѣги принимаютъ мѣстами стихійный характеръ. До 1300 человѣкъ бѣжали изъ Саратовской, Курской, Воронежской губ. на Кавказъ опять-таки подъ вліяніемъ слуховъ о свободномъ и льготномъ поселеніи тамъ крѣпостныхъ людей. Съ мѣста трогались цѣлыя семьи, деревни, продавая имущество за безцѣнокъ или оставляя его на произволъ судьбы. Подобные побѣги замѣчались и въ другихъ сопредѣльныхъ губерніяхъ. Въ Курской губ. къ побѣгу готовилось до 20.000 человѣкъ, но они были останов-

лены насильственнымъ возвращеніемъ раньше бѣжавшихъ. Здѣсь, при задержаніи бѣглецовъ военною командою, крестьяне оказали сопротивленіе, выхватили оружіе изъ рукъ солдатъ и перевязали полицейскихъ чиновниковъ; впрочемъ, эти крестьяне были быстро усмирены. Еще обширнѣе и интенсивнѣе, по силѣ сопротивленія мѣстнымъ властямъ и военнымъ командамъ, было движеніе витебскихъ крестьянъ въ томъ же году. Это движеніе настолько обширно, настолько привлекло къ себѣ вниманіе общества и правительства, поразило современниковъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Главною причиною витебскаго движенія было тяжелое экономическое положеніе, обостренное трехлѣтнимъ неурожаемъ. Не только крестьяне, но и многіе помѣщики были разорены имъ. Продовольственная помощь голодающему населенію была недостаточна. Измученное населеніе жаждало выхода изъ своего положенія. Оно жадно ловило слухи, обѣщавшіе ему въ той или иной формѣ волю или льготы. Слухи же были крайне разнообразны. Говорили, что готовится воля, чему дала поводъ подготовка инвентарей. Разрѣшеніе жить безъ паспортовъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а особенно на заработкахъ на с.-петерб.-московской желѣзной дорогѣ, что было допущено въ видѣ помощи витебчанамъ, крестьяне истолковали въ томъ смыслѣ, что поступившіе на эти работы получаютъ свободу изъ крѣпостного состоянія. Распоряженіе о переселеніи витебскихъ казенныхъ крестьянъ въ другія отдаленныя губерніи было слухомъ распространено и на помѣщичьихъ крестьянъ. Толковали, что Витебскую губернію, какъ неплодородную, рѣшено заростить лѣсомъ, а всѣхъ крестьянъ пере-

селить въ лучшія губерніи, даровавъ имъ волю и выдавъ на переселеніе паспорта, деньги и подводы. Говорили, что въ великороссійскихъ губерніяхъ уже дали волю и слѣдуетъ спѣшить туда. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, витебчане двинулись въ великороссійскія губерніи цѣлыми семьями и деревнями, распродавая за безцѣнокъ имущество. Любопытно, что нѣкоторые шли съ намѣреніемъ показать царю, чѣмъ кормятъ ихъ паны. Движеніе началось въ Себежскомъ уѣздѣ весною 1847 г., быстро охватило Дризенскій и Невельскій уѣзды, и вскорѣ крѣпостные всей Витебской губ. готовы были послѣдовать ихъ примѣру. Въ Дризенскомъ уѣздѣ крестьяне покупали въ дорогу ружья, порохъ, лили пули, перековывали лемеши на пики. Въ пути толпы крестьянъ въ 100, 300 и 500 человѣкъ оказывали сопротивленіе военнымъ командамъ, причемъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ были убиты. Въ великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губ. толпа въ 500 человѣкъ избила незначительную военную команду, пытавшуюся остановить ихъ, разогнала бывшихъ при ней понятыхъ, избила исправника и захватила въ плѣнъ станового. Общее количество охваченныхъ движеніемъ простиралось до 10.000 чел., возвращено было болѣе 600 человѣкъ и около 600 не было разыскано. Для усмиренія пришлось употребить 1 пѣхотный полкъ, 1 батальонъ, 2 роты изъ 2-хъ другихъ полковъ, Витебскій гарнизонный батальонъ и инвалидныя команды. Усмиреніемъ руководили самъ ген.-губернаторъ и 2 флиг.-адъютанта. Для продовольствія возвращаемыхъ крестьянъ въ пути было ассигновано правительствомъ 10.000 р. и командировано спеціально для этой цѣли 5 чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Рас-

права за участіе въ движеніи была сурова. Военному суду предали по однимъ свѣдѣніямъ 95 чел., по другимъ 114. Менѣе виновные—до 4000 чел.—были наказаны розгами.

Послѣ 1847 до половины 50-хъ г.г. неизвѣстно крупныхъ массовыхъ движеній, подобныхъ указанному. Но затѣмъ въ 1854, 1855 и 1856 г.г. мы встрѣчаемся съ крупными народными движеніями. То были движенія крестьянъ по поводу призыва въ морское ополченіе въ 1854 г., — въ государственное ополченіе въ 1855 г. и массовые побѣги крестьянъ „въ Таврію за волей“ въ 1856 г. Движеніе 1854 г. по своему характеру занимаетъ промежуточное мѣсто между побѣгами и волненіями, движеніе же 1855 г. имѣетъ особый характеръ, но, чтобы не возвращаться къ массовымъ движеніямъ, мы ихъ изложимъ здѣсь.

Въ 1854 и 1855 г. государство, напрягая силы въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, обратилось къ населенію за помощью. Въ 1854 г. населеніе призывалось въ морское ополченіе, въ 1855 г.—въ государственное. Крѣпостные горячо откликнулись на этотъ призывъ, глубоко вѣря, что поступленіе въ ополченіе ведетъ за собою освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, какъ для самихъ охотниковъ, такъ и для ихъ семействъ; указанія и разъясненія правительства, что крѣпостные крестьяне могутъ поступать въ ополченіе лишь съ согласія помѣщиковъ и по окончаніи кампаніи будутъ возвращены въ прежнее состояніе, [1]) прошли мимо народнаго сознанія: народъ попросту не вѣрилъ въ возможность этого. Толпами потянулись крѣпостные ве-

---

[2]) Въ морское ополченіе кромѣ того призывались жители только 4-хъ приозерныхъ губерній: с.-петербургской, олонецкой, тверской и новгородской.

сною и лѣтомъ 1854 г. въ уѣздные и губернскіе города, даже въ Петербургъ и Москву, для заявленія своего желанія поступить въ морское ополченіе. Движеніе наблюдалось, по свѣдѣніямъ Департамента Полиціи Исполнительной, въ 10 губерніяхъ. Для задержанія крестьянъ были посланы войска, командированы были 2 фл.-адъютанта, и мѣрами строгости движеніе удалось остановить.

Однако въ 1855 г., послѣ призыва въ государственное ополченіе, движеніе возобновилось съ еще большею силою, проявившись въ 6 великороссійскихъ губерніяхъ (воронежской, саратовской, казанской, пермской, самарской, симбирской) и одной юго-западной (кіевской). Крестьяне съ небывалымъ усердіемъ записывались въ „казаки“ въ кіевской губ. и въ „ратники“ въ великороссійскихъ губ.; крестьяне массами шли въ города для поступленія въ государственное ополченіе. Господскія работы, въ большинствѣ случаевъ, послѣ того прекращались, и крестьяне отказывались отъ какого бы то ни было повиновенія помѣщикамъ, ибо, по ихъ мнѣнію, съ записью въ ополченіе, крѣпостная зависимость прекращалась. Движеніе приняло огромные размѣры, перекидываясь изъ имѣнія одного помѣщика въ имѣніе другого. Въ кіевской губерніи оно выражалось, кромѣ того, въ насиліяхъ надъ священниками, ибо носились слухи, что они скрываютъ царскій указъ о волѣ. Въ этой губерніи движеніе отличалось вообще наибольшею интенсивностью, осложнившись историческими воспоминаніями о казачествѣ; развитію движенія здѣсь благопріятствовало и снисходительное отношеніе мѣстной и центральной администраціи къ русскому сельскому населенію въ противовѣсъ польскому вліянію помѣщиковъ. Какъ бы то ни

было, и въ великороссійскихъ губерніяхъ, и въ кіевской это движеніе пришлось подавлять силою оружія. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ кіевской губ. произошли кровавыя столкновенія военныхъ командъ съ крестьянами, во время которыхъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ было убито 36 крестьянъ и ранено 57; на самомъ дѣлѣ тѣхъ и другихъ было значительно больше. Въ тяжелое военное время для усмиренія крѣпостныхъ въ одной кіевской губ. пришлось двинуть 16 эскадроновъ кавалерійской дивизіи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ Бѣлевскаго егерскаго полка и 1 дивизіонъ. Въ великороссійскихъ губерніяхъ усмиреніе совершено съ большею легкостью и съ меньшими затратами военной силы, но и здѣсь произошло кровавое столкновеніе между крестьянами и солдатами въ с. Масловкѣ воронежской губ., въ результатѣ чего было 9 раненыхъ крестьянъ, изъ нихъ 5 тяжело. Для усмиренія крестьянъ въ 1855 г. въ мѣста волненій было командировано 2 фл.-адъютанта.

Эти движенія 1854 и 1855 г., происшедшія во время тяжелой для государства крымской войны, имѣли громадное вліяніе на общество, а главнымъ образомъ на правительство. Они ярко подчеркнули молодому императору, только что вступившему на престолъ, что при крѣпостномъ правѣ правительство не можетъ свободно распоряжаться подвластнымъ и преданнымъ ему населеніемъ, даже въ минуты государственной опасности, что крѣпостное право противорѣчитъ государственнымъ интересамъ, и что во имя охраны крѣпостного права приходится послѣдніе приносить въ жертву первому. Новому императору эти движенія отчетливо показали напряженность и общность стремленія

крѣпостныхъ къ волѣ, способность крѣпостныхъ массъ переходить изъ инертнаго состоянія въ активное подъ вліяніемъ одной и той же идеи или слуха на громадномъ разстояніи, безъ всякаго сообщенія другъ съ другомъ и безъ всякихъ подстрекательствъ. Это были слишкомъ грозные признаки народнаго возбужденія: подобныя движенія грозили слишкомъ большою опасностью для общественнаго и государственнаго порядка, чтобы не навести молодого монарха на сознаніе необходимости покончить разомъ съ крѣпостнымъ состояніемъ.

Еще болѣе должно было укрѣпить опасенія Александра II и доказать серьезность и упорность народныхъ ожиданій воли вспыхнувшее народное движеніе на югѣ Россіи въ 1856 г. Это движеніе также было связано со слухами о волѣ и отчасти съ крымскою войною. Весною 1856 г. среди крестьянъ южной Россіи пронесся слухъ, что правительство вызываетъ помѣщичьихъ крестьянъ для заселенія разоренныхъ мѣстъ Крымскаго полуострова, даруя имъ за это волю, выдавая переселенцамъ пособіе и плату за казенныя работы. Мѣстами этотъ слухъ принялъ легендарную форму. Говорили, что гдѣ то, въ херсонскихъ степяхъ, сидитъ на горѣ царь и раздаетъ всѣмъ волю; по другой версіи, царь въ золотой шапкѣ сидѣлъ на Перекопѣ, и запоздавшіе явиться къ нему лишались права на волю. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ крѣпостной людъ тронулся со всѣмъ скарбомъ въ поиски за этимъ царемъ. Съ помѣщиками крестьяне разставались въ большинствѣ случаевъ вполнѣ мирно, забирая впрочемъ отъ нихъ необходимый скотъ, экипажи и пр.; лишь въ одномъ имѣніи крестьяне учинили буйство, ворвавшись

съ кольями въ господскій домъ, разграбили его, выбили стекла и двери, грозили помѣщицѣ и приказчику, а затѣмъ ушли, забравъ свое имущество и экономическій скотъ. Движеніе это началось въ екатеринославской губ., гдѣ только въ 2-хъ уѣздахъ (верхнеднѣпровскомъ и екатеринославскомъ) число бѣжавшихъ доходило до 9 тысячъ. Затѣмъ движеніе захватило херсонскую губ., гдѣ въ іюнѣ число бѣглецовъ простиралось до 3-хъ тысячъ человѣкъ. Съ меньшею силою это движеніе проявилось въ черниговской, полтавской, харьковской, курской и орловской губерніяхъ. Для подавленія этого движенія потребовались военныя команды командированъ былъ фл.-адъютантъ. Въ екатеринославской и херсонской губ. произошелъ рядъ кровавыхъ столкновеній между крестьянами и солдатами. По оффиціальнымъ даннымъ, такихъ столкновеній было 6, причемъ 5 человѣкъ было убито и 50 ранено.

Репрессіями и другими мѣрами движеніе было подавлено, но впечатлѣніе отъ него осталось, хотя и не столь сильное, какъ отъ движеній 1854 и 1855 г. Въ отчетѣ Департамента Полиціи Исполн. за 1856 г. этому движенію посвящено не меньше мѣста, чѣмъ движенію 1854 и 1855 г. въ отчетахъ предыдущихъ годовъ. Въ отчетѣ за 1858 г. указывается одинаково на движеніе 1855 и 1856 г., какъ на признакъ возбужденнаго настроенія народа, заставлявшаго опасаться за спокойствіе крѣпостныхъ при обнародованіи рескриптовъ. Наконецъ, секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 іюля 1856 г., объявлявшій всѣ слухи о волѣ не имѣющими никакого основанія, предписывалъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, „немедленно принять мѣры предупрежденія, дабы

избѣжать послѣдствій, подобныхъ тѣмъ, какія происходили недавно въ новороссійскомъ краѣ, гдѣ открылись весьма значительные побѣги крестьянъ въ Крымъ..."

Что этотъ циркуляръ вполнѣ соотвѣтствовалъ мысли Александра II, свидѣтельствуетъ собственноручная надпись его на подлинникѣ: „очень хорошо" [1]).

Наряду съ побѣгами и другими формами борьбы крѣпостныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, росло количество и т. наз. вольненій или, вѣрнѣе, неповиновеній крестьянъ. За періодъ времени отъ 1826 по 1854 г. болѣе или менѣе извѣстны волненія у 712 помѣщиковъ, причемъ эти волненія по пятилѣтіямъ располагались слѣдующимъ образомъ. Съ 1826—29 г. ихъ было 85, съ 1830—34 г.—60; съ 1835—39 г.—78, 1840—1844 г.—138, съ 1845—49 г.—207 и съ 1850—54 г. — 141. Такимъ образомъ, количество волненій непрерывно росло до конца 40-хъ годовъ [2]), и лишь въ послѣднее пятилѣтіе передъ приступомъ къ реформѣ крестьяне какъ будто присмирѣли. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ можно предположить, что это уменьшеніе лишь кажущееся. Во первыхъ, пятилѣтіе 1845—49 г.

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1856 г. № 144.

[2]) Количество волненій за пятилѣтіе 1826—1829 г. объясняется обпльными волненіями 1826 г.—въ первый годъ по вступленіи на престолъ императора Николая I. Приведенные выводы сдѣлапы на основаніи подлинныхъ дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ, отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1836—54 г. (Мат. для ист. крѣп. права) и «Исторіи Министерства Внутр. Дѣлъ» Варадинова (т. III кн. 1—4), составленной также на основаніи подлинныхъ дѣлъ, многія изъ которыхъ въ настоящее время въ Архивѣ Мин-ства Внутр. Дѣлъ уже уничтожены. Нѣкоторые факты почерпнуты изъ мѣстныхъ изслѣдованій Повалишина, Мордовцпа, Сѣкневскаго и др., изъ воспоминаній современниковъ и т. д.

приходится признать исключительнымъ. Въ эти годы въ юго-и сѣверозападномъ краѣ усиленно шла подготовка инвентарей, а въ югозападныхъ губерніяхъ произошло и самое введеніе новаго инвентарнаго положенія. Въ эти же годы въ указанныхъ губерніяхъ было замѣтно вліяніе галиційскихъ событій, и до нихъ доходили волны польской демократической агитаціи. Въ 1844 г. въ западномъ краѣ казенные крестьяне были переведены съ барщины на оброкъ, что вызвало соотвѣтствующія ожиданія и среди помѣщичьихъ крестьянъ. Всѣ эти обстоятельства порождали рядъ слуховъ и волненій. Дѣйствительно, четвертая часть (50) волненій за указанный періодъ приходится на юго-и сѣверозападный край. Съ другой стороны, въ это же пятилѣтіе былъ объявленъ, а затѣмъ въ 1849 г. негласно отмѣненъ указъ 8 ноября 1847 г. о правѣ крестьянъ выкупаться при продажѣ имѣнія съ аукціоннаго торга. Этотъ эпизодъ николаевскаго законодательства также послужилъ причиною ряда волненій въ различныхъ губерніяхъ. Наконецъ, на эти годы падаетъ сильное оживленіе въ правительственныхъ и дворянскихъ кругахъ въ области крестьянскаго вопроса, что претворялось въ крестьянской средѣ въ обиліе слуховъ о волѣ, а это въ свою очередь оживляло крестьянскія надежды, выводило ихъ изъ инертнаго состоянія и побуждало къ борьбѣ за свои права. Такимъ образомъ, въ это пятилѣтіе можно отмѣтить рядъ специфическихъ причинъ, повлекшихъ за собою обильныя волненія, причинъ, которыя перестали дѣйствовать въ послѣдующее пятилѣтіе и отсутствовали въ предыдущее Пятилѣтіе же 1850—54 г., наоборотъ, отличается глухой реакціей въ крестьянскомъ вопросѣ, что могло

вызвать уменьшеніе слуховъ о волѣ среди крѣпостныхъ. Кромѣ того цифра волненій за это пятилѣтіе отличается большою неполнотою, сравнительно съ цифрами за предыдущія пятилѣтія. Если же мы даже эту неполную цифру сравнимъ съ количествомъ волненій за 1840 — 1844 г., то мы все же должны будемъ отмѣтить нѣкоторое увеличеніе количества ихъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ свидѣтельства нѣкоторыхъ современниковъ (напр., Самарина, Славутинскаго), что количество волненій возросло именно въ послѣднее 10-лѣтіе передъ приступомъ къ реформѣ, причемъ они не указываютъ на замиреніе крестьянъ въ послѣднее пятилѣтіе.

Указанныя волненія происходили почти повсемѣстно, а именно въ 43-хъ губерніяхъ, причемъ на каждую губернію приходится болѣе 15 волненій. Причины этихъ волненій крайне разнообразны и зачастую сталкивались между собою, такъ что нерѣдко даже современникамъ крайне трудно было опредѣлить, что служило главною причиною неповиновенія. Эти причины отразили между прочимъ 2 характерныя черты крѣпостного быта. Съ одной стороны, половина волненій, причины которыхъ болѣе или менѣе извѣстны, вызывалась или всецѣло, или отчасти стремленіемъ крестьянъ стать вольными на основаніи ли ложныхъ слуховъ о дарованіи воли, или при помощи исковъ воли на основаніи мнимо или дѣйствительно законныхъ правъ на нее. Это — характерная черта нарастающаго тяготѣнія крестьянъ къ волѣ. На волненіяхъ отразился также экономическій гнетъ, ростъ котораго въ XIX вѣкѣ былъ отмѣченъ выше. Въ 208 волненіяхъ изъ 423-хъ экономическія причины играли или первенствующую роль, или одну изъ

наиболѣе видныхъ. Наибольшее количество волненій вызывала барщина (47 волненій) или переводъ на нее (19 случаевъ); къ этимъ же группамъ нужно отнести, вѣроятно, и тѣ волненія, гдѣ причинами служили „обремененія работами“ (39 имѣній). Оброкъ (чрезмѣрность его, повышеніе, злоупотребленія при взиманіи и пр.) служилъ причиною волненій въ 26 имѣніяхъ, а различныя мѣры по взысканію его—въ 9 имѣніяхъ. Недостатокъ продовольствія вызвалъ волненія въ 30 имѣніяхъ, переселенія дали 17 волненій и уменьшеніе количества крестьянской земли—13 волненій. Такимъ образомъ, стремленіе сбросить крѣпостныя цѣпи, усилившійся экономическій гнетъ и жажда хотя бы ослабить его—эти характернѣйшія черты крестьянской жизни 2-ой четверти XIX вѣка, нашли себѣ вѣрное отраженіе въ крестьянскихъ волненіяхъ.

Волненія николаевскаго времени, разросшись въ количествѣ, не углубились однако ни по силѣ сопротивленія, ни по сплоченности населенія. Они попрежнему были мирны по формѣ, слабы по силѣ сопротивленія, крайне разрозненны и рѣдко выходили за предѣлы отдѣльныхъ крѣпостныхъ ячеекъ. Достаточно указать, что за всѣ 29 лѣтъ лишь въ 22-хъ имѣніяхъ крестьяне самовольно смѣстили вотчинныхъ начальниковъ, а въ 11-ти установили самоуправленіе; насильственныя дѣйствія противъ вотчинныхъ властей отмѣчены въ 24-хъ имѣніяхъ, угрозы и буйство противъ нихъ въ 9 имѣніяхъ; противъ помѣщиковъ (или помѣщицъ) насильственныя дѣйствія встрѣтились лишь въ 3-хъ имѣніяхъ, угрозы и буйство въ 8. Изъ 271 имѣнія, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, лишь въ 34-хъ имѣніяхъ оказано было

какое бы то ни было сопротивленіе военной командѣ, вооруженныя же столкновенія съ военными командами случились лишь въ 8 имѣніяхъ за всѣ 29 лѣтъ, причемъ 5 случаевъ изъ нихъ относится къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. Лишь въ 2-хъ имѣніяхъ крестьяне сами произвели нападеніе на военныя команды. Буйство и грубость противъ чиновниковъ встрѣтились лишь въ 15 имѣніяхъ, а насильственныя дѣйствія противъ нихъ—въ 10-ти случаяхъ. Конечно, если мы будемъ судить о силѣ волненія по мѣрамъ усмиренія, то, пожалуй, можемъ сдѣлать неправильное заключеніе о силѣ волненій и упорствѣ неповиновеній Такъ, военныя команды вводились въ 259 случаяхъ, въ 80 случаяхъ крестьяне были преданы военному суду и т. д. Но мѣры усмиренія относятся скорѣе къ характеристикѣ правительственной политики въ крестьянскомъ вопросѣ, и суровость ихъ зависѣла какъ отъ вѣяній въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ отъ взглядовъ и ретивости мѣстныхъ властей. Напримѣръ, изъ 80 случаевъ военныхъ судовъ большая половина относится къ періоду 1826—34 г., хотя волненія этого періода не отличались особенною силою, упорствомъ или насильственными дѣйствіями. Это одно уже показываетъ, что примѣненіе подобной мѣры зависѣло не отъ силы волненія, а отъ другихъ причинъ. Несмотря на обиліе случаевъ, гдѣ будто бы понадобилось ввести военную команду, лишь въ 8 случаяхъ этимъ военнымъ командамъ пришлось примѣнить силу оружія.

Однако, нѣкоторыя стороны волненій и увеличеніе ихъ числа сильно тревожили помѣщиковъ. Почти каждое волненіе сопровождалось полнымъ или частичнымъ неповиновеніемъ помѣщику цѣ-

лаго крестьянскаго общества или группы крестьянъ [1]). Чаще всего крестьяне отказывались отъ работъ, отъ платежа оброка или другихъ повинностей. Подобные отказы наносили, понятно, серьезный матеріальный ущербъ помѣщикамъ и разстраивали помѣщичьи хозяйства. Волненія обыкновенно сопровождались подачею крестьянами жалобъ, возбужденіемъ ими того или другого судебнаго иска и т. п., что вовлекало крестьянъ въ довольно крупные расходы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, крестьяне отказывались отъ собственныхъ работъ, разбѣгались при вводѣ военныхъ командъ и т. д., что также разоряло ихъ. Самое усмиреніе правительственными властями, необходимое для помѣщиковъ, чтобы быстро прекратить неповиновеніе, было палкою о 2-хъ концахъ. Наѣздъ чиновниковъ, содержаніе ихъ и введенныхъ военныхъ командъ, били помѣщика по карману, даже въ томъ случаѣ, если эти расходы взыскивали съ виновныхъ крестьянъ; но бывали случаи, когда расходы эти, въ виду бѣдности и разоренія самихъ крестьянъ, взыскивались непосредственно съ самаго помѣщика. Аресты крестьянъ, допросы ихъ, наказанія по суду, особенно если осужденные удалялись изъ имѣнія, лишали помѣщика рабочихъ силъ на время или навсегда. Все это наносило помѣщичьимъ хозяйствамъ большой ущербъ и заставляло помѣщиковъ—помимо всякихъ другихъ соображеній—страшиться волненій въ силу матеріальныхъ разсчетовъ. Нельзя игнорировать того, что всякое волненіе и усмиреніе его могло повлечь за собою раскрытіе злоупотребленія помѣщичьей

---

[1]) Неповиновеній отдѣльныхъ личностей мы въ своемъ изложеніи не касаемся.

властью, если таковое было, и подвести помѣщика подъ ту или другую кару. Это также могло служить не маловажною причиною, почему помѣщики такъ боялись возникновенія волненій въ ихъ имѣніяхъ.

На ряду съ этимъ, подавленіе вспышки неповиновенія не означало еще усмиренія крестьянъ. „Обычнаго повиновенія“, „обычнаго спокойствія“ не наступало нерѣдко и послѣ усмиренія. Враждебность, мелкія ослушанія, небрежность при исполненіи повинностей наносили не меньшій ущербъ хозяйству, не меньше досаждали помѣщику, чѣмъ открытое неповиновеніе, при которомъ можно было призывать на помощь правительственныя власти для примѣненія репрессій. Иногда, какъ упоминалось, крестьяне постепенно разбѣгались. Иногда, удачно и быстро подавленная вспышка неповиновенія черезъ нѣкоторое время возобновлялась съ еще большею силою, иногда эти вспышки повторялись въ годъ по нѣскольку разъ, изъ года въ годъ или возобновлялись черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ промежуткахъ крестьяне, большей частью, находились въ состояніи скрытаго броженія. При этомъ можно отмѣтить, что съ каждымъ разомъ вспышки становились сильнѣе и неповиновеніе упорнѣе, а крестьяне все замѣтнѣе и замѣтнѣе озлоблялись какъ противъ помѣщиковъ, такъ и противъ правительственныхъ властей. Иногда волненіе, первая вспышка котораго была совершенно мирнаго характера. кончалась вооруженнымъ сопротивленіемъ, и только суровѣйшія репрессіи, кровавое усмиреніе, продолжительный постой военной команды сламывали ихъ упорство. Бывали случаи, когда повиновеніе въ такихъ имѣніяхъ поддерживалось только постоемъ военной команды. Это не могло стать обычнымъ состояніемъ имѣнія, и постой могъ со-

вершенно разорить крестьянъ. Поэтому, бывали случаи, что какъ самъ помѣщикъ, такъ и мѣстныя власти не видѣли другого выхода, какъ пріобрѣсти имѣніе въ казну или продать его въ другія руки. Типичнымъ и яркимъ примѣромъ такого затяжного и наростающаго волненія можетъ служить громадное волненіе крестьянъ гр. Борха Витебской губ.

Эти затяжныя волненія не были единичными исключеніями. Несмотря на неполноту имѣющагося матеріала, можно указать на 68 волненій въ николаевскій періодъ, гдѣ отдѣльныя вспышки повторялись отъ 2-хъ до 5 разъ, причемъ въ счетъ введены лишь тѣ имѣнія, гдѣ вспышки повторялись не ранѣе, какъ на слѣдующій годъ. Въ одномъ случаѣ (имѣніе Закашевской Волынской губ.) волненіе въ общей сложности длилось съ промежутками 37 лѣтъ (съ 1811 по 1848 г.), въ теченіе которыхъ крестьяне болѣе или менѣе сильно волновались 5 разъ, и имѣніе переходило изъ рукъ въ руки. Въ 14 имѣніяхъ „броженія“ длились отъ 10 до 30 лѣтъ, въ 29 имѣніяхъ—отъ 3 до 9 лѣтъ и въ 24 имѣніяхъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Такого рода волненія заставляли иногда самихъ помѣщиковъ просить о взятіи имѣнія въ опеку, купить его въ казну; иногда помѣщикъ старался продать такое имѣніе въ другія руки или отдѣлаться отъ него какимъ либо другимъ путемъ. Подобныя имѣнія менѣе охотно покупались, теряли въ цѣнѣ Бывало и такъ, что помѣщикъ, узнавъ послѣ покупки имѣнія, что крестьяне здѣсь передъ тѣмъ волновались, старался быстро перепродать его.

Для правительства волненія, несмотря на ихъ мирный характеръ, доставляли много хлопотъ, ибо, по тѣмъ или другимъ причинамъ, приходилось

употреблять военную силу и другія средства для ихъ подавленій. Правительство не могло также не озабочиваться замѣчающимся возрастаніемъ ихъ количества, несмотря на принимаемыя репрессіи и другія мѣры, а также на наростающее недовѣріе крестьянскихъ массъ къ мѣстнымъ и даже центральнымъ властямъ, за исключеніемъ одного лишь царя. Эти признаки, на ряду со все растущей воспріимчивостью крестьянъ къ слухамъ о волѣ, передвиженіями *массъ* подъ ихъ вліяніемъ, какъ то было въ Витебскомъ движеніи 1847 г. и въ массовыхъ движеніяхъ 1854 — 1856 г.г., составляло то грозное дыханіе крѣпостной массы, которое сильнѣе, чѣмъ слова, говорило правительству о растущемъ раздраженіи крестьянъ, о все сильнѣе, глубже и шире охватывавшемъ его стремленіи къ волѣ, заставлявшемъ его безъ размышленія, безъ думъ, подъ вліяніемъ какъ бы заразы, бросать родныя мѣста въ поискахъ за волею, быть готовыми жертвовать своими силами и жизнью, идя въ ополченіе, чтобы добыть волю себѣ и своимъ близкимъ. Это было могучимъ факторомъ приступа къ крестьянской реформѣ, это было грознымъ признакомъ, вставшимъ передъ Александромъ II, по вступленіи его на престолъ, и не давшимъ ему успокоиться на простомъ объявленіи слуховъ о волѣ ложными.

Крестьяне же не переставали волноваться до самаго освобожденія, какъ бы напоминая этимъ, что, пока существуетъ крѣпостное право и не раздается слово освобожденія, мира съ помѣщиками не будетъ. Такъ въ 1855 г., помимо движенія по поводу государственнаго ополченія, были волненія въ 10 имѣніяхъ, въ 1856—въ 25-ти, въ 1857—въ 40 имѣніяхъ, въ 1858 г. было почти 200 случаевъ неповино-

вені́й, въ 1859 г.—75, въ 1860 г.—болѣе 114, а въ 2 зимнихъ мѣсяца (январь и февраль)—почти 10, не говоря о другихъ формахъ протеста, о которыхъ говорилось выше.

Ростъ „духа недовольства“, разнаго рода протестовъ и народныхъ движеній не оставался незамѣченнымъ дворянскою массою, и чѣмъ ближе мы подходимъ къ эпохѣ реформъ, тѣмъ сильнѣе реагируетъ дворянство на настроеніе и поведеніе крестьянъ, тѣмъ сильнѣе охватываетъ его страхъ передъ возможностью народнаго возстанія, повтореніемъ пугачевщины или Галиційской рѣзни въ русскихъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности въ этомъ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить за этимъ наростаніемъ тревожнаго настроенія дворянъ. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые факты.

Уже въ началѣ царствованія Николая I мы встрѣчаемся съ жалобою вологодскаго дворянства на распространившейся среди крестьянъ духъ буйства, непокорности. Заблоцкій-Десятовскій въ своей запискѣ 1841 г. свидѣтельствуетъ, что „дворянство сходится въ одномъ, въ чувствѣ страха возстанія крестьянъ“, и онъ признаетъ, что эти опасенія „не безъ основанія“ [1]). Баронъ Гакстгаузенъ, мнѣніе котораго также относится къ 40-мъ годамъ, говоритъ, что „всѣ умные русскіе люди сознаютъ необходимость уничтоженія крѣпостного права“, замѣчая при этомъ, что „важнѣйшій вопросъ дня состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить эти отношенія, не вызвавши соціальной революціи“ [2]). Министръ внутр. дѣлъ Перовскій, въ своей извѣ

---

[1]) Середонинъ «Обзоръ дѣятельности комитета министровъ» т. II ч. 1 стр. 231.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій «Гр. Киселевъ и его время» т. IV, стр. 336.

ственой запискѣ 1845 г., называетъ въ числѣ причинъ, по которымъ дворяне безъ страха относятся къ уничтоженію крѣпостного права,—„раздоры“ между крестьянами и помѣщиками, вытекающіе изъ неопредѣленности крестьянскихъ обязанностей [1]). Въ концѣ 40-хъ годовъ страхи дворянъ обострились. Галиційская рѣзня 1846 г., соотвѣтствующіе слухи среди крестьянъ, рѣзко поставили вопросъ о возможности такихъ же событій и у насъ. Петрашевскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, указывалъ „на возобновленіе общаго вниманія къ эмансипаціи крестьянъ“ подъ вліяніемъ приведенныхъ кіевскимъ ген.-губернаторомъ Бибиковымъ извѣстій, что крѣпостные смежныхъ съ Галиціей губерній „весьма расположены вырѣзать помѣщиковъ“. [2]) О вліяніи слуховъ о галиційской рѣзнѣ приходилось уже говорить. Какъ указано В. И. Семевскимъ, динабургское дворянство возбудило ходатайство о выработкѣ правилъ освобожденія крестьянъ—послѣ возстанія въ Галиціи и въ виду предстоящаго опредѣленія крестьянскихъ повинностей, а среди побудительныхъ причинъ, по которымъ витебское губернское депутатское собраніе въ 1846 г. выразило готовность освободить крестьянъ,—были волненія послѣднихъ [3]). Во время кампаніи за отмѣну столь непріятнаго для помѣщиковъ указа 8 ноября 1847 г., дворянство, въ лицѣ губернскихъ предводителей дворянства аппе-

---

[1]) Баронъ А. Гакстгаузенъ. «Изслѣдованія внутр. отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи», т. I, стр. 72—Москва, 1869 г.

[2]) В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ» т. II стр. 138.

[3]) В. И. Семевскій «Кр. вопросъ въ Россіи во 2-ой половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в.» ст. въ сборникѣ «Крестьянскій строй». стр. 275—276.

лировало къ возможности обострения враждебныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, и къ безпорядкамъ, происшедшимъ или могущимъ произойти въ связи съ этимъ указомъ. Революція 1848 г. возбудила сильнѣйшій страхъ въ дворянахъ передъ возможностью чего-либо подобнаго у насъ. И. В. Кирѣевскій писалъ Погодину послѣ февральской революціи, что должно, желать только того, чтобы правительство... не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда утишатся и объяснятся дѣла на Западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными надеждами“ [1]). Въ этомъ отношеніи правительственная реакція въ крестьянскомъ вопросѣ послѣ 1848—49 г. вполнѣ соотвѣтствовала желаніямъ дворянъ

Въ 50-хъ годахъ опасенія дворянъ обострились. На это указываетъ цѣлый рядъ современниковъ. Чиновникъ особыхъ порученій въ рязанской губ., Славутинскій, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ серединѣ 50-хъ годовъ „крестьянскими бунтами и всѣмъ, что относилось къ нимъ, даже причинами, по которымъ они возникали, интересовались уже чрезвычайно“. При разговорахъ на эту тему, помѣщики жаловались, что приходится жить въ тяжелое время, что „прежде, еще такъ недавно, ничего подобнаго не случалось“. Славутинскому приходилось слышать общимъ хоромъ выражаемыя опасенія, что при такомъ настроеніи крестьянъ, при склонности ихъ къ волненіямъ, къ покушеніямъ на помѣщиковъ и къ нанесенію имъ побоевъ, уже нечего ждать до-

---

[1]) Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина» т. IX стр. 303.

браго и въ будущемъ. Эти опасенія Славутинскій слышалъ года за $1^1/_2$ до начала освобожденія крестьянъ. „Вообще, говоритъ Славутинскій, опасенія на счетъ будущаго положенія крѣпостныхъ отношеній, на счетъ какъ будто бы уже неминуемаго съ каждымъ годомъ усиленія реакціи со стороны самихъ крестьянъ противъ крѣпостнаго права, сдѣлались къ тому времени чѣмъ то нормальнымъ въ обществѣ, какъ между помѣщиками, такъ и между чиновниками“. По его мнѣнію, „черезъ нихъ то именно и началось общественное сознаніе относительно необходимости порѣшить окончательно съ крѣпостнымъ правомъ“ [1]).

Многіе опасались возстанія при приступѣ къ отмѣнѣ крѣпостного права. Эти страхи, по указанію того же Славутинскаго, были именно результатомъ „тѣхъ крестьянскихъ волненій, которыя за послѣднее десятилѣтіе передъ 1857 г. стали случаться часто, стали обходить уѣздъ за уѣздомъ“ [2]). А. И. Кошелевъ также указывалъ, что, подъ вліяніемъ страха передъ народнымъ возстаніемъ въ 1854—55 гг., ярые крѣпостники готовы были на самыя невыгодныя условія освобожденія, лишь бы развязаться съ крѣпостнымъ правомъ [3]). Самаринъ въ своей запискѣ 1856 г. говоритъ также объ опасеніяхъ помѣщиковъ за свою безопасность. Въ одной статьѣ 1856 г. онъ отмѣчаетъ, что „дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія прави-

---

[1]) Славутинскій «Выдержки изъ отрывочныхъ воспоминаній» Др. и Нов. Россія 1879 г. № 9 стр. 388.

[2]) Ibid., стр. 389.

[3]) А. И. Кошелевъ. «Записки».—Приложенія, стр. 78. — Берлинъ, 1884 г.

тельства... Просвѣщеннѣйшіе изъ нихъ... откровенно сознаются въ настоятельной необходимости предупредить грозящую опасность своевременными уступками и добросовѣстно изыскиваютъ способъ перейти отъ настоящаго напряженнаго положенія къ болѣе прямому порядку вещей. Доказательствомъ можетъ служить множество записокъ объ упраздненіи крѣпостного права, ходящихъ по рукамъ въ Москвѣ и Петербургѣ и оттуда распространяющихся по всей Россіи“ [1]). И мы знаемъ, на примѣрѣ хотя бы сильно распространенныхъ въ освободительные годы записокъ самого Самарина, Кошелева, Кавелина, что мотивъ возможности народнаго возстанія, въ случаѣ промедленія реформы, является въ нихъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ необходимости немедленно приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права на основѣ надѣленія крестьянъ землею.

Не менѣе важно было вліяніе крестьянскихъ протестовъ во время самой выработки Положенія 19 февраля. А. А. Корниловъ отмѣчаетъ, что одною изъ причинъ невозможности для дворянъ медлить съ ходатайствами объ улучшеніи быта крестьянъ, послѣ ходатайствъ с.-петербургскаго нижегородскаго и московскаго дворянствъ, было опасеніе народныхъ волненій. „Сами помѣщики, говоритъ онъ, вездѣ понимали, что отстать отъ другихъ невозможно и даже опасно, такъ какъ промедленіе могло легко вызвать безпокойство и волненія среди крестьянъ“ [2]). Крестьяне въ этомъ отношеніи безсознательно слѣдовали политикѣ систематическаго устрашенія.

---

[1]) Самаринъ. Собр. сочиненій, т. II стр. 139—140.

[2]) А. А. Корниловъ. «Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.», стр. 316. Сборникъ «Крестьянскій строй», стр. 316.

Если мы сопоставимъ таблицу крестьянскихъ волненій 1858 и 1859 г. по мѣсяцамъ съ таблицею отвѣтныхъ рескриптовъ на ходатайства дворянъ объ открытіи губернскихъ комитетовъ и времени закрытія ихъ, то убѣдимся, что, за малыми исключеніями, крестьянскія волненія и другія формы протестовъ были чаще до рескриптовъ, замирали во время работъ комитетовъ и возобновлялись съ новою силою съ закрытіемъ ихъ, когда, подъ вліяніемъ переноса крестьянскаго дѣла въ Петербургъ, среди крестьянъ возникли слухи, что дворянамъ опять удалось или удастся скрасть волю.

Неспокойное поведеніе народныхъ массъ сыграло весьма крупную роль въ дѣлѣ ускоренія реформы. Справедливы были сѣтованія многихъ дворянъ, что, съ оглашеніемъ приступа къ реформѣ, крѣпостное право въ сущности было разрушено. Крестьяне лишь выжидали объявленія воли, крѣпостныя повинности выполнялись крайне небрежно; крестьяне сильнѣе и чаще реагировали на злоупотребленія помѣщичьей власти, жалуясь и волнуясь нерѣдко по поводу такихъ дѣйствій помѣщиковъ, которыя раньше сносились безропотно. Съ другой стороны и помѣщики, въ виду повышенной чувствительности крестьянъ и усиленнаго вниманія администраціи къ обращенію помѣщиковъ съ крестьянами, опасались пользоваться вотчинною властью съ прежнею смѣлостью. Калужскій помѣщикъ Доломановъ, напримѣръ, жестоко наказывавшій раньше крестьянъ за каждую небрежность въ сельскихъ работахъ, прекратилъ наказанія со времени начала реформы. Нѣкоторые помѣщики сознательно уклонялись отъ всякихъ расправъ съ крестьянами собственною властью и по

каждому случаю неповиновенія или грубости обращались за содѣйствіемъ къ земской полиціи.

При подобныхъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, крѣпостное хозяйство, разсчитанное на сильную вотчинную власть помѣщиковъ и безусловное повиновеніе крестьянъ, не могло идти успѣшно, и помѣщики должны были жаждать скорѣйшей развязки въ ту или другую сторону. Крайне характерно письмо А. И. Кошелева отъ 26 мая 1860 г. изъ села Песочнаго Рязанской губ. Онъ указывалъ на полное разстройство хозяйства въ силу бездѣйствія крестьянъ, выжидающихъ воли и ждущихъ, что царь прикажетъ. „Власть полиціи, помѣщика ослабѣла, воровство, пьянство усилились, барщина плоха, землю не унаваживаютъ, не дѣлаютъ никакихъ условій при переходѣ на оброкъ, однимъ словомъ—полный хозяйственный застой, хотя народъ и спокоенъ“. Кошелевъ умоляетъ торопиться съ реформою, ибо при промедленіи можетъ произойти бунтъ [1]). Въ другомъ письмѣ отъ 30 іюня 1860 г. онъ указываетъ на готовность всѣхъ помѣщиковъ принять какой угодно проектъ, лишь бы прекратить создавшуюся неурядицу (Кошелевъ имѣетъ въ виду Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и Самарскую губерніи). Онъ жалуется, что крѣпостного права фактически уже нѣтъ, но и нѣтъ ничего взамѣнъ. Кошелевъ прямо говоритъ, что помѣщиковъ „посадили на колъ“ и имъ волею-неволею приходится жаждать развязки [2]). Изъ фактическихъ данныхъ мы знаемъ также, что спокойствія среди

---

[1]) Кн. О. Трубецкая. «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», т. II, стр. 190—191.

[2]) Кн. О. Трубецкая. «Матер. для біогр. кн. В. А. Черкасскаго», т. II, стр. 191—192.

крестьянъ не было, волненія не уменьшались, а скорѣе росли.

Необходимо отмѣтить также, что опасенія крестьянскихъ безпорядковъ заставляли дворянъ считаться съ народными взглядами на волю. Помѣщикамъ, постоянно соприкасавшимся съ крестьянами, былъ хорошо извѣстенъ взглядъ послѣднихъ на неразрывность ихъ съ землею. Можно сказать, что мысль о необходимости надѣленія крестьянъ землею, какъ въ правительственныхъ, такъ и дворянскихъ кругахъ, завоевала въ XIX вѣкѣ право гражданства въ значительной степени подъ вліяніемъ опасеній, что безземельное освобожденіе можетъ вызвать взрывъ народнаго негодованія. Это получило особо сильное значеніе при выработкѣ самаго Положенія 19 февраля. Въ запискахъ Самарина, Кошелева, Кавелина, Унковскаго и др. рѣзко подчеркивалась мысль, что крестьяне не иначе представляютъ себѣ освобожденіе, какъ съ землею, и освобожденіе можетъ произойти мирно только при условіи обезпеченія за крестьянами владѣнія землею.

Дворяне ясно сознавали, что вполнѣ мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса возможно лишь тогда, если будутъ удовлетворены всѣ народныя ожиданія отъ воли. И нужно замѣтить, что страхи многихъ помѣщиковъ передъ грядущимъ освобожденіемъ, опасенія общихъ сильныхъ безпорядковъ зависѣло въ значительной степени отъ сознанія, что ожиданія крестьянъ отъ воли не могутъ быть и не будутъ удовлетворены. Народная программа „воли“, на которой мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь, была настолько шире дворянской, правительственной, даже программы „либеральной“ партіи, что полное ея удо-

влетвореніе было немыслимо для дворянъ, даже подъ страхомъ кроваваго народнаго возстанія: для этого имъ нужно было отречься отъ собственныхъ интересовъ, отъ собственнаго бытія. Но уже важно и то, что крестьянскія волненія, та борьба, которую крестьяне вели въ разныхъ направленіяхъ противъ различныхъ проявленій крѣпостного права, заставило хотя въ слабой степени считаться съ народными требованіями, и выработка Положенія 19 февраля происходила подъ грознымъ вліяніемъ возбужденныхъ народныхъ массъ.

Нашъ обзоръ былъ бы крайне неполонъ, если бы мы ограничились лишь бѣглыми замѣчаніями объ отношеніи правительства къ крестьянскимъ протестамъ и вліяніи послѣднихъ на первое. Въ силу особыхъ условій, вліяніе правительства въ русскомъ государствѣ особенно сильно сказывалось во всѣхъ областяхъ общественной и народной жизни. Самодержавная власть брала исключительно на себя инициативу какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; она всегда стремилась властвовать надъ „обывателями“, а не „гражданами“, строго отмежевывая имъ лишь сферу частныхъ *обывательскихъ* отношеній. Особенно типичнымъ выразителемъ этой самодержавной идеи былъ императоръ Николай I. Въ частности его отношеніе къ крестьянской массѣ было рѣзко и опредѣленно. Народная масса должна быть безмолвно покорной, и всѣ заботы о ея благѣ должно было принимать на себя правительство. По поводу галиційскихъ событій 1846 г. онъ писалъ кн. Паскевичу: „Происходящее въ Галиціи—урокъ добрый и доказываетъ еще разомъ болѣе, что никогда черни воли давать не должно, чего у насъ отнюдь не допущу. Чернь должна слушать, а не дѣйство-

вать“. Поручивъ ген.-губернатору Бибикову не допускать въ Подольской и Волынской губ. ничего подобнаго тому, что было въ Галиціи, Николай I замѣчаетъ, что „никогда не дозволитъ распорядковъ снизу, а хочетъ, чтобы ждали сверху“.

Причины, по которымъ онъ такъ опасался крестьянскихъ возстаній, революцій снизу, отчасти выражены имъ въ одномъ изъ писемъ къ тому же кн. Паскевичу. Онъ полагалъ, что народныя волненія, народное недовольство являются хорошей почвой для распространенія ненавистныхъ ему соціальныхъ идей братства и равенства, и для предупрежденія такой возможности необходимо держать народъ въ безмолвной покорности. „Вѣрю очень,—пишетъ онъ, намекая, что австрійское правительство виновно въ попустительствѣ галиційской рѣзни,—что теперь австрійцамъ не легко будетъ приводить народъ къ порядку, ибо сколько народное орудіе въ томъ случаѣ не было полезно, оно самое опасное, ибо выводитъ изъ порядка и послушанія, а *тутъ и коммунизмъ готовъ*“. Примѣръ пугачевщины, европейскія революціи—также не могли не учить его, что народныя возстанія угрожаютъ какъ самодержавному строю государства, такъ и соціальному строю, основанному на порабощеніи трудящихся массъ сильными политически и экономически группами. Конечно, какъ государственный человѣкъ, онъ не могъ не понимать, что однѣми репрессіями онъ не можетъ сдержать народныя массы въ повиновеніи, и во имя самой покорности ихъ нужны своевременныя уступки назрѣвающимъ потребностямъ. Этимъ объясняется его политика въ крестьянскомъ вопросѣ.

На ряду съ суровыми репрессіями по отношенію къ крестьянамъ, борющимся съ помѣщиками

за свои права и волю, наряду съ неоднократными подтвержденіями требованія безусловной покорности помѣщичьей власти, онъ пытается постепенно ограничивать крѣпостное право, имѣя конечною цѣлью его уничтоженіе, онъ борется со злоупотребленіями помѣщичьей властью. Его благія начинанія въ крестьянскомъ вопросѣ зависѣли въ значительной степени отъ желанія предупредить крестьянскія волненія. Принимая въ 1842 г. депутатовъ отъ смоленскаго дворянства, онъ выразилъ въ рѣчи къ нимъ мысль, что лишь переводъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные можетъ предупредить „крутой“ переломъ. „Лучше намъ отдать добровольно, чѣмъ допустить, чтобы отъ насъ отняли“, говорилъ онъ [1]). Именно такъ понимали его политику и современники. Смоленскій губернскій предводитель дворянства кн. Друцкій-Соколинскій въ своей запискѣ 1849 г., объяснялъ возникновеніе мысли о преобразованіи крѣпостного права желаніемъ правительства предупредить стремленіе крѣпостныхъ пріобрѣсти свободу [2]). Самая реакція послѣ 1848 г. была отчасти результатомъ тѣхъ же опасеній народнаго возстанія. Подъ вліяніемъ примѣра революціи 1848 г., онъ готовъ былъ отказаться отъ всякихъ поступательныхъ шаговъ въ крестьянскомъ вопросѣ, лишь бы не поддерживать въ народныхъ массахъ броженія противъ существующихъ властей. Николай I внимательно слѣдилъ за всѣми формами крестьянскихъ протестовъ, приказывалъ докладывать себѣ особо о выдающихся случаяхъ волненій и требовалъ тщательнаго выясненія причинъ ихъ; нѣкоторые случаи волненій

---

[1]) В. И. Семевскій «Кр. вопросъ», т. II стр. 163—165.
[2]) Ibid., стр. 181.

вызывались его стороны распоряженія и даже законодательные акты для устраненія признанной имъ причины ихъ. Укажемъ на нѣкоторые факты этого рода.

Обильныя волненія крестьянъ въ 1826 г., слухи о волѣ, а также декабрьское возстаніе 1825 г. вызвали большое оживленіе въ крестьянской политикѣ. Донесенія о циркулировавшихъ въ народѣ слухахъ о волѣ и связанныхъ съ ними волненіяхъ непосредственно вызвали изданіе манифеста 12 мая 1826 г., требовавшаго отъ крестьянъ полной покорности помѣщикамъ и объявившаго слухи о волѣ неимѣющими никакой почвы подъ собою. Съ цѣлью скорѣйшаго подавленія крестьянскихъ волненій въ томъ же году учреждены смѣшанные (изъ гражданскихъ и воинскихъ чиновъ) военные суды для неповинующихся крестьянъ. Въ томъ же году изданы рескрипты 26 іюня и 6 сентября съ цѣлью сократить злоупотребленія помѣщичьей властью. Открытъ былъ секретный комитетъ 1826 г., на обсужденіе котораго былъ поставленъ и крестьянскій вопросъ. Слухи о волѣ, возникшіе въ 1830 г., и вспышка волненій въ этомъ году, вызвали разсылку секретныхъ циркуляровъ по Высочайшему повелѣнію губернаторамъ отъ 4 мая 1830 г., и предводителямъ дворянства отъ 22 декабря того же года, объ искорененіи подобныхъ слуховъ и прекращеніи самыми дѣятельными мѣрами малѣйшихъ признаковъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ [2]). Въ 1833 г. волненіе крестьянъ помѣщика Грудева Московской губ., работавшихъ на фабрикѣ, побудило составить секретныя правила (циркуляръ 26 декабря 1833 г.), которыми должны

---

[3]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1830 г. №№ 235 и 392.

были руководствоваться предводители дворянства въ надзорѣ за вотчинными фабриками. Хотя эти правила, повидимому, не имѣли практическаго значенія, они интересны, какъ попытка регулировать крестьянскій трудъ на вотчинныхъ фабриках ъ [1]). Въ этомъ же году, обильномъ безпорядками на почвѣ недостатка продовольственной помощи, Николай I, опасавшійся голодныхъ бунтовъ, повелѣлъ усмирять крестьянъ силою (оружія), не щадя ихъ [2]), а по войскамъ было отдано дополнительное секретное Высочайшее повелѣніе о безотлагательномъ содѣйствіи гражданскимъ властямъ въ случаѣ безпорядковъ на почвѣ голода. Эти распоряженія вызвали вакханалію усмиреній и примѣненіе военной силы по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что первые годы царствованія Николая I, характеризующіеся большимъ интересомъ его къ крестьянскому вопросу и болѣе широкими планами въ области крестьянскаго законодательства, въ то же время отличаются болѣе суровыми репрессіями по отношенію къ крестьянскимъ безпорядкамъ.

Мы знаемъ уже о мѣрахъ, принятыхъ по поводу убійства крестьянами помѣщика Свадковскаго, и о распоряженіяхъ 1842 г. по поводу участившихся случаевъ убійствъ помѣщиковъ. Укажемъ также на волненіе крестьянъ помѣщиковъ Чулковыхъ Московской губ. въ 1842 г., вызвавшее указъ 1842 г. о запрещеніи лицамъ, происходившимъ изъ крѣпостного состоянія и возведеннымъ въ дворянское

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 398. См. также Туган-Барановскаго. «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ» стр. 111—112.

[2]) Циркуляръ 20 сентября 1833 г.—А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 420.

достоинство, владѣть населенными имѣніями, въ которыхъ они, или отцы и дѣды ихъ были записаны по ревизіямъ. Одновременно съ указомъ 2 апрѣля 1842 г. о правѣ помѣщиковъ отпускать крестьянъ въ обязанные, былъ выпущенъ мини-стромъ внутр. дѣлъ секретный циркуляръ въ предупрежденіе могущихъ послѣдовать слуховъ въ народѣ о волѣ и безпорядковъ въ связи съ этимъ; циркуляръ предписывалъ строго наблюдать за разглашателями подобныхъ слуховъ, подвергая ихъ взысканію по всей строгости законовъ, и всѣми мѣрами немедленно подавлять случаи неповиновенія крестьянъ ихъ помѣщикамъ. Извѣстно также, что отмѣна указа 8 ноября 1847 г. послѣдовала въ значительной степени подъ вліяніемъ безпорядковъ по поводу этого указа и опасенія, что они усилятся; повліяло и впечатлѣніе отъ революціи 1848 г. Наконецъ, нельзя не упомянуть о волненіи крестьянъ помѣщика Колонтарова Ставропольской губ. въ 1853 г., выдѣляющагося изъ волненій начала 50-хъ годовъ не только кровавымъ усмиреніемъ (при усмиреніи противъ крестьянъ пущены были въ ходъ пушки), но и нѣкоторымъ движеніемъ въ крѣпостномъ законодательствѣ. По поводу этого волненія послѣдовалъ особый секретный циркуляръ, подтверждавшій о точномъ соблюденіи манифеста о 3-хъ дневной барщинѣ и разъяснявшій, что переносъ барщинныхъ дней съ одной недѣли на другую не допустимы и что время теряемое на проходъ на мѣсто работъ, должно зачитываться въ число барщинныхъ дней. Это важное для крестьянъ разъясненіе, къ сожалѣнію помимо секретности, обезсиливавшей его — сдѣлано было наканунѣ, можно сказать, паденія крѣпостного права. Въ этомъ дѣлѣ очень любопытно также

утвержденное Пр. Сенатомъ постановленіе губернскаго правленія о крестьянахъ Колонтарова, чтобы на господскія работы съ каждаго тягла могли брать не болѣе 2-хъ воловъ [1]).

Нельзя забывать также при оцѣнкѣ вліянія крестьянскихъ протестовъ сдѣланнаго уже замѣчанія, что наиболѣе цѣнный шагъ въ исторіи крестьянскаго вопроса ко времени реформы—сознаніе правительствомъ и обществомъ необходимости надѣленія крестьянъ землею—сдѣланъ въ значительной степени подъ вліяніемъ опасеній народныхъ волненій при безземельномъ освобожденіи.

Преемникъ Николая I, Александръ II, будучи наслѣдникомъ, проявлялъ консервативныя тенденціи въ крестьянскомъ вопросѣ, и при вступленіи его на престолъ на него смотрѣли, какъ на защитника крѣпостного права. Но отчасти литературное вліяніе, а главнымъ образомъ крымская компанія и народныя движенія 1854—1856 г. заставили его измѣнить прежнее мнѣніе. Для него ясно стало, что во имя государственныхъ интересовъ необходимо покончить со всѣмъ крѣпостнымъ укладомъ русской жизни и прежде всего съ крѣпостнымъ правомъ. Народныя движенія, вихрь слуховъ о волѣ, охватившій крѣпостную массу въ 1854—1857 гг., ясно показали ему, что медлить съ отмѣною крѣпостного права нельзя, если онъ не хочетъ, чтобы взмылась народная волна и не затопила общество и государство, противящееся ясно выраженнымъ народнымъ интересамъ. Послѣ заключенія мира, какъ говорили, государь сказалъ на праздникѣ мира: „теперь мы кончили съ внѣшнимъ врагомъ; надо начинать войну съ врагами внутренни-

---

[1]) Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1853 г. № 820.

ми“ [1]). Въ 1856 г., въ своей исторической рѣчи къ московскому дворянству, онъ рѣзко и опредѣленно выразилъ мысль, что отмѣна крѣпостного права необходима для предупрежденія революціи снизу, т. е. народнаго возстанія во имя сверженія крѣпостного права. Его слова: „лучше, чтобы освобожденіе произошло сверху, нежели снизу“, знаменовали собою цѣлую правительственную программу, исполненіе которой можно замѣтить во всѣхъ дѣйствіяхъ Александра II, несмотря на массу колебаній, нерѣшительности, компромиссовъ, проявленныхъ имъ на пути реформы.

Въ соотвѣтствіи съ этой программой, правительство выступило рѣшительно на путь реформы, разыгравъ вскорѣ изъ тактическихъ соображеній комедію иниціативы самого дворянства въ крестьянскомъ вопросѣ. Эта комедія, впрочемъ, была до извѣстной степени необходима и съ указанной точки зрѣнія правительства—для замиренія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и разсѣянія увѣренности крестьянъ, что дворянство мѣшаетъ освобожденію и скрываетъ волю.

Съ другой стороны, правительство всѣми мѣрами стремилось предупредить „освобожденіе снизу“.

Въ циркулярахъ оно предписывало тщательно слѣдить за спокойствіемъ крестьянъ и мѣрами строгости подавлять неповиновенія помѣщичьей власти, преслѣдовать разгласителей слуховъ о волѣ, объявивъ послѣдніе ложными. Усиливъ борьбу съ злоупотребленіями помѣщичьей властью, правительство въ тоже время внимательно слѣдило

---

[1]) А. А. Корниловъ. «Кр. реформа 19 февр. 1861 г.» Сборн. «Крестьянскій строй» стр. 298.

за крестьянскими протестами. Министръ внутр. дѣлъ особымъ отношеніемъ, въ мартѣ 1858 г., предписалъ губернаторамъ доносить себѣ о всѣхъ случаяхъ неповиновенія, какъ бы ни были они маловажны. По Высочайшему повелѣнію, въ томъ же мартѣ, министръ внутр. дѣлъ долженъ былъ представлять Императору еженедѣльные доклады „о случаяхъ неповиновенія крестьянъ помѣщичьей власти, происшедшихъ по поводу новаго устройства крестьянскаго быта“ [1]). Такого рода доклады дѣлались въ теченіи всего освободительнаго періода. Отъ правительства, такимъ образомъ, не могло укрыться тревожное настроеніе крестьянской массы, не укрывались колебанія въ немъ въ связи съ работами губернскихъ комитетовъ и слухами о судьбѣ реформы. Эти свѣдѣнія еще болѣе должны были убѣждать Александра II, что, вступивъ на путь реформы, отступать нельзя. Ускоренный темпъ хода крестьянской реформы въ концѣ освободительнаго періода, поспѣшность, съ какою были объявлены манифестъ и Положеніе 19 февраля до начала полевыхъ работъ, въ значительной степени объясняются опасеніями, что въ весеннее и лѣтнее время волненія среди крестьянъ могутъ вспыхнуть съ особою силою въ виду истощающагося народнаго терпѣнія. Любопытно, что, по свидѣтельству современника реформы Н. А. Крылова, „торопливое распоряженіе насчетъ объявленія воли черезъ полицію объясняли давленіемъ изъ Петербурга, куда будто бы губернаторы писали, что народъ теряетъ терпѣніе и недалекъ отъ массовыхъ безпорядковъ“ [2]). И мы знаемъ изъ предыдущаго

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1858 г. № 1360.
[2]) Н. А. Крыловъ. «Историч. Вѣстн.» 1904 г. № 7, стр. 91.

изложенія, что самые факты должны были, помимо особыхъ донесеній, убѣждать Александра II, что народъ нетерпѣливо ждетъ освобожденія, что озлобленіе и враждебность его по отношенію къ дворянамъ растетъ, и потому нужно было торопиться съ окончаніемъ начатой реформы.

Эти же опасенія передъ народными волненіями заставляли правительство становиться на стражу крестьянскихъ интересовъ, ибо для него было очевидно, что чѣмъ полнѣе будутъ удовлетворены крестьяне, тѣмъ спокойнѣе они будутъ при объявленіи воли. Наиболѣе твердо стояло правительство въ вопросѣ о надѣленіи крестьянъ землею, ибо хорошо понимало, что безземельное освобожденіе можетъ вызвать серьезныя волненія, а, можетъ быть, и возстаніе крестьянъ.

Въ другихъ пунктахъ, въ размѣрѣ земельнаго обезпеченія, въ формѣ его, въ повинностяхъ, въ крестьянскихъ правахъ и обязанностяхъ, правительство уже колебалось и пошло по пути компромиссовъ, пытаясь сочетать противоположные крестьянскіе и дворянскіе интересы. Самъ Александръ II, а также другіе дѣятели реформы, повидимому, отлично понимали, что путь компромиссовъ, никого не удовлетворивъ, можетъ повести къ крестьянскимъ волненіямъ, которыхъ такъ желали избѣгнуть. Поэтому правительство заранѣе заботилось объ установленіи сильной власти на мѣстахъ при объявленіи воли, въ цѣляхъ немедленнаго подавленія крестьянскихъ протестовъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, составленіе проекта учрежденія временныхъ ген.-губернаторовъ, за который одно время упорно держался Императоръ Александръ II. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, будучи противникомъ

этого учрежденія, въ 1858 г. представилъ Александру II записку, составленную В. А. Арцимовичемъ, гдѣ докладывалась ненужность ген.-губернаторовъ. Александръ II остался очень недоволенъ запискою и сдѣлалъ на нее рядъ собственноручныхъ замѣчаній. Изъ нихъ видно, что уже въ то время Александръ II считалъ, что реформа не сможетъ удовлетворить крестьянъ, которые спокойны лишь *въ ожиданіи* реформы. По его мнѣнію, нужно заранѣе приготовиться къ крестьянскимъ волненіямъ, для чего и необходимы ген.-губернаторы. Государь выражалъ даже опасеніе за дальнѣйшее спокойствіе народа до конца выработки реформы, судя по доходящимъ до него свѣдѣніямъ. На указаніе записки, что „спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства“, Александръ II замѣтилъ: „да, но къ несчастью, наше положеніе и административная организація еще далеки отъ этого“ [1]). — Какъ извѣстно, Александръ II отказался отъ учрежденія ген.-губернаторствъ, но фл.-адъютанты съ особыми полномочіями были разосланы на случай безпорядковъ. Такимъ образомъ еще наканунѣ объявленія воли Александръ II былъ уже убѣжденъ въ неудовлетворительности ея съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ и ожиданій, и въ неизбѣжности крестьянскихъ волненій.

Такъ какъ въ крестьянской реформѣ, какъ извѣстно, пришлось сыграть значительную роль и интеллигенціи, то необходимо сказать хотя нѣ-

---

[1]) А. А. Корниловъ «Крестьянская реформа въ калужской губ. стр. 31—37.

сколько словъ о значеніи для нея крестьянской борьбы съ крестьянскимъ правомъ.

Для интеллигенціи массовыя движенія крѣпостныхъ, протесты ихъ, всѣ тѣ признаки, которые такъ пугали дворянъ и правительство, служили могучимъ доказательствомъ необходимости торопиться съ отмѣною крѣпостного права. Но въ то время, какъ представители дворянства среди интеллигенціи, даже такіе, какъ Кошелевъ, со страхомъ говорили объ угрожающемъ государству и обществу народномъ возстаніи, соціалистическая интеллигенція, пользуясь указаніями на возможный взрывъ для воздѣйствія на правительство и дворянство, — сама видѣла въ немъ исходъ изъ труднаго положенія, если не послѣдуетъ отмѣны сверху. Еще нѣкоторые декабристы — эти первые революціонеры XIX вѣка — и часть петрашевцевъ видѣли въ народномъ возстаніи желанную грозу, которая прочиститъ душную крѣпостную атмосферу, если невозможно будетъ добиться этого болѣе мирными средствами. Герценъ былъ сторонникомъ той же идеи. Вся статья Герцена „Юрьевъ день, Юрьевъ день!“ написанная еще въ 1853 г., есть сплошной призывъ къ дворянамъ немедленно приступить къ освобожденію во избѣжаніе второй пугачевщины или укрѣпленія самодержавія, если освобожденіе будетъ дано съ высоты престола „Освобожденіе крестьянъ, писалъ Герценъ, необходимо, неотразимо, неминуемо.—Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны, по царской милости или по милости пугачевщины... Страшна пугачевщина, замѣчаетъ Герценъ, но — скажемъ откровенно, если освобожденіе крестьянъ не можетъ быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого ку-

плено. Страшныя преступленія влекутъ за собою страшныя послѣдствія". „Спасите себя отъ крѣпостного права и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить", шлетъ Герценъ страстный призывъ къ дворянамъ изъ-за рубежа; „пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго. Но торопитесь,—время страдное, ни одного часа терять нельзя" [1]).

И послѣ того возможность народнаго возстанія, значеніе наростающихъ крестьянскихъ безпорядковъ, необходимость для удачнаго конца реформы народнаго представительства при выработкѣ Положенія, необходимость полнаго удовлетворенія народныхъ интересовъ постоянно выдвигались въ органахъ печати, издаваемыхъ Герценомъ и ставшихъ въ то время выразителями свободной русской мысли. Извѣстія о волненіяхъ крестьянъ всегда находили себѣ гостепріимный пріютъ на страницахъ „Колокола" и въ листкѣ „Подъ судъ". Въ „Колоколѣ" постоянно подчеркивалось, что если народные интересы будутъ удовлетворены, то при освобожденіи нельзя ожидать и крестьянскихъ волненій.

Изъ этого краткаго очерка мы видимъ, что хотя крестьяне и были устранены отъ участія въ выработкѣ реформы 19 февраля, но вліяніе ихъ на главныхъ участниковъ — правительство и дворянство — было громадно. Печать молчанія была наложена на народныя уста, шпицрутенами, кнутомъ, плетьми и каторгою расправлялись съ нимъ за его протесты противъ крѣпостного права, но языкъ фактовъ, которымъ говорилъ народъ — былъ настолько убѣдителенъ, страшенъ, что правительство

([1] А. И. Герценъ. Собраніе сочиненій, т. V, стр. 306, 308.

и дворянство должны были изъ страха передъ народнымъ возстаніемъ дѣлать уступки народнымъ требованіямъ. Конечно, борьба крестьянъ съ крѣпостнымъ правомъ не единственный факторъ, подготовившій паденіе крѣпостного права, но онъ несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе важныхъ, подъ давленіемъ котораго шло отчасти развитіе крестьянскаго вопроса въ Россіи, и особенно—приступлено къ реформѣ и разработкѣ Положенія о крестьянахъ. Безъ изученія этого фактора не можетъ быть объяснено и понято, какъ начало, такъ и ходъ крестьянской реформы. Положеніе 19 февраля было выковано не только правительствомъ, дворянствомъ и интеллигенціей, но и самимъ народомъ. Не его вина, что это Положеніе такъ мало соотвѣтствуетъ его идеаламъ, его пониманію „воли“. Можно сказать лишь, что еслибы крестьяне своей борьбой не оказали того вліянія, которое имъ пришлось оказать, то Положеніе 19 февраля было бы, пожалуй, еще менѣе удовлетворительнымъ, а очень можетъ быть, въ 50-хъ годахъ къ крестьянской реформѣ и не приступили бы.

И. Игнатовичъ.

Борьба съ крѣпостничествомъ въ русской художественной литературѣ.

I.

Восемнадцатый вѣкъ.

Нападки на крѣпостничество въ русской художественной литературѣ начинаются вмѣстѣ съ возникновеніемъ этой послѣдней. Первый русскій писатель Кантемиръ—родоначальникъ нашей изящной словесности—являлся въ то же время и обличителемъ крѣпостного права. Въ знаменитой сатирѣ „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“ онъ не только осуждаетъ дурное отношеніе къ крѣпостнымъ, но и указываетъ то нравственное основаніе, которое приводитъ его къ этому осужденію—„плоть въ слугѣ твоемъ одно-лична“, говоритъ Кантемиръ, обращаясь къ праздному и жестокому владѣльцу, т. е. помѣщикъ и его крѣпостной равны другъ другу, какъ люди. Болѣе подробно развивается эта же мысль въ концѣ сатиры. Адамъ, говорится здѣсь, дворянъ не родилъ, но одному сыну поручилъ копать садъ, а другому пасти скотину; Ной въ своемъ ковчегѣ спасъ равныхъ между собою людей — „простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ“; отъ нихъ мы и произошли, причемъ одни раньше оставили дудку и соху, а другіе позднѣе. Такимъ образомъ Кантемиръ, какъ можно видѣть изъ этой

сатиры, является принципіальнымъ сторонникомъ равенства между сословіями. Понималъ ли онъ, что самый институтъ крѣпостного права по существу своему противорѣчитъ понятію равенства? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ въ творчествѣ перваго русскаго писателя, но горячее его сочувствіе тяжелому положенію закрѣпощеннаго народа внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ Елизаветинскую эпоху, время наибольшаго расцвѣта ложно-классическаго направленія, антикрѣпостническая тенденція въ русской литературѣ какъ будто бы прерывается. Но за то въ послѣдующій историческій періодъ, Екатерининскій, она проявляется уже весьма замѣтно. Этому способствуетъ цѣлый рядъ причинъ общественно-политическаго характера. Важнѣйшими изъ нихъ являются—изданіе Екатериной II „Наказа“, въ которомъ хотя и слабо, но все-таки сказалось либеральное настроеніе Государыни въ крестьянскомъ вопросѣ, конкурсъ Вольно-экономическаго общества на тему о собственности крестьянъ, споры въ Комиссіи для составленія проекта новаго уложенія и наконецъ непрекращающіяся волненія крѣпостныхъ, ожидавшихъ, что за „вольностью дворянской“ (знаменитый указъ Петра III, подтвержденный и Екатериной) должна послѣдовать вольность крестьянская. Все это привлекало къ крѣпостному праву вниманіе русскаго общества, а слѣдовательно и литературы, которая, оставаясь по формѣ ложно классической, являлась довольно-таки реальной по содержанію.

Въ отношеніи писателей второй половины XVIII вѣка къ интересующему насъ вопросу нетрудно замѣтить три теченія. Одни, какъ напримѣръ, авторы нѣкоторыхъ комическихъ оперъ и

главнымъ образомъ романовъ, жанра, самаго распространеннаго въ то время, явно идеализировали крѣпостное право, рисуя крестьянскую жизнь въ видѣ какой-то пасторали, другіе подобно Сумарокову и Екатеринѣ (ком. „О время!“) ограничивались случайными указаніями на частныя злоупотребленія помѣщиковъ, считая крѣпостничество нерушимымъ устоемъ русской государственности, и, наконецъ, третьи доросли до признанія полной нравственной несостоятельности этого института.

Къ сожалѣнію, условія историческаго момента, въ частности все усиливающаяся реакціонность внутренней политики императрицы, были таковы, что немногочисленнымъ представителямъ этой послѣдней группы часто приходилось маскировать свои истинные взгляды. Единственно, что они могли сдѣлать, избѣгая, изъ цензурныхъ соображеній, сужденій общаго характера, это избрать несовершенства крѣпостничества мишенью для своихъ постоянныхъ, хотя бы касающихся только частныхъ проявленій зла, нападокъ. Изъ такихъ писателей, прежде всего, необходимо назвать Н. И. Новикова. Его журналы „Трутень“ (1770 г.) и „Живописецъ“ (1772 г.) по силѣ и блеску сатирическаго одушевленія превосходили все существовавшее до сихъ поръ въ этомъ родѣ въ русской литературѣ XVIII вѣка. Изъ извѣстной полемики „Трутня“ со вдохновляемой Императрицей „Всякой всячиной“ явствуетъ, какъ серьезно смотрѣлъ Новиковъ на задачи честной сатиры. Придавая ей значеніе гражданскаго служенія, неугомонный писатель касался самыхъ разнообразныхъ недостатковъ общества: онъ велъ на страницахъ своихъ журналовъ борьбу съ своекорыстіемъ и

мотовствомъ придворныхъ вельможъ, съ неправосудіемъ и взяточничествомъ екатерининскихъ судовъ, съ грубымъ произволомъ мѣстной администраціи и вообще чиновничества, со слѣпой французоманіей многочисленныхъ щеголей и щеголихъ, не только перенимавшихъ заграничныя моды, но и отличавшихся очень дурной нравственностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новиковъ былъ первымъ писателемъ, систематически наносившимъ удары крѣпостному праву. Это нетрудно доказать общимъ обзоромъ содержанія „Трутня“ и „Живописца“. Спѣшимъ оговориться, что при этомъ обзорѣ мы будемъ имѣть въ виду только первыя части Новиковскихъ журналовъ, такъ какъ ихъ вторыя части, въ виду административныхъ стѣсненій, сулившихъ скорое закрытіе, отнюдь не выражаютъ свободныхъ мнѣній свободнаго гражданина и являются только блѣдною тѣнью былой опредѣленности сужденій. Прямо-таки поражаютъ тѣ настойчивость и постоянство, съ которыми Новиковъ возвращается къ обличеніямъ крѣпостного права. Въ I части „Трутня“ изъ 36 листовъ (номеровъ) въ 10-ти затрагивается эта тема; въ I-ой же части „Живописца“ изъ 26 листовъ въ 9-ти. Такимъ образомъ изъ 62 (36+26) листовъ въ 19-ти Новиковъ трактуетъ о тяжеломъ положеніи закрѣпощеннаго народа, посвящая иногда крестьянскому вопросу длинныя, занимающія весь номеръ статьи. Въ итогѣ получается довольно внушительный процентъ (30,6%), и это при условіи, что къ обличеніямъ крѣпостного права „большіе бояре“ т. е. знатные вельможи, имѣвшіе вліяніе и на императрицу, относились особенно нетерпимо, такъ какъ боялись, что не только упраздненіе, но даже и ограниченіе его сильно ударитъ ихъ по кар-

жану. Новиковъ хорошо понималъ, что изготовляемыя въ его сатирической лабораторіи блюда „очень солоны, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ господъ горьковаты“, однако неудовольствіе ихъ готовъ былъ игнорировать, и не его вина, если обстоятельства оказались сильнѣе, и онъ принужденъ былъ сначала смягчить тонъ своихъ статей и затѣмъ и вовсе прекратить ихъ печатаніе. Вернемся однако, къ содержанію антикрѣпостнической сатиры Новикова. Въ его журналахъ мы находимъ цѣлую галлерею помѣщиковъ, принципіально отстаивающихъ необходимость дурного обращенія съ крестьянами на томъ основаніи, что они являются какъ бы совершенно особой породой людей, во всемъ отличной отъ дворянъ и приближающейся къ животнымъ. Такъ *Змѣянъ* (6-ой листъ „Тр.“) „надсѣдаясь кричитъ“, что всякій помѣщикъ долженъ быть тираномъ своихъ крѣпостныхъ, не оказывать имъ ни малѣйшаго снисхожденія, содержать ихъ голодными, нагими и босыми, такъ какъ жестокость необходимое условіе порядка и послушанія, *Безразсудъ* (24-й листъ „Тр.“) держится того мнѣнія, „что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы“, и какъ таковые, только для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія лишенія, и днемъ и ночью работать на своего барина; *Злорадъ* (27-ой листъ „Тр.“) готовъ называть тѣхъ помѣщиковъ скотами, „кои слугъ своихъ и крестьянъ не считаютъ скотами“; каково его обращеніе съ крѣпостными можно видѣть изъ того, что онъ утверждаетъ, что рабамъ жестокость и наказаніе такъ же нужны, какъ дневная пища; кичащійся своею породою

Недоумъ (23-й листъ „Тр.“) трясется, какъ въ лихорадкѣ, при одномъ упоминаніи о крестьянахъ; онъ негодуетъ на судьбу, опредѣлившую ему пользоваться тѣмъ же воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, какъ и простой народъ; его задушевное желаніе, чтобы „на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ“.

Разсматривая подобныхъ принципіальныхъ крѣпостниковъ, какъ одержимыхъ особымъ недугомъ, Новиковъ предлагаетъ рецепты для леченія ихъ болѣзни; одному онъ совѣтуетъ привить достаточную мѣру здраваго смысла и разсудка: тогда ему будетъ ясно, что похвальнѣе быть человѣкомъ низкаго происхожденія, но полезнымъ государству, „нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажамъ и ливреѣ“; другому предлагаетъ ежедневно разсматривать господскія и крестьянскія кости, не найдетъ ли между ними разницы—смѣлая вылазка противъ традиціоннаго дѣленія людей на бѣлую и черную кость.

Интересно выяснить, считалъ ли Новиковъ взгляды Безразсуда и ему подобныхъ общераспространенными, или же находилъ, что ихъ придерживаются только отдѣльные черезчуръ ужъ дикіе и нравственно неразвитые помѣщики. Въ иныхъ случаяхъ сатирикъ, повидимому, склоняется къ послѣднему рѣшенію: описавъ уже извѣстнаго намъ Змѣяна, онъ говоритъ, что если бы всѣ дворяне брали примѣръ съ этого чудовища „то бы не было у насъ, кромѣ мучителей и мучениковъ. Благоразумный Миренъ не слѣдуетъ мнѣнію Змѣянову и совсѣмъ отмѣнно съ подвластными себѣ обходится“. Однако, подобнаго рода

смягченія только что нарисованныхъ мрачныхъ картинъ едва ли не являются вынужденными, продиктованными опасеніемъ черезчуръ ужъ раздражить власть имущихъ. По крайней мѣрѣ въ лучшей изъ своихъ сатиръ, посвященныхъ обличенію крѣпостничества, Новиковъ совершенно опредѣленно высказываетъ ту мысль, что помѣщичьи злоупотребленія являются обычнымъ явленіемъ. Мы говоримъ, о знаменитомъ „Отрывкѣ путешествія въ****“ нѣкоего И. Т.“ (5 листъ „Живописца“). Авторъ „Отрывка“ совершенно категорически высказывается въ томъ смыслѣ, что крайняя жестокость помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ грустный, но, увы, общераспространенный фактъ. „И. Т.“ разсказываетъ, что въ теченіе трехдневнаго своего путешествія онъ „останавливался во *всякомъ* почти селѣ и деревнѣ“ и находилъ, „*повсюду*“ въ образѣ крестьянъ только „бѣдность и рабство“; „И. Т“. не пропускалъ *ни одного* селенія, „чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянъ. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, *всегда* находилъ, что помѣщики сами были тому виною“. И тоскливый возгласъ срывается съ устъ автора: „О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными тебѣ человѣками“. Такой взглядъ неминуемо приводитъ къ выводу, котораго въ глубинѣ души не могъ не сдѣлать столь чуткій и проницательный писатель, какъ Новиковъ,—разъ *повсюду* и *всегда* помѣщики мучительствуютъ надъ крестьянами, то единственнымъ исходомъ изъ создавшагося положенія можетъ быть только уничтоженіе самаго крѣпостного права. Характеренъ также эпиграфъ второго изданія „Трутня“: „они работаютъ, а вы ихъ трудъ ѣдите“. Въ этихъ

словахъ принципіальное осужденіе крѣпостничества чувствуется очень опредѣленно; ими Новиковъ клеймитъ тотъ порядокъ, при которомъ одно сословіе можетъ паразитствовать на счетъ другого. Такимъ образомъ рѣчь уже идетъ не о частныхъ злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, а о нравственной несостоятельности крѣпостного права вообще. Въ этомъ какъ разъ и заключается коренное отличіе Новикова отъ Сумарокова, Екатерины и другихъ писателей подобнаго типа. Въ это время, какъ они стремились къ искорененію отдѣльныхъ, и какъ имъ казалось, довольно рѣдкихъ случаевъ, помѣщичьяго произвола, Новиковъ, исходя изъ убѣжденія, что помѣщичій произволъ—явленіе общее, хорошо, по всеи вѣроятности, сознавалъ, хотя, по понятнымъ соображеніямъ, и не рѣшался высказывать своего мнѣнія, что одними палліативами тутъ не поможешь, нужно вырвать зло съ корнемъ. Впечатлѣніе отъ антикрѣпостнической тенденціи Новиковскихъ журналовъ усугубляется тѣмъ, что въ нихъ довольно много чисто бытовыхъ картинъ, рисующихъ жизнь закрѣпощеннаго народа. Лучшими статьями въ этомъ отношеніи являются переписка старосты Андрюшки съ бариномъ Григоріемъ Сидоровичемъ, выдержанная въ строго реальныхъ тонахъ и носящая прямо-таки документальный характеръ (26 и 30-й листы „Трутня“) и хватающее за душу описаніе деревни Разоренной въ „Отрывкѣ путешествія И. Т.“

Не измѣнилъ себѣ Новиковъ и во второй періодъ своей журнальной дѣятельности, когда онъ подъ вліяніемъ глубокаго душевнаго перелома сдѣлался масономъ. Въ его новыхъ изданіяхъ, каковы „Вечерняя заря“ (1782 г.) и „Покоющійся Трудолюбецъ“ (1785 г.) также проявляется анти-

крѣпостническая тенденція. Помимо обще-теоретическихъ разсужденій, обычныхъ для масоновъ, о томъ, что всѣ люди рождены отъ того же сѣмени, дышатъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ, такъ же живутъ и умираютъ, что „всякій государь происходитъ отъ раба, и всякій рабъ отъ государей“ („Письма Сенеки къ Луцилію“), въ нихъ встрѣчаются и прямыя указанія на русскую жизнь. Въ стих. „Быль“ („Веч. заря“) изображенъ баринъ, дурно обращающійся съ усерднымъ крѣпостнымъ слугою. Послѣдній однажды пытается урезонить своего мучителя и въ отвѣтъ на брань „хамово племя“, заявляетъ: „а вы хоть рождены отъ Іафета или Сима, но я знаю, что Хамъ братъ Симу и Іафету, и я вамъ потому братъ“. Это разсужденіе слуги кажется барину обиднымъ; онъ, не умѣя опровергнуть его, обращается къ содѣйствію конюшни и плетей.

Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ помѣщено стихотворное „Письмо къ другу“, одно изъ наиболѣе сильныхъ обличеній крѣпостного права въ литературѣ XVIII вѣка. Описавъ деревенскую жизнь и нарисовавъ нѣсколько картинъ сельской природы, авторъ переходитъ къ положенію крестьянъ. „Съ сердечной горестью, говоритъ онъ, гляжу на этихъ людей:

Они работою и зноемъ утомлены...
Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва-ль имѣютъ часъ;
Кровавый потъ они, трудяся, проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ, не стыдясь, подобныхъ намъ людей
Съ презрѣніемъ нѣкоимъ на ихъ труды
взираемъ,

Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ...
Не ужъ-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда—
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда.
Не можетъ быть того. Творецъ сіе исправитъ.

Послѣднія слова не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Новиковъ по прежнему съ глубокимъ осужденіемъ относился къ крѣпостному праву.

Обзоръ журнальной дѣятельности Новикова приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ его лицѣ русская общественность имѣла необыкновенно стойкаго, глубоко принципіальнаго и горячо убѣжденнаго борца противъ крѣпостничества. Не слѣдуетъ забывать также и того, что онъ былъ не только рыцаремъ пера и слова. Онъ пользовался всякою возможностью, чтобы отъ литературной пропаганды своихъ идей перейти къ ихъ практическому осуществленію. Достаточно вспомнить его широкую, народо-просвѣтительную дѣятельность, выразившуюся въ устройствѣ училищъ, популярномъ книгоиздательствѣ и цѣломъ рядѣ другихъ культурныхъ начинаній, тѣсно связанныхъ съ учрежденными имъ „Дружескимъ Обществомъ“ и „Типограф. Коммиссіей“. Гуманное же отношеніе Новикова собственно къ крестьянамъ наиболѣе ярко сказалось во время страшнаго голода 1787 г., когда, несмотря на ужасающіе размѣры бѣдствія, правительство, по словамъ кн. Щербатова, „на все сіе нанхолоднѣйшимъ духомъ“ взирало, оставаясь „глухо и слѣпо и нечувствительно“ и не позаботилось сдѣлать „никакого распоряженія о прокормленіи народа, который составляетъ силу имперіи... который даетъ доходъ не только на нужды государственныя, но и на самый роскошъ“. А „роскошъ“, между тѣмъ, въ этомъ какъ разъ

году достигъ своего апогея: совершалась знаменитая поѣздка императрицы по Днѣпру, по берегамъ котораго были воздвигнуты фальшивыя деревни, окруженныя нарядно одѣтыми крестьянами, такъ какъ особой инструкціей предписывалось, чтобъ „никого въ разодранной одеждѣ не было“... То, чего не считало нужнымъ сдѣлать правительство, сдѣлала общественная инціатива, вдохновленная Новиковымъ, которому удалось съ помощью состоятельныхъ друзей создать широкую продовольственную организацію, оказавшую помощь до 100 селеніямъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, Новикову, свободомысліе и популярность котораго давно уже раздражали Императрицу, пришлось безъ суда и слѣдствія, въ качествѣ „адскихъ замысловъ тонкаго плута“, подвергнуться на нѣсколько лѣтъ тюремному заключенію въ Шлиссельбургѣ...

Вскорѣ послѣ прекращенія сатирическихъ журналовъ Новикова, тщетно старавшагося обратить вниманіе правительства на невыносимо тяжелое положеніе закрѣпощеннаго народа, разразился кровавый пугачевскій бунтъ—грозное доказательство того, что чаша терпѣнія народнаго переполнилась, Пожаръ этотъ, едва не охватившій всю Россію. былъ залитъ потоками крестьянской крови. Крѣпостные должны были надолго смириться. Въ связи съ подавленіемъ бунта усиливается консервативность правительства. Это живо отражается и на художественной литературѣ. Цѣлый рядъ изданій послѣдующаго за пугачевщиной десятилѣтія ни однимъ звукомъ не обмолвился о крѣпостномъ правѣ, а Пугачевщина, казалось, должна была обострить интересъ къ крестьянскимъ дѣламъ. Несомнѣнно, такъ оно и было, но литера-

тура и журналистика лишены были возможности высказаться. Однако мысль о пагубности крѣпостного права продолжаетъ зрѣть въ сознаніи лучшихъ представителей русской интеллигенціи. Это подтверждается тѣмъ, что въ 70-ые годы и въ началѣ 80-хъ годовъ появляется рядъ драматическихъ произведеній, затрагивающихъ весьма серьезно крестьянскій вопросъ.

Прежде всего, приходится отмѣтить среди массы пустыхъ, расчитанныхъ исключительно на то, чтобы разсмѣшить публику, комическихъ оперъ въ quasi народномъ духѣ, двѣ оперы, проникнутыя очень гуманнымъ настроеніемъ и довольно опредѣленной антикрѣпостнической тенденціи. Мы говоримъ о „Несчастіи отъ кареты“ Княжнина, пьесѣ, написанной въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, очевидно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ Новиковскаго „Трутня“ и о „драмѣ съ голосами“—„Розана и Любимъ“, принадлежащей перу Н. Николева и относящейся уже къ 1776 г. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, авторъ знаменитой трагедіи „Вадимъ“, которая по напечатаніи своемъ въ 1793 г., вызвала бурю негодованія въ сферахъ и по приговору сената, „яко наполненная дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями“, была публично сожжена рукою палача, не оставался безучастнымъ къ явленіямъ русской общественной жизни. Объ этомъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ его опера, въ основѣ который лежитъ соціально-экономическій мотивъ. Участившіяся поѣздки русскихъ баръ за границу и заполненіе русскаго рынка французскими издѣліями и вообще произведеніями роскоши, вывезенными съ Запа-

да и находившими себѣ многочисленныхъ покупателей среди помѣстнаго дворянства, неминуемо должны были создать острую потребность въ деньгахъ, породившую стремленіе увеличить доходность имѣній. Вслѣдствіе этого гнетъ барщины, оброка и всевозможныхъ повинностей, лежавшихъ на закрѣпощенномъ народѣ, долженъ былъ возрасти, а матеріальное положеніе крестьянства ухудшиться. Живую иллюстрацію къ сказанному даетъ несложное содержаніе „Несчастья отъ кареты“. Весь сюжетъ сводится къ слѣдующему: молодой крестьянинъ Лукьянъ влюбленъ въ деревенскую красавицу Анюту, Анюта въ него, приказчикъ Клементій также въ Анюту, помѣщикъ Фирюлинъ ярый французоманъ, въ карету, а „карета безденежно никого не любитъ“. Поэтому Фирюлинъ требуетъ отъ приказчика денегъ. а приказчикъ пользуется случаемъ, чтобы раздѣлаться со своимъ соперникомъ Лукьяномъ: онъ приказываетъ схватить его и продать въ солдаты. Чистѣйшая случайность—знаніе нѣсколькихъ французскихъ словъ—спасаетъ влюбленныхъ.

Однако благополучный конецъ мало смягчаетъ тяжелое впечатлѣніе отъ этой пьесы, такъ какъ Фирюлинъ въ своемъ отношеніи къ крестьянамъ ничуть не мѣняется: когда старый Трофимъ благодаритъ его за дочь и называетъ отцомъ, то Фирюлинъ въ бѣшенствѣ кричитъ: „что это за тварь меня отцомъ называть смѣетъ? я не хочу такой свиньѣ отцомъ быть“. Оперу Княжина, такимъ образомъ, нельзя не признать очень передовымъ, въ своемъ отношеніи къ крестьянскому вопросу, произведеніемъ. Если у насъ нѣтъ достаточно вѣскихъ основаній считать автора принципіальнымъ противникомъ крѣпостного права, то тѣмъ не

менѣе, быть можетъ, не вполнѣ сознанная, антикрѣпостническая тенденція „Несчастья отъ кареты“ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Съ неменьшимъ основаніемъ этотъ выводъ можно примѣнить къ „драмѣ“ Николева — „Розана и Любимъ“. Николай Петровичъ Николевъ былъ извѣстенъ въ XVIII не только какъ крупный по тому времени поэтъ, но и какъ на рѣдкость прямой и смѣлый гражданинъ. Его біографъ Масловъ говоритъ немъ въ такихъ выраженіяхъ: „пусть укажутъ хотя на одного стихотворца россійскаго, который, какъ бы онъ, разительно говорилъ правду царямъ и вельможамъ“. Друзья Николева не разъ принимались убѣждать его, что такая смѣлость убѣжденій можетъ не пройти ему даромъ; однако, слѣпой поэтъ гордо отвѣчалъ, что онъ не страшится преслѣдованій сильныхъ, такъ какъ никакая темница не увеличитъ мрака его очей. А попытки подвергнуть его преслѣдованіямъ были: достаточно вспомнить извѣстную исторію съ его трагедіей „Сорена и Замиръ“, такъ напугавшей своимъ политическимъ вольномысліемъ московскаго главнокомандующаго Брюса. Воспитанный въ идеяхъ французской философіи, которая привела его ко взгляду, что всѣ люди братья, въ какомъ бы они положеніи ни находились, Николевъ не побоялся сказать смѣлую правду и по вопросу соціальному—объ отношеніи закоснѣвшаго въ своемъ крѣпостничествѣ дворянству къ порабощенному народу.

„Розана и Любимъ“ воспроизводитъ любовь крестьянской пары, которая едва не кончается трагически, такъ какъ Розану похищаетъ влюбившійся въ нее помѣщикъ Щедровъ. Въ пьесѣ Николева мы находимъ цѣлый рядъ драматическихъ поло-

женій, создаваемыхъ беззащитностью крестьянъ и всевластіемъ помѣщика. Особенно ярко изображено горе стараго солдата Излѣта, отца Розаны. Безысходная тоска смѣшивается въ его рѣчахъ со жгучимъ негодованіемъ: „такъ вотъ добродѣтели то знатныхъ бояръ; коли не разоряютъ сосѣдей, такъ увозятъ дѣвокъ, не ставятъ за грѣхъ обезчестить бѣднаго человѣка, съ тѣмъ, чтобы бросить ему деньги. Не христіанинъ... не знаетъ онъ, что честь такъ же дорога и намъ! ахъ! какъ будто легко это отцу. (плачетъ)... мнѣ бы легче было видѣть ее въ гробу, нежели въ позорѣ... Боже мой! какое беззаконіе!“ На мгновеніе Излѣтъ пріободряется, вспомнивъ о томъ, что и надъ дворянами есть власть въ лицѣ государыни, защищающей угнетенную невинность. Но скептически настроенный лѣсникъ спѣшитъ его расхолодить: „до Бога-то высоко, а до царя далеко, заявляетъ онъ, а когда тѣ хочется такъ поди сѣ пожалуй, знать ты еще у баръ то въ передѣлѣ не бывалъ, вить это, братъ, не подъ Туркомъ; тутъ какъ тѣ отдубасятъ, что развѣ инда-на-поди“.

Счастливая развязка пьесы не въ состояніи заглушить вызываемаго ею тяжелаго чувства. Она и малоестественна и въ значительной степени случайна, такъ какъ милосердіе Щедрова, отпустившаго, въ концѣ концовъ, похищенную Розану, несомнѣнно, должно быть отнесено къ области исключеній изъ общаго правила. Даже враждебно настроенный Излѣтъ признаетъ, что Щедровъ—самый „честный и хвальной сосѣдъ во всемъ околодкѣ“. Николевъ, очевидно, очень хорошо понималъ, что относительно благородное поведеніе Щедрова, нельзя обобщать, потому то въ своей драмѣ онъ

сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ выпадовъ по адресу отрицательныхъ сторонъ крѣпостничества вообще. Такъ Розана, разсматривая пойманную Любимомъ рыбу, сравниваетъ свою приказчицу „проклятую вѣдьму“ со щукой, такъ какъ она „кромѣ своего брюха, ничего не любитъ. Приказчики да приказчицы,—то-то ужъ воры наголо: съ насъ деруть, а у господъ крадутъ. Отъ всего грѣютъ руки“. Здѣсь уже на лицо безусловное обобщеніе, относящееся, правда, только къ хозяйничанію управителей. Однако, въ пьесѣ Николева есть одно весьма опредѣленное указаніе на тяжелое положеніе крестьянъ подъ властью непосредственно помѣщиковъ, проистекающее отъ противоположности интересовъ тѣхъ и другихъ, сказывающейся рѣшительно во всемъ. Псари Щедрова, этого-то честнаго и хвальнаго барина, поютъ про свое житье-бытье такую пѣсню:

Барское счастіе—наше несчастіе,
Барское ведро—наше ненастье.
Ихъ забота—
Наша сухота
Ихъ забава—
Наша отрава;
Ихъ бѣда—
Хлѣбъ да вода;
Хлѣбъ да вода—
Наша ѣда;
Затѣи да холя—
Боярская доля;
Наша холя—
Милая воля.

Здѣсь Николевъ въ сущности договорился до того, что составляло завѣтную мечту закрѣпощеннаго народа—до „милой воли“.

Не прошелъ безъ вниманія мимо интересующаго

насъ вопроса и крупнѣйшій драматическій писатель Екатерининской эпохи Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ. Къ 70-мъ годамъ относятся совмѣстныя съ гр. Никитой Панинымъ занятія Фонвизина по разработкѣ проекта конституціи въ Россіи. „Введеніе“ къ проекту, написанное Фонвизинымъ, дошло до нашихъ дней. Придерживаясь теоріи естественнаго происхожденія власти и признавая за народомъ право возставать противъ тираніи, авторъ говоритъ о различныхъ формахъ государственнаго правленія, при чемъ высказываетъ свои недоумѣнія по поводу Россіи, которая не обладаетъ признаками ни деспотіи, ни монархическаго государства, ни аристократіи. На демократію, продолжаетъ онъ, тѣмъ болѣе „не можетъ походить страна, въ которой народъ *живетъ* во тьмѣ глубокаго невѣжества и безмолвно влачитъ то жестокое рабство, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьей надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый, слѣдовательно, можетъ быть или *тиранъ или жертва*“. Выходъ изъ такого печальнаго положенія вещей авторъ проекта видитъ въ установленіи конституціи съ аристократическомъ оттѣнкомъ („основать политическую свободу сначала для одного дворянства“); вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ необходимымъ постепенное освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Таковы были общественно-политическіе взгляды Фонвизина. Они не могли не отразиться и на его художественномъ творчествѣ, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ комедія „Недоросль“. Несомнѣнная прогрессивная настроенность, крупное художественное дарованіе, огромный комическій талантъ, соединившись въ одномъ лицѣ, породили драматическое произведеніе, чуть ли не каждое

явленіе котораго, по справедливому замѣчанію Н. А. Котляревскаго, можно расширить до цѣлаго трактата на самую серьезную общественную тему. Значеніе комедіи Фонвизина въ лѣтописяхъ антикрѣпостнической литературы очень велико. Начать съ того, что авторъ, безъ всякаго тенденціознаго устремленія, путемъ ряда какъ-бы вскользь брошенныхъ замѣчаній рисуетъ цѣлую картину отношеній между „жертвами“ и „тиранами“.

Развѣ не безподобна знаменитая реплика Простаковой по поводу больной Палашки: „Лежитъ Ахъ, она бестія! Лежитъ! какъ благородная... Бредитъ, бестія! Какъ будто благородная“. Въ этомъ принципіальномъ отрицаніи права крѣпостного человѣка даже на болѣзнь отражается цѣлое жизненное міровоззрѣніе, поразительное по своему безстѣнчивому эгоизму, отсутствію даже элементарной справедливости и гуманности. Оно приводитъ Простакову къ тому, что она, по собственному признанію, „съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшана“, рукъ не покладаетъ, то бранится, то дерется; имъ объясняется своеобразное толкованіе ею указа о вольности дворянской, который якобы даетъ власть помѣщику „поколотить слугу, когда захочетъ“; оно лежитъ въ основѣ откровеннаго заявленія Скотинина, что къ свиньямъ у него больше лежитъ сердце, чѣмъ къ людямъ, и что всякій убытокъ онъ сдираетъ съ своихъ крестьянъ. Однако Фонвизинъ только отчасти имѣлъ въ виду указать въ своей комедіи на отрицательныя стороны крѣпостного права; главная же его цѣль заключалась въ томъ, чтобы показать нравственный и умственный уровень сословія, за которымъ власть тогда такъ ухаживала, считая его лучшимъ проводникомъ и просвѣщенія и

гуманности. Къ какимъ же выводамъ пришелъ въ этомъ отношеніи Фонвизинъ? „Самый смѣлый человѣкъ своего вѣка“ — „онъ произвелъ безпощадную расправу“ съ привиллегированнымъ классомъ. Передъ нами цѣлое дворянское гнѣздо со старшимъ поколѣніемъ — въ лицѣ старика Скотинина, скупца, умершаго на сундукѣ съ награбленными деньгами, и его жены изъ рода Приплодиныхъ, подарившей его 18-ю дѣтьми, среднимъ — въ лицѣ Простаковой и Тараса Скотинина и младшимъ — въ лицѣ безподобнаго Митрофана. „Полный умственный мракъ въ семьѣ, — такъ характеризуетъ это гнѣздо проф. Котляревскій, — ослабленіе всѣхъ... семейныхъ узъ, свободное развитіе и удовлетвореніе всѣхъ животныхъ инстинктовъ, порожденныхъ обезпеченнымъ положеніемъ и праздностью, отрицаніе за человѣкомъ, стоящимъ ниже себя, всякаго достоинства личности, кулачная расправа, какъ доказательство своей правоты, и, наконецъ, самый открытый цинизмъ въ отношеніи къ крестьянамъ, — вотъ какой перечень дворянскихъ грѣховъ развернулъ сатирикъ передъ зрителемъ, въ то время, какъ носители этихъ грѣховъ пользовались самымъ привиллегированнымъ положеніемъ“. И такимъ людямъ власть ввѣрила опеку надъ безотвѣтной крестьянской массою — невольно напрашивается антикрѣпостническій выводъ! Только тому счастливому обстоятельству обязанъ Фонвизинъ своимъ спасеніемъ отъ правительственныхъ репрессій, что его не вполнѣ поняли. Съ другой стороны, здѣсь не осталась, вѣроятно, безъ вліянія та хитрость, къ которой прибѣгъ авторъ, сказавъ нѣсколько комплиментовъ по адресу бдительнаго правительства и благомыслящихъ людей въ родѣ Стародума, Правдина и

Милона. Напрасно нѣкоторые изслѣдователи, полагаютъ, что, вводя въ число дѣйствующихъ лицъ комедіи чиновника намѣстничества Правдина, который своимъ вмѣшательствомъ прекращаетъ тираническое управленіе г-жи Простаковой, Фонвизинъ подрываетъ свое обличеніе. Власть Правдина настолько невелика, что онъ едва можетъ справиться съ г-жей Простаковой; по адресу же Скотинина, обращающагося со своими крѣпостными еще хуже, онъ ограничивается только предупрежденіемъ, чтобы онъ и его родня не смѣли „трогать“ своихъ крестьянъ. Насколько скептически относился авторъ „Недоросля“ къ такого рода увѣщаніямъ, видно хотя бы изъ того, что шесть лѣтъ спустя онъ предполагалъ помѣстить въ своемъ журналѣ „Стародумъ или другъ честныхъ людей“, кстати сказать, не разрѣшенномъ Екатериной, „Письмо Скотинина къ Простаковой“, въ которомъ тотъ, извѣщая сестру о смерти любимой свиньи, объявляетъ о своемъ намѣреніи заняться исправленіемъ нравовъ своихъ крестьянъ, для чего, не теряя даромъ словъ, собирается прибѣгнуть къ березѣ. „Всегдашняя склонность моя,—читаемъ въ письмѣ,—влекла меня къ строгости. Лишаясь моей Аксиньи (имя свиньи), не буду знать ни пощады, ни жалости, а тамъ пусть со мною будетъ, что будетъ. Я хочу, чтобъ дѣйствіе надо мною столь великой потери ощутили всѣ тѣ, кои отъ меня зависятъ. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, кольми паче несчастье, надъ людьми моими вымещаю, и если между твоими крѣпостными найдутся такіе, коихъ нравъ исправлять надобно моимъ манеромъ, то присылай ко мнѣ; а я на свою руку охулки не положу, и всегда радъ тебѣ доказывать, что я твой достойный братъ“.

Отрицательное отношеніе немногихъ передовыхъ людей къ крѣпостному праву, столь ярко сказавшееся въ журналахъ Новикова и въ „Недорослѣ“, къ серединѣ 80-хъ годовъ какъ будто бы нѣсколько усиливается; оно уже начинаетъ изъ области сознанія переходить въ область чувства, изъ головы попадаетъ въ сердце и создаетъ яркій лирическій протестъ противъ этого вопіющаго зла русской жизни. Говоря о чисто лирическихъ стихотвореніяхъ, обличающихъ крѣпостничество, прежде всего приходится упомянуть объ одахъ В. Капниста. Первая изъ нихъ „На рабство“ была написана по поводу прикрѣпленія Малороссійскихъ крестьянъ (1783 г.) — одной изъ самыхъ реакціонныхъ мѣръ императрицы Екатерины II, которая до своего воцаренія утверждала, что „свобода—душа всего въ свѣтѣ“ и что „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать людей невольниками“, сдѣлавшись же императрицей не только ухудшила положеніе великорусскихъ крестьянъ, запретивъ имъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ и предоставивъ послѣднимъ право ссылать своихъ людеї на каторгу, но и безъ всякой надобности закрѣпостила малороссійскихъ. Украинецъ по происхожденію, свободомыслящій человѣкъ по умственному складу, Капнистъ не могъ равнодушно отнестись къ закрѣпощенію родного народа, хотя лично ему, какъ помѣщику 6000 душъ, прикрѣпленіе крестьянъ было очень выгодно. Свою душевную скорбь и свое негодованіе онъ и излилъ въ одѣ „На рабство“ — стихотвореніи, которое по силѣ и глубинѣ проникающаго его чувства, по красотѣ и художественности формы является однимъ изъ лучшихъ во всей поэзіи XVIII вѣка. Въ первой

строфѣ, согласно правиламъ ложно-классической теоріи, содержится обращеніе къ лирѣ:

Пріемлю лиру, мной забвенну.
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсенъ жалобныхъ настрою...

Начало въ высшей степени знаменательное: поэтъ, не будучи крѣпостнымъ, и себя считаетъ невольникомъ — его руки отягчены „желѣзныхъ бременемъ цѣпей“. Слѣдовательно, не одно рабство крестьянъ имѣетъ онъ въ виду—несомнѣнно, что Капнистъ думаетъ о рабствѣ всего народа, разсматривая его, какъ одно изъ слѣдствій тогдашняго строя; въ его словахъ чувствуется, можетъ быть, не вполнѣ сознанный, но съ неизбѣжностью вытекающій изъ цитированной строфы протестъ противъ основъ существовавшаго въ то время общественнаго порядка.

Въ послѣдующихъ строфахъ авторъ, нарисовавъ картину своей порабощенной родины, этой „скорбной вдовицы“, говоритъ:

Гдѣ благо, счастіе народно,
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.—
Увы! судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.

Это „слово“ произнесено было высшей властью, а потомъ поэтъ обращается съ суровой отповѣдью земнымъ владыкамъ:

А вы, Цари! на толь Зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ,
Изъ счастливыхъ людей несчастныхъ

И зло, изъ общихъ благъ творить?
На толь даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра,
И вашихъ чадъ могли губить?

Въ этихъ словахъ чувствуются удивительныя для того времени рѣзкость и смѣлость политической мысли.

Если бы Капнистъ имѣлъ въ виду только высказывать свое отрицательное отношеніе къ извѣстному законодательному акту, онъ и закончилъ бы здѣсь свою оду, но поэту, повидимому, хотѣлось, чтобы она могла имѣть какіенибудь практическіе результаты, вслѣдствіе этого во второй части ея онъ дѣлаетъ попытку обратиться къ добрымъ чувствамъ Екатерины, не останавливаясь даже передъ горячими похвалами по ея адресу. Онъ надѣется, что „подъ мнимымъ гнетомъ бѣдствій сихъ“ таятся новыя блага, т. е. императрица вернетъ свободу Малороссіи. Насколько несбыточными были такія надежды — это само собой ясно. Ода „На рабство“ въ царствованіе Екатерины не могла даже появиться въ печати, такъ какъ, по словамъ Державина, сообщавшаго Капнисту о своихъ переговорахъ съ кн. Дашковой, которая желала помѣстить ее въ „Собесѣдникѣ“: „для твоей пользы напечатать и показать напечатанную оду императрицѣ не годится и со здравымъ разсудкомъ не сходно“. Если бы Капнистъ все-таки не согласился съ доводами „здраваго разсудка“, то, надо думать, ему дорого пришлось бы поплатиться за свою смѣлость. Зато никакихъ возраженій уже не вызывало напечатаніе другой, болѣе мирной по своему настроенію оды его „На истребленіе въ Россіи званія раба“, написанной по поводу состоявшагося въ 1786 г.

запрещенія подписываться подъ ходатайствами на имя государыни словомъ „рабъ“, которое Капнистъ принялъ за первый шагъ въ дѣлѣ раскрѣпощенія массъ народныхъ..

Съ анти-крѣпостническими мотивами мы встрѣчаемся также въ извѣстной одѣ Радищева „Вольность“. Народъ, низвергнувши тирана-притѣснителя, судитъ его и въ длинномъ перечнѣ винъ указываетъ, между прочимъ, на закрѣпощеніе сельскаго населенія. Вмѣсто того, чтобы создать такой порядокъ, при которомъ, жатва была бы полезна своему пахарю, и онъ не чувствовалъ бы себя наемникомъ своей борозды и плѣнникомъ своихъ пажитей, тиранъ сталъ гнушаться народомъ, срывать съ него послѣднее рубище, чтобы одарить лѣниваго любимца или „жену чуждающуюся чести“. Приговоръ, изрекаемый такому властителю очень суровъ.

Освобожденная отъ многолѣтняго и тяжелаго рабства страна быстро возрождается къ новой радостной жизни:

...Духъ свободы, разоряя
Вознесшійся неволи гнетъ,
Въ градахъ и селахъ пролетая,
Къ величію онъ всѣхъ зоветъ,
Живитъ, родитъ и созидаетъ,
Препоны на пути не знаетъ...

Въ особенности ярко благодѣтельное вѣяніе свободы сказывается въ деревнѣ, еще недавно закрѣпощенной и бѣдствующей. Пастухъ, который по принужденію пасъ стадо своего „господа“ и совершенно не заботился о животныхъ,—съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались его собственностью, бережно ихъ охраняетъ, рискуя своей жизнью. Крестьянинъ, получавшій съ нивы лишь скудные

урожаи, теперь собираетъ тучную жатву—ибо „*себѣ* всякъ сѣетъ, себѣ жнетъ“.

Неизмѣримо улучшилось и семейное положеніе земледѣльца: онъ теперь женится не по барскому приказу, „невинныхъ жертвъ чтобъ размножалъ“, а по собственному выбору, слѣдуя голосу одной только любви.

Лирическимъ протестомъ противъ крѣпостного права проникнутъ и сравнительно недавно опубликованный (1895 г.) „Плачъ холоповъ прошлаго вѣка“. Этотъ любопытный полу-народный, полукнижный памятникъ, несомнѣнно, сложился подъ впечатлѣніемъ непосредственныхъ наблюденій надъ крестьянской жизнью. Болѣе того, авторъ „Плача“, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ простонародной массѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ слогъ и языкъ памятника, а потому его произведеніе, въ значительной степени, можетъ быть разсматриваемо, какъ голосъ того самаго общественнаго класса, который уже нѣсколько вѣковъ задыхался подъ игомъ крѣпостничества. Безпросвѣтною тоскою полны первыя строфы „Плача“:

„О! горе намъ, холопамъ за господами жить!
И не знаемъ, какъ ихъ свирѣпству служить!..
О, горе намъ, хлопамъ, отъ господъ и бѣдство!
А когда прогнѣвишь ихъ, такъ отымутъ и отцовское наслѣдство“.

Автору представляется, что если даже пройдешь всю вселенную — нигдѣ не встрѣтишь „такова житья мерзкова“. И это мерзкое житье становится все тяжелѣе: „господа перестаютъ вѣрить слугамъ, ни въ чемъ и никогда“, попрекаютъ своимъ хлѣбомъ, за украденный „господскій грошъ“ готовы убить крѣпостного, „какъ вошь“. На заступниче-

ство правительства надѣяться не приходится—оно держитъ руку дворянъ:

„Бояринъ умертвитъ слугу, какъ мерина,—
Холопьему доносу и въ томъ вѣрить не велѣно:
Неправедны судьи составили указъ,
Чтобъ сѣчь кнутомъ тирански за то насъ.
Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ.
Холопей въ депутаты зачѣмъ не выбираютъ?..“

Нѣсколько страненъ идеалъ, рисуемый авторомъ на случай освобожденія: получившіе волю холопы составили бы между собой военное сообщество—

„Всякую неправду стали бы выводить
И злыхъ господъ корень переводить“.

Однако, говоритъ авторъ, „всѣ мы въ немилосердныхъ рукахъ связаны“; и у разоренныхъ крестьянъ и запуганныхъ дворовыхъ „не выходитъ изъ головы господскій страхъ“; только и остается просить смерти у Бога:

„Господи нашъ Боже!
Дажь въ небесномъ твоемъ поле ложе!
Ты бо нашъ творецъ:
Сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ!“

Эта безпросвѣтная картина крестьянской жизни, создавшаяся въ народныхъ „низахъ“, служитъ вѣскимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые упрекаютъ писателей екатерининскаго времени въ тенденціозномъ сгущеніи красокъ. Отношеніе народа къ своему житью-бытью, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ цитатъ, было гораздо пессимистичнѣе, чѣмъ отношеніе литературы.

Только-что разсмотрѣнная нами ода „Вольность“ была только эпизодомъ въ литературной

дѣятельности Радищева. Онъ даже не пытался напечатать ее отдѣльно, но въ подробныхъ извлеченіяхъ и пересказѣ помѣстилъ въ одной изъ главъ своего „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, которое является главнымъ и имѣющимъ наибольшее литературное и общественное значеніе трудомъ его жизни. Не касаясь философско-религіозныхъ и общеполитическихъ взглядовъ Радищева, которые онъ высказываетъ въ своемъ сочиненіи, такъ какъ первые имѣютъ лишь отдаленное отношеніе къ нашей темѣ, а со вторыми, всецѣло вытекающими изъ радикальныхъ теорій Руссо и Мабли, мы уже отчасти познакомились,—обратимся прямо къ картинамъ крестьянской жизни и помѣщичьяго произвола, столь многочисленнымъ въ „Путешествіи“. Эти картины таковы, что становится понятнымъ мрачный эпиграфъ сочиненія, символирующій крѣпостничество,—„чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй“.

Прежде всего Радищевъ характеризуетъ *хозяйничанье* помѣщиковъ, всецѣло основанное на своекорыстномъ стремленіи выжать изъ мужика все, что только возможно.

Въ „Любани“ авторъ встрѣчаетъ крестьянина, пашущаго свою ниву въ воскресенье: оказывается, что мѣстный владѣлецъ завелъ у себя въ деревняхъ шестидневную барщину, заставляя крестьянъ сверхъ того по вечерамъ возить сѣно на господскій дворъ. Поэтому, чтобы не умереть съ голоду, имъ приходится работать на себя въ воскресенье и по ночамъ. Узнавъ объ этихъ порядкахъ, авторъ высказываетъ живѣйшую радость, что у него нѣтъ крѣпостныхъ и что поэтому его никто не проклинаетъ. Еще тяжелѣе положеніе крестьянъ тѣхъ деревень, которыя сданы въ аренду: „Наем-

никъ“, т. е. арендаторъ, стремясь получить побольше дохода за время аренды, „деретъ съ мужиковъ кожу“; пожаловаться же на него некому. Не легко живется и такъ называемымъ „мѣсячникамъ“, т. е. крестьянамъ, лишеннымъ всякой собственности и превращеннымъ въ батраковъ („Зайцево“). Содержаніе полуголодныхъ и одѣтыхъ въ лохмотья работниковъ, конечно, не вызываетъ много затратъ. Поэтому неудивительно, что при мѣсячинѣ помѣщикъ быстро богатѣетъ. Богатство, пріобрѣтенное цѣной крестьянскихъ слезъ и пота, до глубины души возмущаетъ автора. „Оно нажито грабежомъ и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. Сокрушите орудія его земледѣлія, сожгите его риги, овины, житницы и развѣйте пеплъ по нивамъ, на нихъ же совершалося его мучительство“ („Вышній Волочекъ“). При такомъ отношеніи помѣщиковъ къ благосостоянію своихъ крестьянъ неудивительно, что жизнь этихъ послѣднихъ протекаетъ въ самой гнетущей *бѣдности,* которая поистинѣ потрясающими красками изображена Радищевымъ въ главѣ „Пешки“. А между въ крестьянахъ—восклицаетъ авторъ,—„почитается источникъ государственнаго избытка силъ, могущества... Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе. Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ? то, чего отнять не можемъ—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ... Се жребіи заклѣпаннаго во узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола во ярмѣ“...

Кромѣ тяжелыхъ картинъ крестьянскаго разоренія, Радищевъ съ возмущеніемъ останавливается

на фактахъ полнаго непризнанія помѣщиками правъ человѣческой личности своихъ крестьянъ. Особое негодованіе автора вызываетъ *торгъ живымъ товаромъ*, описанный въ главѣ „Мѣдное“. Помѣщикомъ продаются въ одиночку наиболѣе близкіе его семьѣ слуги, связанные между собою узами близкаго родства. Здѣсь и 70-лѣтній старикъ, спасавшій барина отъ смерти, и его 80-лѣтняя нянька съ кормилицей, и, наконецъ, изнасилованная имъ дѣвушка, имѣющая отъ него ребенка. Случайно присутствовавшій при этой сценѣ авторъ спѣшитъ покинуть торги; на лѣстницѣ онъ встрѣчаетъ своего друга—чужестранца и совѣтуетъ ему возвратиться, чтобы „не быть свидѣтелемъ страшнаго позорища“, разъясняя ему попутно, что въ Россіи „всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе вотчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія“. Здѣсь уже ясный намекъ на возможность насильственнаго упраздненія помѣщичьяго гнета.

Въ главѣ „Городня“, отмѣчаетъ Радищевъ это же возмутительное явленіе въ связи съ *рекрутчиной*. По дорогѣ ему пришлось встрѣтить „трехъ скованныхъ человѣкъ крѣпчайшимъ желѣзомъ“. Оказалось, что они принадлежали одному помѣщику, который, нуждаясь въ деньгахъ для покупки новой кареты, продалъ ихъ казеннымъ крестьянамъ для отдачи въ рекруты. Такъ какъ это запрещено закономъ, то продавецъ и покупщики придумали очень хитрую махинацію: помѣщикъ якобы отпустилъ несчастныхъ на волю, они будто бы добровольно приписываются въ государственные крестьяне, послѣдніе же по общему приговору отдаютъ ихъ въ солдаты. Авторъ горячо возму-

щается тѣмъ посмѣяніемъ надъ законами и „священнымъ именемъ вольности“, которое здѣсь наблюдается. „Вольные люди, ничего не преступившіе—въ оковахъ, продаются, какъ скоты!.. О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярася въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, вольности ихъ препятствующимъ, главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ, и кровію нашею обагрили нивы свои! что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ исторгнулися великіе мужи для заступленія избитаго племени; но были бы они другихъ о себѣ мыслей и права угнетенія лишены. Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе“. Охваченный чувствомъ жгучаго негодованія, въ порывѣ высокаго гражданскаго паѳоса, Радищевъ, такимъ образомъ, готовъ отречься отъ своего сословія и въ уничтоженіи его видѣть залогъ будущаго благоденствія Россіи.

Если законъ не препятствуетъ помѣщикамъ продавать своихъ крестьянъ, какъ скотину, то не ограждаетъ онъ и интимную жизнь послѣднихъ отъ самаго дикаго произвола владѣльцевъ. Въ главѣ „Черная грязь“ описанъ Радищевымъ *бракъ по барскому принужденію*. Вмѣсто свадебнаго веселья на лицахъ жениха и невѣсты „зрѣлись печаль и уныніе“; ненавидя другъ друга, они „влекутся“ къ алтарю, какъ на казнь. „И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе остается на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!“ Удивляться этому, впрочемъ, нечего, такъ какъ подобные браки въ интересахъ и священника, который получаетъ за нихъ мзду, и „градодержателя“, такого же дво-

рянина, какъ и устраивающій бракъ помѣщикъ. Бываютъ еще болѣе прискорбные случаи, когда по волѣ владѣльца соединяются бракомъ совершенно неподходящіе по возрасту люди: напр. взрослая дѣвушка и десятилѣтній мальчуганъ (гл. „Едрово“). Иногда бракъ служитъ только ширмою для сластолюбивыхъ поползновеній помѣщика Уже извѣстный намъ владѣлецъ продаваемыхъ съ аукціона дворовыхъ („Мѣдное“), не будучи въ состояніи „ни прельщеніемъ и обѣщаніями“, „ни угрозами и казнію“ принудить крестьянскую дѣвушку сдѣлаться его наложницей, употребилъ обманъ, обвѣнчавъ ее за „спутника своихъ мерзостей“, и подъ видомъ его „насладился веселіемъ“. Когда обманъ обнаружился, и молодая женщина вновь стала сопротивляться сластолюбцу, онъ прибѣгъ къ форменному насилію: „четыре злодѣя, исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги... но сего не окончаемъ“.

Возмутительными сценами *помѣщичьяго разврата* такъ и пестрятъ страницы „Путешествія“. Въ главѣ „Едрово“ говорится, между прочимъ, о помѣщикѣ, перещеголявшемъ средневѣковыхъ феодаловъ съ ихъ „jus primae noctis“: каждую ночь онъ насиловалъ которую-нибудь изъ своихъ крестьянокъ; мужъ не былъ безопасенъ въ женѣ, отецъ въ дочери; за короткое время онъ „омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности“. Крестьяне по-свойски хотѣли расправиться съ развратникомъ, но „наѣхавшая команда выручила сего варвара“. Въ такомъ же родѣ и сыновья нѣкоего асессора: они въ свободное время ходили по деревнѣ или въ полѣ, занимаясь растлѣніемъ дѣвокъ, развратничая съ бабами—„никакая не избѣгала ихъ насилія“. И на этотъ разъ дѣло закончилось возмущеніемъ кре-

стьянъ, при чемъ счастливая случайность уже не спасла распутниковъ отъ справедливаго возмездія. („Зайцево“).

Чтобы утвердить свою власть надъ крестьянами, помѣщики прибѣгаютъ къ цѣлой системѣ, по большей части, очень жестокихъ *наказаній*. Асессоръ не только сѣкъ крестьянъ плетьми и кошками, но и заковывалъ ихъ въ кандалы, надѣвалъ на ноги колодки, а на шею рогатки. Подобнымъ ему образомъ расправлялись съ крѣпостными его супруга и дѣти. Даже дочери, не имѣя жениховъ, вымещали свою скуку на прядильщицахъ, изъ которыхъ многихъ изувѣчили. „Законъ,—говоритъ Радищевъ въ главѣ „Пешки“—запрещаетъ отъяти у крестьянина жизнь.—Но развѣ мгновенно.—Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе, а съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщики въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ сказать не смѣетъ“...

Въ особенности тяжело живется *дворовымъ*, такъ какъ имъ постоянно, лицомъ къ лицу, приходится сталкиваться съ барскимъ произволомъ. Помѣщики не только истязаютъ ихъ тѣло, но и развращаютъ ихъ душу своимъ дурнымъ примѣромъ: „господскій примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата достигаетъ и до деревень“ (Едрово). Плачевную исповѣдь одного изъ дворовыхъ, по несчастію получившаго образованіе, Радищеву пришлось усовѣщать въ „Городнѣ“. По смерти стараго барина, покровительствовавшаго разсказчику, ему пришлось до дна испить горькую чашу униженій, вплоть до исполненія лакейскихъ обя-

запностей и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній по малѣйшему поводу. Когда его сдаютъ въ солдаты, то онъ даже радъ этому, такъ какъ готовъ на все, лишь бы избавиться отъ барскаго измывательства надъ своею личностью.

Безконечная цѣпь подобнаго рода повседневныхъ фактовъ такъ надрываетъ сердце Радищева, что онъ, забывая свои собственныя слова о томъ, что свободы должно ожидать не отъ великихъ вотчинниковъ, а отъ „самой тяжести порабощенія“, т. е. отъ возстанія доведенныхъ до крайности крестьянъ, обращается къ правительству и дворянству съ горячимъ призывомъ уничтожить крѣпостное право. Этому призыву авторъ посвящаетъ одну изъ самыхъ длинныхъ главъ своего „Путешествія“—„Хотиловъ“. Въ ней онъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ того, что крѣпостничество противорѣчитъ и духу христіанской религіи, и праву естественному. Мало того, оно препятствуетъ экономическому процвѣтанію страны, такъ какъ трудъ подневольный никогда не даетъ такихъ результатовъ, какъ добровольный, и размноженію населенія. Въ результатѣ создается „губительство неволи“, которое приноситъ болѣе вреда, чѣмъ война, потому что послѣдняя въ краткій срокъ „оканчиваетъ свое свирѣпство“, а неволя губитъ „долговременно и всегда“. Къ разнообразнымъ возраженіямъ противъ существованія крѣпостного права Радищевъ присоединяетъ указаніе на создаваемую имъ постоянную угрозу общественному спокойствію. „Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія

наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ“. Въ подтвержденіе приводится ссылка на недавнюю Пугачевщину. Заключительныя строки этой интересной главы посвящены краткому изложенію проекта постепеннаго освобожденія крестьянъ, въ которомъ авторъ обнаруживаетъ удивительную трезвость мысли, какъ нельзя лучше свидѣтельствующую о неспаведливости общераспространеннаго мнѣнія объ утопичности Радищевскихъ теорій.

Мы выяснили, какъ отвѣчалъ Радищевъ въ своемъ „Путешествіи“ на вопросъ, какъ живется крѣпостнымъ крестьянамъ подъ властью помѣщиковъ и что надо дѣлать для ихъ облегченія. Но заглянулъ-ли онъ въ душу самихъ крестьянъ, показалъ-ли онъ зараженному французоманіей обществу живое лицо русскаго мужика? Этого Радищевъ не сдѣлалъ, да и сдѣлать не могъ, такъ какъ родился не въ XIX, а въ XVIII вѣкѣ, когда умѣли умно теоретизировать по поводу извѣстныхъ общественныхъ явленій, но еще не научились заглядывать въ тайники человѣческаго сердца, воспроизводить человѣческую психику въ ея интимнѣйшихъ проявленіяхъ. Однако, примѣръ Стерна, автора „Сентиментальнаго Путешествія“, хорошо извѣстнаго русскимъ писателямъ XVIII вѣка, который готовъ былъ умиляться всею душою и даже проливать искреннія слезы, слушая трогательную исторію поки-

нутой своимъ возлюбленнымъ сельчанки — Маріи, и отчасти Рейналя, превозносившаго чистоту и силу любви дикарей,—вдохновили Радищева, и онъ сдѣлалъ попытку въ одной изъ главъ своего сочиненія („Едрово“) создать привлекательный образъ молодой крестьянской дѣвушки. Мы говоримъ объ эпизодѣ съ едровской Анютой, столь любимомъ въ былые годы. Радищевъ не жалѣетъ словъ, чтобы доказать преимущество сельскихъ женщинъ, не знающихъ притворства ни въ жизни, ни въ любви, надъ городскими „боярынями“. Крестьянки, по его мнѣнію, „когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца и искренно“. Здѣсь совсѣмъ ужъ недалеко до знаменитой фразы Карамзина: „и крестьянки любить умѣютъ“. Радищевъ его предварилъ, и часть похвалъ, высказываемыхъ по адресу творца „Бѣдной Лизы“, по справедливости, должна быть отнесена къ нему. И въ данномъ случаѣ авторъ „Путешествія“ не измѣнилъ, такимъ образомъ, своему гуманному отношенію къ народу. Вообще, убѣжденность и принципіальность, упорное стремленіе согласовать слово съ дѣломъ, проходящее черезъ всю жизнь Радищева,—выгодно выдѣляютъ его среди прочихъ интеллигентовъ XVIII вѣка, для большинства которыхъ гораздо въ большей степени, чѣмъ для либераловъ Александровскаго времени, примѣнима ядовитая характеристика поэта и партизана Давыдова:

А глядишь—нашъ Мирабо
Стараго Гаврила,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ и рыло.

Радищевъ былъ не таковъ. Происходя изъ помѣщичьей семьи, которая пользовалась такою лю-

бовью и уваженіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, что скрыта была ими отъ Пугачевскихъ шаекъ, онъ ни разу, до самой могилы, не измѣнилъ своему искреннему народолюбію. Даже въ тѣ роковые дни, когда онъ былъ преданъ оскорбленной его книгою Императрицей Екатериною, усмотрѣвшей въ ней „ядъ французскій“, т. е. вольномысліе въ духѣ французскихъ революціонеровъ и призывъ „къ возмущенію крестьянъ противъ помѣщиковъ, войскъ противъ начальства“, въ руки знаменитаго „кнутобойца“ Шешковскаго, даже тогда, отрекшись подъ вліяніемъ страха отъ многихъ мнѣній по обще-политическимъ вопросамъ, Радищевъ не отказался отъ своего взгляда на крѣпостное право. Лицомъ къ лицу съ грознымъ искоренителемъ крамолы, наканунѣ суда и смертнаго приговора, онъ нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы, по выраженію Мякотина, хотя и коснѣющимъ отъ страха языкомъ, все же заявить, „чтобъ крестьяне были вольные, то въ его желаніяхъ было“. Приговоренный къ смертной казни по обвиненію, за отсутствіемъ болѣе подходящихъ статей въ тогдашнемъ уголовномъ законодательствѣ, въ томъ, что сглазилъ государево здоровье, началъ собирать войско, чтобы „Московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти“, не поставилъ часовыхъ на шанцахъ осажденной крѣпости, покрылъ краской бока корабля, не законопативъ щелей, и замышлялъ набрать шайку разбойниковъ, Радищевъ былъ помилованъ Государыней и сосланъ въ Илимскъ „на десятилѣтнее безвыходное пребываніе“.

Однако, и эта тяжелая кара не сломила смѣлаго борца за свободу: по дорогѣ въ Илимскъ онъ записывалъ свѣдѣнія о тяжеломъ положеніи

приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ; въ самомъ Илимскѣ занялся леченіемъ нуждавшагося въ медицинской помощи населенія; на возвратномъ пути изъ Сибири горячо интересовался жизнью сельскаго населенія. По возвращеніи въ Россію, Радищевымъ былъ написанъ, между прочимъ, трактатъ „Описаніе моего владѣнія“, въ которомъ встрѣчаются выраженія, заставляющія насъ вспоминать о „Путешествіи“.

Нѣсколько позднѣе, въ „дней Александровыхъ прекрасное начало“, Радищевъ былъ привлеченъ къ дѣлу государственнаго строительства—онъ былъ назначенъ членомъ находившейся подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго коммиссіи о составленіи законовъ. Умѣренный либерализмъ однихъ изъ его сотоварищей, скрытый консерватизмъ другихъ, конечно, не удовлетворяли Радищева: чуть-ли не къ каждому заключенію коммиссіи онъ прилагалъ свое особое мнѣніе, „основываясь, по словамъ одного изъ его сослуживцевъ, единственно на философскомъ свободомыслiи“. Наконецъ, не ограничиваясь частными вопросами, онъ составилъ очень радикальный проектъ общей реформы законодательства. Ему сдѣлали строгій выговоръ и пригрозили Сибирью. Радищевъ не былъ въ состояніи вынести и этого разочарованія. Въ памяти его всталъ, по всей вѣроятности, завѣтъ его „Путешествія“: „если ненавистное счастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если доведенну до крайности не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда вспомяни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся,—умри“,—и въ ночь на 12 сентября 1802 года покончилъ

съ собой самоубійствомъ. Какою то древне-римскою гражданскою доблестью и величіемъ вѣетъ отъ этого поступка: всю жизнь боролся за идеалъ, и когда пропала увѣренность въ возможности его осуществленія, предпочелъ лучше устраниться съ жизненной арены, чѣмъ покорно сложить оружіе. Дѣятельность Радищева поняли и оцѣнили не только лучшіе изъ его современниковъ, но и люди послѣдующихъ поколѣній съ неменьшимъ уваженіемъ относились къ его памяти. Величайшій поэтъ русскій вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу, что „вслѣдъ Радищеву“ возславилъ онъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ. Въ этомъ Пушкинъ видѣлъ залогъ добраго отношенія къ себѣ со стороны народа.

Въ наше время, когда мы имѣемъ полную возможность взглянуть на Радищева въ исторической перспективѣ, не поддаваясь обаянію его личности, образъ этого „заступника народнаго“ не только не тускнѣетъ, но выростаетъ въ крупную историческую фигуру. Первый и единственный изъ писателей XVIII вѣка, Радищевъ осмѣлился поставить точку надъ і, громко и во всеуслышаніе заявивъ, что крѣпостное право—вопіющее зло русской общественной жизни, что оно развращаетъ сверху до низу весь народъ, отъ раба до господина, препятствуетъ экономическому процвѣтанію страны и является постоянной угрозой общественному спокойствію. То, что надо было читать между строкъ сатирическихъ журналовъ Новикова, комедіи Фонвизина, оды Капниста, было высказано съ безпощадною откровенностью и полной ясностью Радищевымъ, и никакія кары немогли вытравить изъ общественнаго сознанія его вдохновенныхъ словъ.

Если этою стороною своего міросозерцанія Радищевъ переросъ свое время, то еще съ большимъ основаніемъ мы признаемъ его предтечею писателей послѣдующей эпохи, обративъ вниманіе на то, что ему не чужды были настроенія „кающагося дворянина“. Ему становится невыносимо стыдно при мысли, что онъ лишаетъ сна своего лакея Петрушку, посадивъ его на козлы. Еще болѣе жгучее чувство недовольства самимъ собой охватываетъ автора, когда онъ вспоминаетъ о той пощечинѣ, которую однажды далъ пьяному Петрушкѣ. „Почувствовалъ я быстрый мразъ, протекающій кровь мою и,... слезы потекли изъ глазъ моихъ“.

Всѣ эти соображенія убѣждаютъ въ томъ, что въ ряду писателей антикрѣпостническаго направленія Радищевъ занимаетъ одно изъ самихъ видныхъ мѣстъ. Если бы его художественное дарованіе соотвѣтствовало широтѣ его гражданскихъ воззрѣній и его убѣжденности, то, какъ борецъ противъ крѣпостнаго права, онъ не имѣлъ бы себѣ равныхъ въ русской литературѣ.

Екатерина превосходно поняла общественный смыслъ книги Радищева, оттого то она съ такою желчностью и раздраженіемъ полемизировала съ нимъ въ своихъ замѣткахъ объ его „Путешествіи“. Насколько основательно изгладились изъ памяти императрицы освободительные планы ея молодости, видно хотя бы изъ такого самодовольнаго замѣчанія по поводу Радищевскихъ разсужденій о вредѣ крѣпостничества: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“. Въ этомъ Императрица, конечно, была права: большинство помѣщиковъ даже 70 лѣтъ спустя, остались ярыми крѣпостниками. Но за то

она жестоко обманывалась, если думала убѣдить въ правотѣ своихъ сужденій о благоденствіи закрѣпощеннаго народа представителей нарождающейся русской интеллигенціи. То умственное движеніе въ обществѣ, которое она сама когда то культивировала, составляя „Наказъ“, созывая Комиссію для составленія проекта новаго уложенія, способствуя развитію сатирической журналистики, теперь настолько усилилось, что нерѣдко ускользало отъ ея властной опеки. Разбуженныя Екатериной, образованныя потокомъ освободительныхъ идей, лившихся съ запада, общественныя силы уже не хотѣли и не могли слѣдовать ея указкѣ. Болѣе того, по мѣрѣ выясненія реакціонныхъ тенденцій Императрицы, эти силы переходили въ оппозицію, и Екатеринѣ приходилось бороться съ ними, какъ это можно видѣть изъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергались Новиковъ и Радищевъ. Но, говоря словами позднѣйшаго поэта,

„Для вольной мысли Богу неугодны
Насиліе и гнетъ,
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ“.

Новиковъ томился въ Шлиссельбургѣ, Радищевъ—въ далекомъ Илимскѣ, а ихъ прогрессивныя идеи, въ области крестьянскаго вопроса нашли, себѣ послѣдователя въ лицѣ И. А. Крылова. Связывать Крылова съ Новиковымъ и Радищевымъ имѣется полное основаніе, такъ какъ оба они оказали самое непосредственное вліяніе на направленіе его литературной дѣятельности. Первое крупное произведеніе будущаго знаменитаго баснописца,—комическая опера „Кофейница“, написанная имъ шестнадцати лѣтъ отъ роду въ 1783 году, повторяетъ сюжетъ одной изъ сатирическихъ статеекъ Новиков-

скаго „Живописца“ (19 листъ). Съ другой стороны можно считать рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о сотрудничествѣ Радищева въ издаваемомъ Крыловымъ журналѣ „Почта Духовъ“ (1789 г.). Какъ въ „Кофейницѣ“, такъ и въ „Почтѣ духовъ“ антикрѣпостническая тенденція проявляется довольно замѣтно, будучи поставлена въ связь съ возрастающими мотовствомъ и щегольствомъ русскаго барства, естественными слѣдствіями его французоманіи. Въ лицѣ Новомодовой, гр. Припрыжкина и любовника свѣтской дѣвицы Неотказы, сатирикъ клеймитъ людей, устраивающихъ себѣ развеселое житье на счетъ разоренаго населенія селъ „Остатковыхъ“ и „Частодавалыхъ“, деревень „Безжитовыхъ“ и „Грабленныхъ“, мызъ „Пустышекъ“ и т. д.

Еще съ большимъ блескомъ развертывается сатирическое дарованіе Крылова въ его послѣдующемъ органѣ „Зрителѣ“, смѣнившемъ черезъ три года (1792) прогорѣвшую матеріально „Почту“. Здѣсь въ превосходной статьѣ „Похвала моему дѣдушкѣ“, ярко и художественно обрисована патологія помѣщичьяго воспитанія и жизни, которыя основаны на убѣжденіи, что „крестьяне ниже домашнихъ животныхъ“. Въ повѣсти „Каибъ“, Крыловъ, въ противовѣсъ писателямъ-сентименталистамъ, изображавшимъ мужика благоденствующимъ „пейзаномъ“, влюбленнымъ пастушкомъ, вскрываетъ всю фальшь такого воспроизведенія: русскій крестьянинъ былъ для него, прежде всего, забитымъ жизнью, изголодавшимся существомъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Крыловъ превосходно отдавалъ себѣ отчетъ въ главной причинѣ этой забитости, каковою являлось крѣпостное право.

Сатирическая дѣятельность Крылова оборвалась внезапно и насильственно. Подробности тѣхъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергся со стороны правительства, неизвѣстны; одно несомнѣнно—Крылову, вслѣдствіе ихъ; пришлось прекратить „Зритель“ и отказаться отъ начатого было изданія новаго журнала „С.-Петербургскій Меркурій“. Отказъ отъ литературной дѣятельности дался Крылову не легко. Вспоминая объ этомъ почти сорокъ лѣтъ спустя, онъ, этотъ флегматичный дѣдушка Крыловъ, писалъ одному изъ своихъ друзей: „я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя“. Въ результатѣ въ душѣ поэта произошелъ сильный внутренній надломъ, На нѣсколько лѣтъ Крыловъ отстаетъ отъ литературы, которая навлекла на него одни гоненія, скитается безцѣльно по провинціи и ищетъ забвенія въ картахъ. Вернувшись къ болѣе или менѣе интенсивной литературной дѣятельности только въ XIX вѣкѣ, Крыловъ доказалъ, какимъ огромнымъ художественнымъ талантомъ онъ обладалъ. Его басни со стороны формы и языка, конечно, никѣмъ еще не превзойденный шедевръ, но по своему общественному смыслу, онѣ не только не свидѣтельствуютъ о томъ, что гражданское развитіе ихъ автора подвинулось впередъ, а скорѣе, наоборотъ, указываютъ на нѣкоторый регрессъ въ этомъ отношеніи. Трудно не согласиться съ грустнымъ заключеніемъ новѣйшаго изслѣдователя Крыловскаго творчества: „Русская жизнь загубила въ Крыловѣ одного изъ великихъ нашихъ сатириковъ, направивъ его сатирическое дарованіе по узкому и тѣсному руслу, не давъ ему правильно развиться, даже во многихъ отношеніяхъ исказивъ его“...

Однако, и того, что сдѣлалъ Крыловъ, достаточно,

чтобы причислить его къ немногочисленной, но смѣлой и честной фалангѣ бойцовъ противъ крѣпостного права. Пусть въ его статьяхъ и не чувствуется Радищевской опредѣленности, однако, ихъ сравнительная художественность и несомнѣнная искренность, хотя бы и болѣе осторожной, чѣмъ у его предшественника, сатиры — не могли не оставить своего слѣда въ общественной психикѣ, и этотъ слѣдъ, безъ сомнѣнія, способствовалъ дискредитированію крѣпостничества въ сознаніи людей конца XVIII вѣка.

Крыловъ былъ послѣднимъ изъ крупныхъ русскихъ писателей, писавшимъ о крѣпостномъ правѣ въ XVIII вѣкѣ. Въ „царствованіе ужаса“, такъ называетъ умѣренный Карамзинъ правленіе Павла I, цензурный терроръ достигъ такихъ размѣровъ, что литература не только не могла касаться крестьянскаго вопроса, но была лишена даже возможности употреблять такія слова, какъ „граждане“, „отечество“ и „общество“. Первыя два были замѣнены словами „обыватели“ и „государство“, третье совсѣмъ было изгнано изъ употребленія. Въ этихъ запрещеніяхъ чувствуется что то символическое. Правительство какъ будто бы сознательно хотѣло, чтобы опекаемый имъ народъ, вступая въ новое столѣтіе, состоялъ не изъ гражданъ, а изъ обывателей, не зналъ отечества, а зналъ только государство, и совершенно лишенъ былъ общественной жизни. Вожделѣнія эти не оправдались. Девятнадцатый вѣкъ весь наполненъ борьбою за правовой строй, которая въ концѣ концовъ привела къ частичной побѣдѣ прогрессивныхъ началъ. Что касается собственно борьбы съ крѣпостничествомъ въ художественной литературѣ, то она принимаетъ въ XIX вѣкѣ совер-

шенно иной характеръ. Вмѣсто отдѣльныхъ, болѣе или менѣе талантливыхъ писателей, обличавшихъ крѣпостничество въ XVIII вѣкѣ, теперь появляются цѣлые десятки ихъ. Объясняется это тѣмъ, что въ новомъ столѣтіи мысль о необходимости освобожденія крестьянъ перестаетъ быть достояніемъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а переходитъ въ сознаніе широкихъ общественныхъ группъ, является нерѣдко даже партійнымъ лозунгомъ. Именно лозунгомъ она была въ 20-ые годы для декабристовъ, а въ 40-ые и 50-ые для западниковъ. Вслѣдствіе этого нападенія на цитадель крѣпостничества въ XIX вѣкѣ сдѣлались несравненно интенсивнѣе. Она стала подвергаться уже не единичнымъ, хотя бы и мѣткимъ выстрѣламъ, а систематическому обстрѣлу многихъ орудій. 19-го февраля 1861 года на стѣнахъ ея взвился бѣлый флагъ. Старая истина, гласящая, что надо дѣйствовать „сомкнутыми рядами“, получила новое подтвержденіе. Но, вспоминая день побѣды, нельзя забывать и побѣжденныхъ въ бою во имя восторжествовавшей 19-го февраля идеи, тѣхъ воиновъ, которые одни вышли въ поле, тѣмъ болѣе, что побѣждены они были не морально, а грубой физическою силой. Имена Новикова, Фонъ-Визина и въ особенности Радищева всегда останутся неразрывно связанными съ исторіей борьбы за раскрѣпощеніе русскаго крестьянства.

II.

Девятнадцатый вѣкъ: 10-ые и 20-ые годы.

Первые годы царствованія Императора Александра I, совпавшіе съ началомъ новаго вѣка, рѣзко отличались отъ четырехлѣтняго правленія его отца. Воспитанникъ республиканца Лагарпа, молодой государь искренно осуждалъ деспотизмъ и мечталъ о цѣломъ рядѣ преобразованій, направленныхъ къ измѣненію государственнаго строя въ Россіи. Поставленъ былъ также на очередь и вопросъ объ улучшеніи тяжелаго положенія крестьянъ и подготовкѣ ихъ постепеннаго освобожденія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ можно было ожидать, что и русская художественая литература, уже въ XVIII вѣкѣ серьезно интересовавшаяся крестьянскимъ вопросомъ, съ удвоеннымъ рвеніемъ вернется къ его обсужденію. Въ первыя полтора десятилѣтія XIX столѣтія этого, однако, не произошло. Здѣсь сказались, несомнѣнно, печальныя послѣдствія Екатерининской и Павловской реакцій, надорвавшихъ крупныя литературныя силы своего времени: Новиковъ въ Александровскую эпоху представлялъ изъ себя совершенно конченаго человѣка; Радищевъ вернулся изъ Сибири, повидимому, глубоко разочарованнымъ и предпочелъ вскорѣ добровольно устраниться съ жизненнаго поприща; Крыловъ, послѣ испытанныхъ имъ при Екатеринѣ гоненій, окончательно порвалъ съ серьезной сатирой на общественныя темы. Итакъ писатели старшаго поколѣнія, воспитавшіеся въ духѣ прогрессивныхъ идей во времена „Наказа“ и Комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, по тѣмъ или инымъ причинамъ, молчали.

Что же касается болѣе молодыхъ по возрасту литераторовъ, міросозерцаніе которыхъ сложилось въ годы реакціи, то они, въ лицѣ наиболѣе талантливыхъ своихъ представителей, примкнули къ литературному направленію, мало пригодному въ конечномъ своемъ развитіи для отраженія общественно-политическихъ вопросовъ — сентиментализму. Изолировавъ себя отъ реальной жизни, сентименталисты жили преимущественно чувствомъ и воображеніемъ, „они, по словамъ акад. Веселовскаго, уходили отъ общественности въ міръ своего крошечнаго „я“, въ абстракцію „человѣчности“, внутренней „свободы“, въ уединеніе, въ природу, вѣщавшую о благости Творца“.

Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что оба крупнѣйшіе представители русскаго сентиментализма—Карамзинъ и Жуковскій,—въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, ни однимъ словомъ не коснулись крѣпостного права, хотя не прочь иногда были гуманизировать крестьянство („Фролъ Силинъ“ и „Бѣдная Лиза“ — Карамзина, „Сельское кладбище“ — Жуковскаго). Что касается ихъ публицистическихъ статей, то Карамзинъ высказывался въ нихъ въ духѣ яраго крѣпостничества, болѣе прогрессивный же Жуковскій однажды попытался указать на тяжелое положеніе крѣпостныхъ интеллигентовъ („Печальное происшествіе“).

Едва ли не единственными послѣдователями Радищевскихъ традицій въ разсматриваемую эпоху были Пнинъ и его немногочисленные друзья. Воспитанный на идеяхъ человѣколюбивой философіи XVIII вѣка, Пнинъ пытался примѣнить ихъ къ требованіямъ русской дѣйствительности. Его перу принадлежитъ серьезный трактатъ „Опытъ о

просвѣщеніи", въ которомъ онъ, мѣстами, въ чисто Радищевскихъ тонахъ, бичуетъ крѣпостное право. Въ своихъ звучныхъ одахъ Пнинъ говоритъ о высокомъ назначеніи человѣка; по его мнѣнію, всякій рабъ, „когда-бъ позналъ свою... должность"...

Спросилъ природу, разсмотрѣлъ:
Кто бѣдствій всѣхъ его виною.
Тогда бы тою же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что надѣлъ.
(Ода „Человѣкъ").

Только подъ покровомъ правосудія, подъ которымъ поэтъ разумѣетъ правовой, основанный на строгой законности и, конечно, исключающій крѣпостную зависимость, строй, народъ можетъ благоденствовать. „Гдѣ ты, обращается онъ къ правосудію:

Тамъ земледѣлецъ не страшится
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ,
Любуется смотря на ниву,
Въ ней видя жизнь свою счастливу,
Благословляетъ твой покровъ...
(Ода „Правосудіе").

Одно изъ лучшихъ стихотвореній Пнина посвящено смерти автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", предъ свѣтлою личностью котораго онъ искренно преклонялся:

Уста, что истину вѣщали,
Увы, навѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ...
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
Навѣкъ, навѣкъ оставилъ насъ.

Свободолюбивое настроеніе немногихъ оставшихся послѣ Пнина произведеній и горячая сим-

патія его къ Радищеву, наиболѣе яркому проповѣднику въ предшествующей литературѣ крестьянской вольности, позволяютъ думать, что изъ него выработался бы настойчивый и пылкій борецъ съ крѣпостничествомъ, если бы преждевременная смерть внезапно не оборвала развитіе этого крупнаго литературнаго таланта.

Вторая половина царствованія Александра I характеризуется, прежде всего, реакціоннымъ направленіемъ правительственной политики, смѣнившимъ недавній либерализмъ. Мѣсто либеральныхъ членовъ негласнаго комитета и Сперанскаго заняли Аракчеевъ и Голицынъ; Магницкій и Руничъ громили университеты; цензура не пропускала книгъ, трактовавшихъ о вредѣ грибовъ, на томъ основаніи, что грибы постная пища... Лучшая часть молодого поколѣнія, воспитавшаяся въ эпоху „дней Александровыхъ прекраснаго начала“, не могла мириться съ такимъ торжествомъ обскурантизма. Ознакомившись во время заграничныхъ походовъ съ западно-европейскимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, наглядно убѣдившись въ превосходствѣ конституціонныхъ учрежденій, молодежь естественно мечтала „видѣть въ своемъ отечествѣ больше свободы“. „Чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція—вспоминалъ уже впослѣдствіи декабристъ Бѣляевъ—тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе“. Какова же была программа александровскихъ „либералистовъ“? Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія отмѣтить, что, кромѣ стремленія къ политической свободѣ, они неизмѣнно выдвигали на первый планъ борьбу съ крѣпостничествомъ. Во время слѣдствія, производившагося по поводу декабрь-

скаго возстанія, выяснилось, что многіе участники событій 14-го декабря, вступали въ члены тайныхъ обществъ, главнымъ образомъ, потому, что надѣялись активно способствовать освобожденію крестьянъ. Убѣжденіемъ въ необходимости этой реформы декабристы были проникнуты въ такой мѣрѣ, что даже въ сырыхъ казематахъ Петропавловской крѣпости, передъ лицомъ грозившей нѣкоторымъ изъ нихъ смерти, старались своими показаніями обратить вниманіе правительства на тяжелое положеніе крестьянъ и такимъ образомъ способствовать его улучшенію. Объ этомъ же они твердили въ своихъ письмахъ къ Николаю I.

Отрицательное отношеніе декабристовъ къ крѣпостному праву не могло не отразиться въ литературѣ. Однако, цензурныя строгости во вторую половину царствованія Александра I были такъ велики, что напрасно стали бы мы искать въ ней полнаго выраженія ихъ антикрѣпостническихъ взглядовъ. Въ прозаической литературѣ они отчасти проявились въ сочиненіи Н. Тургенева „Теорія налоговъ“(1818); въ поэтической—въ лирикѣ Пушкина, Рылѣева, кн. Вяземскаго и комедіи Грибѣдова.

Относительно Пушкина мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что своею прогрессивною настроенностью въ крестьянскомъ вопросѣ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, вліянію декабристовъ и ихъ единомышленниковъ. Еще на школьной скамьѣ Пушкинъ имѣлъ возможность познакомиться съ либеральными взглядами на крестьянскій вопросъ популярнаго лицейскаго преподавателя нравственныхъ наукъ Куницына. Состоявшееся по окончаніи лицея близкое знакомство со многими декабристами, въ особенности дружба съ

Н. Тургеневымъ, окончательно опредѣлили либеральную, въ частности антикрѣпостническую настроенность Пушкина. Выразивъ въ стихахъ „Сказки“ (1818 г.) свое недовѣріе къ преобразовательнымъ намѣреніямъ Александра I, въ слѣдующемъ году, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ разговоровъ на политическія темы съ братьями Тургеневыми, Пушкинъ пишетъ свою знаменитую оду „Вольность“. Въ ней прямыхъ выпадовъ противъ крѣпостного права нѣтъ, но если вспомнить, что обычною темою бесѣдъ съ Н. Тургеневымъ являлись, по всей вѣроятности, нападки именно на это зло тогдашней общественности, то нѣкоторыя строфы Пушкинской оды безусловно пріобрѣтутъ антикрѣпостническій характеръ. Такъ, весьма правдоподобнымъ является предположеніе, что не только отсутствіе свободы политической, но также и закрѣпощеніе народа вдохновило Пушкина создать такую потрясающую картину русской жизни.

Увы! куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ
Неволи немощныя слезы...

Въ томъ же 1819 году Пушкинымъ написано его знаменитое стихотвореніе „Деревня“ — первое въ русской литературѣ безупречно художественное выраженіе антикрѣпостнической тенденціи. Оставляя первую часть этого стихотворенія съ чудными описаніями деревенской природы, на лонѣ которой такъ свободно дышится поэту, утомленному роскошными пирами и забавами „порочнаго двора царей“, обратимся прямо ко второй его части. Здѣсь на протяженіи всего только 27 строкъ,

Пушкинъ съ исчерпывающею, можно сказать, полнотою рисуетъ жизнь закрѣпощеннаго крестьянства. Прежде всего, поэтъ, „другъ человѣчества“- замѣчаетъ „невѣжества губительный позоръ“. Подъ его властью одинаково находятся и „барство дикое“ и „рабство тощее“. Описаніе нравственныхъ свойствъ перваго дышетъ жгучимъ негодованіемъ. Оно не видитъ слезъ, не внемлетъ стону, оно лишено чувства состраданія и сознанія законности, оно создано на пагубу людей; свою власть надъ крестьянами, выражающуюся въ присвоеніи ихъ труда, собственности и времени, неумолимый владѣлецъ основываетъ на употребленіи „насильственной лозы“ и „бичей“. Далѣе слѣдуетъ описаніе „рабства тощаго“, влачащагося по чужимъ браздамъ, несущаго до гроба тягостный яремъ, не смѣющаго питать ни надеждъ, ни склонностей, доступныхъ другимъ людямъ. Съ особымъ подчеркиваніемъ говоритъ Пушкинъ о беззащитности крестьянскихъ дѣвушекъ въ отношеніи стастолюбивыхъ поползновеній ихъ помѣщика, этого „развратнаго злодѣя“, и о тяжеломъ положеніи дворовыхъ „измученныхъ рабовъ“, въ которые берутъ всѣхъ безъ разбора, отрывая „отъ хижины родной“ даже младыхъ сыновей, „опору милую старѣющихъ отцовъ“. Эти печальныя картины дѣйствительности возбуждаютъ въ поэтѣ пламенное желаніе хоть словомъ своимъ помочь народу.

Заканчивается „Деревня“ извѣстнымъ четверостишіемъ, выражающимъ надежду поэта на то, что рабство народа падетъ по манію царя и надъ Россіею засіяетъ заря просвѣщенной свободы.

Мы не безъ намѣренія изложили своими словами содержаніе разсматриваемаго стихотворенія.

Художественныя красоты его всѣмъ извѣстны, такъ что цитировать „Деревню“ нѣтъ никакой нужды, прозаическій же пересказъ помогаетъ отчетливѣе представить всю широту содержанія этого стихотворенія, охватывающаго главнѣйшіе мотивы антикрѣпостнической литературы предшествующаго времени. Не измѣнилъ Пушкинъ своимъ взглядамъ на крестьянскій вопросъ и во время вынужденнаго пребыванія на югѣ. Ихъ питали, надо думать, не прекращавшіяся сношенія съ декабристами, которыхъ поэтъ встрѣчалъ въ Кишиневѣ, и особенно въ Каменскѣ. Быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ ними, Пушкинъ и набросалъ въ августѣ 1822 г. свои историческія замѣтки, проводящія очень опредѣленную точку зрѣнія на крѣпостничество. Упомянувъ о попыткахъ русской аристократіи при преемникахъ Петра I ограничить самодержавіе, Пушкинъ радуется ихъ неуспѣху, такъ какъ въ противномъ случаѣ Россіи грозилъ бы „чудовищный феодализмъ“. „Если бы, продолжаетъ онъ, гордые замыслы Долгорукаго и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія... Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; *нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ*“.

На югѣ же Пушкинымъ былъ начатъ его романъ „Евгеній Онѣгинъ“, въ восьми главахъ котораго встрѣчаются неоднократныя указанія на отрицательныя стороны крѣпостного права. По сравненію съ тѣмъ, что писалъ Пушкинъ въ своей „Деревнѣ“ и „Историческихъ замѣткахъ“, эти ука-

занія представляются довольно блѣдными, но за то они могли появиться въ печати и вліять такимъ образомъ, на болѣе широкіе общественные круги. Прежде всего, обращаетъ вниманіе, что и герой и героиня романа очень гуманны въ своихъ отношеніяхъ съ крестьянами.

Евгеній Онѣгинъ, по нѣсколько насмѣшливому выраженію поэта, „былъ глубокій экономъ“: онъ читалъ Адама Смита, изъ сочиненій котораго и вынесъ, по всей вѣроятности, отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. По крайней мѣрѣ, по пріѣздѣ своемъ въ деревню, Онѣгинъ не ограничился въ своихъ отношеніяхъ съ крестьянами тѣмъ, что время отъ времени срывалъ „бѣлянки черноокой младой и свѣжій поцѣлуй“, но „въ своей глуши мудрецъ пустынный“ онъ задумалъ „порядокъ новый“ учредить:

Яремъ онъ барщины старинный
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
И рабъ судьбу благословилъ.

Эта очень невинная, но все таки несомнѣнно клонившаяся къ улучшенію быта крестьянъ, мѣра сейчасъ же вооружила противъ Онѣгина его разсчетливыхъ сосѣдей крѣпостниковъ, которые „увидя въ этомъ страшный вредъ“, надулись въ своихъ углахъ и прославили Онѣгина „опаснѣйшимъ чудакомъ“ и „фармазономъ“, что на языкѣ провинціальныхъ Скотининыхъ значило революціонеръ и якобинецъ. Если въ Онѣгинѣ желаніе благотворить крестьянамъ есть результатъ литературныхъ вліяній, то въ Татьянѣ оно возникло совершенно самобытно. Никто не училъ ее сердечно, мы бы сказали по дочернему, вести себя въ отношеніи старой Филипьевны, никто не училъ ее также помогать бѣд-

нымъ, что, насколько можно судить по ея письму къ Онѣгину, было далеко не случайнымъ ея времяпрепровожденіемъ. Подобное поведеніе Татьяны вызываетъ тѣмъ большее уваженіе, что вокругъ себя она видѣла совсѣмъ иные примѣры. Мать ея, въ молодости увлекавшаяся Ричардсономъ, по выходѣ замужъ очень скоро сдѣлалась заурядной помѣщицей — крѣпостницей: для нея, брить лбы, т. е. отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты—ни съ чѣмъ несравнимое горе въ деревенскомъ быту — и бить подъ сердитую руку служанокъ было такимъ же привычнымъ дѣломъ, какъ солить грибы и мыться въ банѣ по субботамъ. Она обнаруживала даже незаурядное остроуміе въ своихъ крѣпостническихъ уловкахъ, требуя, напримѣръ, чтобы крестьянскія дѣвушки во время сбора ягодъ пѣли хоромъ. „Наказъ, поясняетъ Пушкинъ,

. . . . . основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ,
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты—
Затѣя сельской остроты“.

Быть можетъ, эта „затѣя“ и дѣлала честь хозяйственнымъ способностямъ Лариной, но едва ли она могла свидѣтельствовать объ ея гуманныхъ чувствахъ, такъ какъ пѣніе по наказу, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сряду, изъ забавы превращалось въ тяжелую, можно сказать, даже въ мучительную повинность. Подъ стать матери Татьяны были, надо думать, и другіе представители провинціальнаго дворянства. Объ ихъ отношеніи къ попыткѣ Онѣгина улучшить положеніе своихъ крестьянъ уже сказано, а каково жилось ихъ собственнымъ крѣпостнымъ, это можно видѣть хоть бы изъ выразительной характеристики Гвоздина, одного изъ

гостей на именинахъ Татьяны. Пушкинъ называетъ его „превосходнымъ хозяиномъ“, „владѣльцемъ нищихъ мужиковъ“, подчеркивая вопіющее противорѣчіе интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ. Получать съ имѣнія побольше доходовъ всякими правдами и неправдами, выколачивая крестьянскіе гроши, считалось первымъ признакомъ превосходнаго хозяйничанья.

Кромѣ Пушкина, къ поэтамъ двадцатыхъ годовъ съ опредѣленною антикрѣпостническою настроенностью принадлежалъ К. Ф. Рылѣевъ. Жизнь его представляетъ поучительный примѣръ полнаго соотвѣтствія между словомъ и дѣломъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ и поэмахъ Рылѣевъ былъ провѣдникомъ борьбы за политическія права и свободу. Искренность своего общественнаго міросозерцанія ему пришлось засвидѣтельствовать 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, куда онъ шелъ, чтобы сражаться за дѣло, въ успѣхъ котораго не вѣрилъ, и участіе въ которомъ привело его къ эшафоту. Эта же согласованность между словомъ и дѣломъ Рылѣева замѣтна и въ отношеніи къ крестьянскому вопросу.

Въ прославившей его имя, безумно смѣлой одѣ „Къ Временщику“, помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ“ (1820), Рылѣевъ въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ изобличаетъ всесильнаго тогда Аракчеева, ставя ему, между прочимъ, въ вину то, что онъ довелъ народъ до нищеты тягостнымъ налогомъ и лишилъ селенія ихъ прежней красоты. Это единственное упоминаніе, да и то косвенное, въ напечатанныхъ произведеніяхъ Рылѣева о крѣпостномъ правѣ. За то въ революціонныхъ пѣсняхъ, написанныхъ въ цѣляхъ агитаціи и усиленно распространяемыхъ въ простонародныхъ и солдатскихъ

кругахъ, ненависть автора къ крѣпостному праву сказывается чрезвычайно ярко.

Положеніе закрѣпощеннаго народа въ одной изъ этихъ пѣсенъ рисуется въ такихъ выраженіяхъ:

Ахъ, тошно мнѣ
И въ родной сторонѣ;
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ,
Видно вѣкъ вѣковать.
Долго-ль русскій народъ
Будетъ рухлядью господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать...
По двѣ шкуры съ насъ деруть;
Мы посѣемъ, они жнутъ;
И свобода
У народа
Силой баръ задушена.
А что силой отнято,
Силой выручимъ мы то,
И въ привольи,
На раздольѣ,
Стариною заживемъ.

Затѣмъ въ пѣснѣ указывается на трудность для мужика добиться правды на судѣ, всѣ служащіе въ которомъ, начиная отъ сторожа и кончая предсѣдателемъ, — взяточники и лихоимцы, и на разорительность государственныхъ повинностей, возложенныхъ на закрѣпощенный народъ.

Малая художественная цѣнность и умышленная, по выраженію проф. Котляревскаго, аляповатость этихъ пѣсенъ не мѣшаютъ имъ свидѣтельствовать о безусловной искренности и горячемъ народолюбіи ихъ автора. Это послѣднее подтверждается также многими фактами изъ жизни Рылѣева. Такъ, изъ письма жены къ поэту, видно, что онъ былъ очень

мягкимъ помѣщикомъ; мужики его даже были „избалованы“ его добротою; заступался онъ также и за крѣпостныхъ другихъ помѣщиковъ, какъ это явствуетъ изъ его вмѣшательства въ дѣло крестьянъ гр. Разумовскаго. И не только интересы крѣпостныхъ отстаивалъ при всякомъ удобномъ случаѣ Рылѣевъ; состраданіе къ низшей братіи вообще было его отличительной чертой. Въ должности засѣдателя СПБ. палаты уголовнаго суда своимъ нелицепріятіемъ и справедливостью онъ стяжалъ себѣ всеобщую извѣстность. Имя и честность его вошли въ пословицу среди простого народа. Всѣ отмѣченные факты убѣждаютъ въ томъ, что въ лицѣ Рылѣева народныя массы имѣли одного изъ искреннѣйшихъ своихъ друзей.

Откликнулись на тяжелое положеніе закрѣпощеннаго крестьянства и другіе поэты двадцатыхъ годовъ. Другъ Пушкина и Н. Тургенева, кн. Вяземскій, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ, которыя, къ сожалѣнію, въ свое время не были напечатаны, очень опредѣленно высказывается по данному вопросу. Въ стихотвореніи „Петербургъ“ (1818 г.) онъ выражаетъ надежду, что

Съ чела оратая сотрется потъ неволи.
Природы старшій сынъ, ближайшій братьевъ другъ
Свободно проведетъ въ поляхъ наслѣдный плугъ,
И свѣтлыхъ нивъ просторъ, пріютъ свободы мирной,
Не будетъ для него темницею обширной.

Увѣренностью въ побѣдѣ прогрессивныхъ началъ, въ частности въ отмѣнѣ крѣпостничества, проникнуто и другое стихотвореніе кн. Вяземскаго „Негодованіе“ (1818). Въ „Посланіи Сибирякову“

(1820 г.) писателю изъ крѣпостныхъ крестьянъ, „въ отечествѣ поэту“, „кондитеру въ барскомъ домѣ“ также звучитъ антикрѣпостническій мотивъ. Кн, Вяземскій утѣшаетъ Сибирякова говоря, что „свобода въ насъ самихъ“, а среди баръ

Ты сталъ бы, какъ они, въ безчувствіи глубокомъ,
На участь братіевъ взирать холоднымъ окомъ,
И думать, что Творецъ на то и создалъ знать,
Чтобъ кровью ближняго ей нагло торговать,
Что черни далъ однѣ Онъ спины, барству души.

Сравнительно съ однимъ изъ подобныхъ людей: „ты—рабъ свободный, онъ—рабъ жалкій на свободѣ“.

Антикрѣпостническое настроеніе такъ сильно владѣло лучшей частью общества въ Александровскую эпоху, что ему отдалъ дань даже сравнительно далекій отъ вліянія декабризма поэтъ Батюшковъ. Въ его извѣстныхъ сочиненіяхъ протестъ противъ крѣпостного права отсутствуетъ, но кн. Вяземскій удосвовѣряетъ, что Батюшковъ написалъ въ 1811 г. „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ Императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу“, государь „призванъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа“.

Крупнѣйшій представитель драматической литературы двадцатыхъ годовъ, Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, по своимъ политическимъ взглядамъ, можетъ быть названъ типичнымъ декабристомъ, умѣреннымъ только романтической самоувѣренности большинства участниковъ тайныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Грибоѣдовъ вполнѣ раздѣлялъ мечты своихъ друзей

о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя и о скорѣйшемъ освобожденіи крестьянъ. Общественное „credo“ автора „Горя отъ ума“ удачно формулировано имъ самимъ въ небольшомъ стихотворномъ экспромтѣ, начинающемся словами:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ.

Не останавливаясь на конституціонныхъ стремленіяхъ Грибоѣдова, наличность которыхъ съ несомнѣнностью доказана новѣйшими изслѣдованіями, отмѣтимъ, что рабство соціальное онъ ненавидѣлъ не менѣе политическаго: о тяжеломъ положеніи закрѣпощенныхъ крестьянъ авторъ „Горя отъ ума“ говоритъ постоянно и всегда со жгучимъ негодованіемъ. Антикрѣпостничество Грибоѣдова, кромѣ такихъ общихъ причинъ, какъ его широкое образованіе и политическое свободомысліе, объясняется еще и тѣмъ, что онъ испытывалъ, говоря словами его геніальной комедіи, „влеченье, родъ недуга“ къ простому русскому народу. Никто до него не болѣлъ такъ искренно надъ разобщенностью интеллигентныхъ слоевъ общества и простой земледѣльческой массы. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно типична его статья „Загородная прогулка“ (1826), въ каждой строчкѣ которой такъ и бьетъ живая искренняя любовь Грибоѣдова къ родному народу. Тѣмъ больнѣе ему было наблюдать его тяжелое и унизительное положеніе подъ властью помѣщиковъ, принадлежащихъ къ столь ему несимпатичному „поврежденному классу полу-европейцевъ“; а потому, чуть-ли не въ каждомъ его произведеніи мы встрѣчаемся съ очень опредѣленными выпадами противъ крѣпостного права.

Еще семнадцатилѣтнимъ юношей (1812), Грибоѣдовъ набрасываетъ комедію „Студентъ“, законченную пятью годами позднѣе въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ; въ ней онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, жестокость петербургскихъ чиновныхъ баръ къ своимъ крестьянамъ, имѣющимъ въ ихъ глазахъ значеніе дойной коровы, только и существующей для того, чтобы платить подати и оброки. Въ „Студентѣ“ крѣпостное право задѣто мимоходомъ. Однако, мысль автора по прежнему была прикована къ этому ужасному злу русской общественности, и вотъ въ 1822 году онъ задумываетъ драму изъ эпохи войны двѣнадцатаго года съ вполнѣ ясной соціальной тенденціей. Центральнымъ лицомъ въ ней насколько можно судить по сохранившемуся краткому плану, долженъ былъ быть крѣпостной М*, поступившій въ ратники ополченія и проявившій въ битвахъ выдающуюся храбрость. Однако получить за нее справедливое воздаяніе ему такъ и не пришлось ни на войнѣ, ни въ своей родной деревнѣ. Подъ заголовкомъ „Эпилогъ“ въ планѣ Грибоѣдовской драмы читаемъ: „*Вильна.*—Вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ, М* въ пренебреженіи у военноначальниковъ. Отпускается во свояси съ отеческими наставленіями въ покорности и послушаніи. *Село, или развалины Москвы.* Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... Самоубійство“. Даже изъ этого коротенькаго конспекта выносишь впечатлѣніе, что драма Грибоѣдова обѣщала быть выдающимся по своему общественному смыслу произведеніемъ и легко могла пріобрѣсти значеніе широкой аллегоріи. Въ судьбѣ несчастнаго М* такъ много общаго съ судьбой всего русскаго на-

рода. Въ годину общегосударственнаго бѣдствія къ нему обратились съ призывомъ: „иди, спасай“; онъ пришелъ и спасъ, но тѣмъ не облегчилъ своего положенія. Начались „прежнія мерзости“, и недавнимъ героямъ пришлось, выслушавъ отеческія наставленія властей предержащихъ, покорно подставить свою спину подъ палку помѣщика крѣпостника. И тѣмъ болѣе знаменательнымъ явилось бы это произведеніе, если бы оно было написано Грибоѣдовымъ, что только ему отечественная война представилась съ народно-общественной стороны. Двѣнадцатый годъ былъ, конечно, „воспѣтъ“, но воспѣваніе это ограничивалось обычно бравурно-патріотическими мотивами.

Набрасывая только что приведенный планъ, Грибоѣдовъ уже интенсивно работалъ надъ своимъ шедевромъ—комедіей „Горе отъ ума“, законченной имъ въ 1824 г. Въ этомъ произведеніи антикрѣпостническая тенденція ярко выступаетъ въ рѣчахъ Чацкаго. Въ программу этого „истинно просвѣщеннаго“ и „одушевленнаго лучшими стремленіями“ человѣка „прежде всего, по словамъ проф. Овсянико-Куликовскаго, входила отмѣна крѣпостного права“. Грибоѣдовскій герой нѣсколько разъ возвращается въ комедіи къ обличенію крѣпостничества. Перебирая при первой же встрѣчѣ съ Софьей (VII явл. I акта) своихъ московскихъ знакомцевъ, онъ, между прочимъ, вспоминаетъ и объ одномъ помѣщикѣ-театралѣ, который своихъ „тощихъ“ артистовъ заставлялъ во время бала щелкать соловьями, запрятавъ ихъ въ комнатѣ „посекретнѣй“. Удивительно мѣтко въ этой краткой характеристикѣ подмѣчены отрицательныя черты помѣщичьяго меценатства, основаннаго на униженіи человѣческой личности крѣпостныхъ

артистовъ. Еще болѣе рѣзко тотъ же мотивъ звучитъ въ знаменитомъ монологѣ: „А судьи кто?“ Послѣ всѣмъ памятнаго мѣста о „Несторѣ негодяевъ знатныхъ“, промѣнявшемъ своихъ слугъ, не разъ спасавшихъ его жизнь и честь во время попоекъ и дракъ, на „три борзыя собаки“, авторъ говоритъ о другомъ баринѣ, любителѣ балета, который привезъ изъ своихъ деревень, „на многихъ фурахъ отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей“, поверсталъ ихъ въ амуры и зефиры, а потомъ, когда его затѣя кончилась крахомъ, распродалъ ихъ всѣхъ „по одиночкѣ“.

Таковы протесты противъ крѣпостного права Чацкаго, у котораго, въ комедіи по крайней мѣрѣ, единомышленниковъ не было. Огромное большинство московскаго общества — противъ него, оно всецѣло на сторонѣ „Нестора негодяевъ знатныхъ“ и ему подобныхъ. Важная старуха Хлестова, очень довольная тѣмъ, что ей Загорѣцкій „двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ“, чиновный баринъ Фамусовъ, готовый швейцара Фильку и другихъ слугъ отправить за ничтожный недосмотръ на поселеніе,—оба они, конечно, заядлые крѣпостники; простой народъ, само собой разумѣется, для нихъ не „умный добрый нашъ народъ“, какъ для Чацкаго, а сборище Петрушекъ, Филекъ, Машекъ, созданныхъ только для того, чтобы повиноваться и давать доходъ, а при случаѣ способствовать „монашескому поведенію“ своихъ господъ.

Въ слѣдующемъ году (1825 г.) Грибоѣдовъ пишетъ лирическое стихотвореніе „Хищники на Чегемѣ“, въ которомъ также содержится довольно рѣзкій выпадъ противъ крѣпостного права. Воинственная ватага удалыхъ горцевъ мечтаетъ о на-

бѣгѣ на русскія поселенія. Есть надежда захватить много плѣнныхъ: русскія дѣвы пойдутъ джигитамъ и узденямъ, отроки — кадіямъ, „людямъ Божьимъ“.

Узникамъ удѣлъ обычный,—
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука:
Узы—жребій имъ приличный,
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный!
И ужасенъ ли обмѣнъ?—
Дома — цѣпи, въ чужѣ — плѣнъ!

Въ этихъ не особенно художественныхъ, но очень энергичныхъ стихахъ выражена чрезвычайно смѣлая мысль: русскимъ поселянамъ нечего бояться плѣна, такъ какъ у себя на родинѣ они привыкли къ такому же рабству. Неудивительно, что цензура вычеркнула процитированныя строки. За годъ до своей смерти Грибоѣдовъ началъ работать надъ трагедіей „Грузинская ночь“ (1828), которая, къ сожалѣнію, до насъ не дошла: она, по свидѣтельству Булгарина, „погибла вмѣстѣ съ авторомъ“. Однако, Булгарину было извѣстно ея содержаніе; кромѣ того, изъ нея сохранилось нѣсколько отрывковъ. Хотя сюжетъ заимствованъ изъ грузинскаго сказанія, и дѣйствіе происходитъ въ Грузіи, тѣмъ не менѣе въ трагедіи трактуется все тотъ же вопросъ о крѣпостномъ рабствѣ. Нѣкій грузинскій князь въ видѣ выкупа за любимаго коня отдалъ другому князю своего раба, совсѣмъ юнаго еще отрока. Это было „дѣломъ обыкновеннымъ“, а потому князь не думалъ о послѣдствіяхъ. Мать отрока, бывшая кормилица князя, няня его дочери, упрекаетъ своего господина въ безчеловѣчіи и умоляетъ не разлучать ее съ сыномъ. Это мѣсто, по словамъ Булгарина,

производило наиболѣе сильное впечатлѣніе: „самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына“. Сѣтованія кормилицы вызываютъ только гнѣвъ князя.

Уже сынъ твой, — заявляетъ онъ,—рабъ другого господина.
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ.
Онъ проданъ мной, и я былъ волент въ томъ.
Онъ былъ мой крѣпостной...

Убѣдившись въ безполезности своихъ просьбъ, кормилица обращается къ адскимъ духамъ и съ ихъ помощью жестоко мститъ обидчику.

Такимъ образомъ, съ 1812 года, къ которому относятся наброски „Студента“, до самой смерти, Грибоѣдовъ скорбѣлъ надъ судьбой закрѣпощеннаго народа. Имѣли ли его взгляды какое-либо вліяніе на современниковъ? Поскольку дѣло касается недоконченныхъ пьесъ Грибоѣдова, то на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Зато его комедія „Горе отъ ума“ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній литературы, которыя не мало способствовали прояснению общественнаго самосознанія. И это несмотря на то, что комедія подверглась самымъ яростнымъ цензурнымъ гоненіямъ и была впервые напечатана черезъ четыре года послѣ смерти автора— въ 1833 году. Цензурный запретъ либералы Александровскаго царствованія сумѣли обойти. Въ запискахъ Завалишина мы находимъ цѣнное сообщеніе о томъ, какъ декабристы нѣсколько дней сряду собирались у кн. Одоевскаго, у котораго жилъ тогда Грибоѣдовъ, чтобы въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку. Дѣлалось это потому, что „литературные дѣятели захотѣли воспользоваться предстоящимъ отпускомъ офицеровъ

для распространенія комедіи въ рукописи“. Отсюда видно, что художественному произведенію Грибоѣдова усвоялась прямо-таки агитаціонная роль. И оно оправдывало свое предназначеніе. Когда бар. Штейнгеля спросили на слѣдствіи, „какія сочиненія наиболѣе способствовали развитію въ немъ либеральныхъ взглядовъ“, онъ прямо указалъ на комедію Грибоѣдова. Другой декабристъ, Бѣляевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ именно антикрѣпостническое вліяніе комедіи. „Комедія „Горе отъ ума“,—пишетъ онъ,—ходила по рукамъ въ рукописи; слова Чацкаго: „всѣ распроданы по одиночкѣ“ приводили въ ярость“.

Кромѣ „Горе отъ ума“ крѣпостное право задѣвается въ разсматриваемую эпоху въ нѣсколькихъ пьесахъ другихъ авторовъ, конечно, уже не съ Грибоѣдовской мѣткостью и широтою. Сюда можно отнести комедіи: „Пустодомы“ (1820) кн. Шаховского, „Неожиданное возвращеніе“ (1820) Кругликова и „Дворянскіе выборы“ (1829) Квитки Основьяненко.

Изъ русскихъ романистовъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ наиболѣе отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву проявилъ Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Съ замѣтнымъ упорствомъ и послѣдовательностью останавливается онъ во многихъ своихъ произведеніяхъ на отношеніяхъ, существовавшихъ между помѣщиками и крестьянами, причемъ всѣ симпатіи его неизмѣнно на сторонѣ послѣднихъ. Антикрѣпостническая настроенность Нарѣжнаго тѣмъ знаменательнѣе, что онъ не принадлежалъ къ кружкамъ декабристовъ, едва ли былъ даже хорошо знакомъ съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Такимъ образомъ, говоритъ въ этомъ случаѣ о постороннихъ вліяніяхъ, опредѣлившихъ отно-

шеніе Нарѣжнаго къ данному вопросу, совершенно не приходится. Очевидно, Нарѣжный самостоятельно пришелъ къ осужденію крѣпостничества и его темныхъ сторонъ, основываясь какъ на тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя давала ему реальная дѣйствительность, такъ и на внушеніяхъ своего отзывчиваго на чужое горе сердца. А объ отзывчивости Нарѣжнаго можно судить по той высоко гуманной теоріи, которую онъ развиваетъ устами одного изъ своихъ героевъ („Аристіонъ или перевоспитаніе“): „Я такъ вѣрю: если хочу быть доволенъ, веселъ, счастливъ, то *непремѣнно долженъ* разливать довольство, веселіе, счастье на всѣхъ тѣхъ, бытіе коихъ нѣкоторымъ образомъ заключено въ кругъ моего бытія“. Проникнутый такимъ настроеніемъ, Нарѣжный сумѣлъ дать въ своихъ произведеніяхъ рядъ яркихъ и красочныхъ описаній жизни и быта закрѣпощеннаго народа.

Значительный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ романъ Нарѣжнаго „Россійскій Жильблазъ“, вышедшій въ свѣтъ въ 1814 г. Въ этомъ произведеніи авторъ создаетъ широкую картину русскихъ нравовъ, захватывая какъ верхи, такъ и низы тогдашняго общества. Среди многочисленныхъ, по большей части, отрицательныхъ типовъ романа, фигурируютъ и отъявленные крѣпостники. Таковы господа Головорѣзовы, которые „на досугѣ гоняются за дворовыми дѣвками, собираютъ слугъ и велятъ имъ бить другъ друга, а сами не могутъ налюбоваться, видя кровь, текущую изъ зубовъ и носовъ, и волосы, летящіе клоками“. Таковъ и господинъ Куроумовъ, который „хотѣлъ доказать, что онъ помѣщикъ“, а потому „въ домѣ его раздавались стоны“. Интереснѣе всего, что съ точки зрѣнія Нарѣж-

наго подобные факты дурного обращенія помѣщиковъ съ крестьянами не являются единичными исключеніями изъ общаго правила, а представляютъ собой обычное, повседневное явленіе. Не даромъ авторъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ героевъ, что онъ „слыхалъ, что знатные отличаются, между прочимъ, отъ другихъ и тѣмъ, что жестоко наказываютъ людей своихъ за маловажные вины, а часто и невинно, по одной прихоти, чтобы бѣдняки не забывали, что они имѣютъ господина. „Мы господскіе!“—крестьяне многихъ говорятъ съ такимъ лицомъ и такимъ голосомъ, какъ будто хотѣли выразить: „мы — осужденные въ жизни сей на одно страданіе!“ Это обобщеніе убѣждаетъ въ наличности отрицательнаго отношенія автора къ крѣпостному праву вообще. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и то, что единственное положительное лицо романа, шинкарь Янька, признаетъ нравственную несостоятельность соціальнаго неравенства, глубоко вѣря „въ великое Предопредѣленіе, въ глазахъ котораго равны и князь, и крестьянинъ, и староста, и жидъ Янька“. Опредѣленность общественной тенденціи романа вызвала запрещеніе его послѣднихъ трехъ частей.

Однако, неудача съ „Жильблазомъ“, очень чувствительная для бѣдняка Нарѣжнаго, не заставила его измѣнить своему прогресссивному міровоззрѣнію.

Въ 1821 году выходитъ въ свѣтъ его повѣсть „Аристіонъ или перевоспитаніе“, посвященная важному въ тѣ времена вопросу о неудовлетворительности принятаго въ дворянскомъ кругу воспитанія. Эта въ сущности педагогическая тема трактуется вперемежку съ настойчивыми нападками на крѣпостное право.

Въ главной части романа разсказывается, какъ юношу Аристіона, развращеннаго столичной жизнью, перевоспитывали его родители и ихъ другъ, подъ видомъ совершенно постороннихъ людей. Однимъ изъ важныхъ факторовъ перевоспитанія служили посѣщенія сосѣднихъ помѣщиковъ, дававшихъ примѣры того, какъ не слѣдуетъ жить и обходиться съ крестьянами. Первымъ описанъ въ романѣ Нарѣжнаго панъ Сильвестръ, страстный охотникъ, цѣлыми днями пропадающій въ лѣсу въ поискахъ за дичью. Всѣ заботы его по хозяйству выражались въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, одѣвшись по казачьи и вооружившись „предлинными бичами“, „стегали бѣдныхъ крестьянъ и крестьянокъ, по чему ни попало“. Покидая усадьбу Сильвестра, Аристіонъ со своимъ наставникомъ Кассіаномъ обмѣниваются мнѣніями по поводу ея обитателей. Кассіанъ, имѣя въ виду самого помѣщика и его сына, говоритъ своему молодому другу: „Они оба показываютъ тебѣ, что значитъ дворянинъ безъ приличнаго образованія. Это дикій звѣрь, который готовъ терзать себѣ подобныхъ, если ихъ сильнѣе; помочь же имъ въ чемъ нибудь онъ и не умѣетъ и не хочетъ и есть истинное бремя на земномъ шарѣ, есть гнусный вередъ, заражающій все общественное тѣло, есть ядовитое животное, оскверняющее все, къ чему не прикоснется“. Если принять во вниманіе, что большинство провинціальныхъ дворянъ не только 20-хъ, но и 30-хъ и даже 40-хъ годовъ не получали приличнаго образованія, то слова Нарѣжнаго, какъ обращенныя къ большинству членовъ привилегированнаго сословія, нельзя не признать очень смѣлыми. Они же даютъ также основаніе и для антикрѣпостническаго вывода, такъ какъ эти „дикіе звѣри“, „гнус-

ные вереды“, „ядовитыя животныя“ были безконтрольными владыками своихъ крестьянъ. Еще болѣе отрицательныя впечатлѣнія выноситъ Аристіонъ съ Кассіаномъ отъ посѣщенія усадьбы пана Тараха, отвратительнаго скупца, если кому и уступающему въ пагубной страсти, то только своей женѣ. Крестьянамъ этой достойной пары живется очень тяжело; дочери ткача Марфушѣ, среди яицъ которой оказывается нѣсколько порченныхъ, угрожаетъ мучительное наказаніе: помѣщица собирается выщипать ей косы. Однако, какъ ни страшна крестьянамъ физическая расправа съ ними владѣльца, они страдаютъ не столько отъ нея, сколько отъ обременяющихъ ихъ прямо таки непосильныхъ поборовъ. „Не говоря о всѣхъ угнетеніяхъ, разсказываетъ одинъ изъ крѣпостныхъ Тараха, натяжкахъ, обидахъ всякаго рода, коими они придавили насъ къ землѣ, такъ что и людьми назваться не смѣемъ, они подъ конецъ изобрѣли хитрости, противъ которыхъ и самъ сатана не остережется“. Всѣ эти хитрости клонятся къ тому, чтобы выжать изъ крестьянъ побольше денегъ. Милостыня, поданная Аристіономъ одному изъ крестьянъ Тараха, трогаетъ его до слезъ. „Какъ легко, замѣчаетъ, видя это Аристіонъ, достаточному человѣку разливать вокругъ себя довольство и счастіе“. Кассіанъ заставляетъ его покраснѣть, напоминая о тѣхъ столичныхъ повѣсахъ, которые „на картахъ, на винахъ, на дѣвкахъ, въ одинъ вечеръ проматываютъ часто столько“ денегъ, что ими можно было бы на всю жизнь осчастливить цѣлыя сто семействъ.

Третьимъ по счету визитомъ Аристіона и его неизмѣннаго спутника является посѣщеніе пана Парамона. Это „безумецъ новаго рода“, который,

„на угощенія недостоѣныхъ пріятелей разстрачивая послѣднія крохи бѣдныхъ крестьянъ, конечно, за грѣхи предковъ подпавшихъ власти его, можетъ быть покоенъ, доволенъ, веселъ“. Обширная деревня его представляетъ одинѣ развалины, крестьянскія дѣтишки принуждены просить милостыню у прохожихъ; такая же участь угрожаетъ ихъ родителямъ. Если въ „Аристіонѣ“ Нарѣжный настойчиво и систематически рисуетъ дурныхъ помѣщиковъ, то въ одной изъ своихъ послѣдующихъ повѣстей („Марія“ 1823 г.) онъ касается не менѣе важнаго вопроса о томъ, къ какимъ тяжелымъ нравственнымъ коллизіямъ въ личной жизни приводитъ иногда крѣпостное право. Героиней этого произведенія является крѣпостная дѣвушка, дочь старика управителя, получившая, однако, воспитаніе вмѣстѣ съ графской дочерью, что и „погрузило ее въ бездну злополучія“. Марія имѣла несчастье полюбить молодого графа Асколона, товарища ея дѣтскихъ игръ. Когда о взаимной привязанности молодыхъ людей узнаетъ графиня-мать, женщина столь высокомѣрная, что рѣдко кого либо изъ подвластныхъ ей людей удостаивала ласковымъ взглядомъ, считая „ихъ за насѣкомыхъ, которыхъ могла душить и топтать по произволу“, гнѣвъ ея не имѣетъ границъ. Напрасно благоразумный аббатъ Бертольдъ убѣждаетъ ее, что Марія ничуть не хуже ни одной изъ ихъ знакомыхъ княженъ и графинь, она неумолима и требуетъ отъ графа, „чтобы эта ненавистная Марья сегодня же была обвѣнчена съ камердинеромъ Меркуромъ“, видя въ этомъ лучшее средство „вразумить безразсудныхъ и возстановить спокойствіе знаменитаго дома“.

Графъ, несмотря на свою гуманность не допускающій и мысли о женитьбѣ сына на крѣпостной,

избираетъ другое болѣе человѣчное рѣшеніе: онъ отправляетъ сына заграницу, а Марію вмѣстѣ съ матерью и отцомъ въ дальнее украинское имѣніе. Несчастная дѣвушка, не перенеся разлуки съ милымъ, сначала теряетъ разсудокъ, а потомъ умираетъ. Жизнь не переставшаго любить ее Аскалона совершенно разбита!

Таково серьезное общественное содержаніе этой сентиментальной повѣсти, которая, какъ справедливо замѣчаетъ біографъ Нарѣжнаго, г-жа Бѣлозерская, „во многихъ отношеніяхъ выше всего... въ этомъ родѣ изъ старыхъ романовъ и повѣстей“.

Антикрѣпостническая тенденція сказывается, правда, въ болѣе слабой степени и въ другихъ произведеніяхъ Нарѣжнаго („Богатый бѣднякъ“—1823 г., „Заморскій принцъ“—1824 г., ненапечатанный романъ „Гаркуша“).

Такимъ образомъ сочувственное и гуманное отношеніе къ низшей братіи никогда не измѣняло этому писателю, такъ несправедливо забытому современниками.

III.

Девятнадцатый вѣкъ: 30-ые годы.

Реакція, начавшаяся во вторую половину царствованія Александра I, продолжалась еще съ большей, пожалуй, интенсивностью въ теченіе всего тридцатилѣтняго правленія Николая I. Заподозрѣнное, подъ впечатлѣніемъ событій 14-го декабря, въ крамольныхъ замыслахъ, общество систематически отстранялось отъ всякаго рода не только активнаго, но даже и пассивнаго участія въ вопросахъ государственнаго строительства. Строжай-

шая опека надъ поступками, словами и даже помышленіями обывателей являлась лозунгомъ правительственныхъ сферъ. Литературу, единственную въ самодержавномъ государствѣ выразительницу общественнаго мнѣнія, терпѣли постольку, поскольку она витала въ области мечты и отвлеченности. Для обузданія ея въ 1826 г. былъ обнародованъ такъ называемый „чугунный“ уставъ цензуры, основываясь на которомъ, какъ справедливо замѣтилъ цензоръ Глинка, можно было и „Отче нашъ“ запретить...

Какъ же реагировало общество на происходившую оргію безудержной реакціи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего, приходится отмѣтить, что его умственные интересы, по сравненію съ 20-ми годами значительно измѣнили свое содержаніе. Въ 20-ые годы „тонъ задавали“ декабристы съ ихъ общественно-политическимъ устремленіемъ мыслей. Послѣ 14-го декабря, вырвавшаго изъ общественной среды ея наиболѣе либеральныхъ и активныхъ дѣятелей, увлеченіе политикой должно было ослабѣть; идеалы декабристовъ потускнѣли въ общественномъ сознаніи. За то ожилъ интересъ къ вопросамъ философскимъ и умозрительнымъ, которые и получили явное преобладаніе въ кружкахъ тогдашней интеллигенціи.

Сообразно съ этимъ мѣняетъ нѣсколько свой характеръ и художественная литература: гражданскіе мотивы въ ней уже не пользуются прежнимъ распространеніемъ. Несмотря на это было бы, однако, заблужденіемъ предполагать, что въ литературѣ 30-хъ гг. совершенно игнорировалась общественная жизнь и отсутствовала всякая либеральная тенденція. Этого, само собой, разумѣется, не могло произойти и потому, что декабризмъ пустилъ слишкомъ

глубокіе корни и не могъ безслѣдно исчезнуть изъ общественной психики, и потому, что романтизмъ, являвшійся въ это время господствующимъ литературнымъ направленіемъ, по самой природѣ своей, былъ враждебенъ всему, что стѣсняло свободу человѣческой личности. Вслѣдствіе этого, среди произведеній изящной словесности 30-хъ годовъ, встрѣчается не мало такихъ, въ которыхъ проводится и опредѣленно-отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изъ этихъ произведеній могли быть своевременно напечатаны.

Такъ, не появились въ печати очень цѣнныя своимъ негодующимъ отношеніемъ къ крѣпостному праву драмы Бѣлинскаго и Лермонтова. Прежде чѣмъ перейти, однако, къ ихъ разсмотрѣнію, отмѣтимъ, что, даже изъ числа лирическихъ поэтовъ 30-хъ годовъ, былъ одинъ — А. В. Кольцовъ,—который, не заикнувшись ни однимъ словомъ о крѣпостномъ правѣ, сумѣлъ въ такихъ привлекательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ реальныхъ краскахъ изобразить русское крестьянство, что антикрѣпостническій выводъ какъ то невольно напрашивается, по прочтеніи его произведеній.

Драма „Дмитрій Калининъ“—первая серьезная проба пера будущаго великаго критика—является по словамъ М. А. Протопопова, — произведеніемъ исключительнымъ; она „во всей русской литературѣ имѣла только одинъ прецедентъ, равный ей по силѣ и искренности чувствъ“—знаменитую книгу Радищева. Этою исключительностью „Дмитрій Калининъ“ безспорно обязанъ своей серьезной общественной подкладкѣ. Чтобы доказать это, достаточно припомнить фабулу драмы. Дворовый мальчикъ, Дмитрій Калининъ, воспитывается въ домѣ своего

барина Лѣсинскаго, который явно ему благоволитъ и даетъ хорошее образованіе. Враждуя съ притѣсняющими его женой и сыновьями Лѣсинскаго, Дмитрій сближается съ дочерью своего покровителя, Софьей. Молодые люди горячо любятъ другъ друга и предаются всѣмъ радостямъ любви. Внезапная смерть старика Лѣсинскаго, застающая Дмитрія въ Москвѣ, куда онъ временно отлучился, является первымъ ударомъ, разразившимся надъ головой влюбленныхъ. Сыновья Лѣсинскаго уничтожаютъ отпускную, данную ихъ отцомъ Дмитрію, и требуютъ, чтобы послѣдній возвратился изъ Москвы въ деревню и сталъ служить въ ихъ домѣ лакеемъ. Софьѣ угрожаетъ перспектива быть насильно выданной замужъ за безчестнаго и развратнаго кн. Кизяева. Во время бала, даваемаго Лѣсинскими въ честь этого послѣдняго, Калининъ, въ припадкѣ безудержнаго гнѣва и отчаянія, врывается въ залъ, во всеуслышаніе объявляетъ о своей любви къ Софьѣ и убиваетъ ея старшаго брата, осмѣлившагося назвать его рабомъ. Дмитрія заключаютъ въ тюрьму: однако, ему удается бѣжать изъ нея—онъ снова въ домѣ Лѣсинскихъ, гдѣ убиваетъ Софью, а потомъ и себя. Передъ смертью новый ударъ постигаетъ его: онъ узнаетъ, что Лѣсинскій—его отецъ, прижившій его съ одной замужнею крестьянкой, и что онъ, такимъ образомъ, кровосмѣситель, такъ какъ былъ близокъ своей сестрѣ.

Ознакомившись съ содержаніемъ драмы Бѣлинскаго, нельзя не сознаться, что антикрѣпостническая тенденція въ ней выступаетъ чрезвычайно ярко. Если бы Лѣсинскій не соблазнилъ своей крестьянки, родившей Дмитрія, если бы сыновья его не уничтожили обманнымъ образомъ отпуск-

ной, и Дмитрій остался бы свободнымъ человѣкомъ, столь трагическій исходъ отношеній героя къ Софьѣ не могъ бы имѣть мѣста. Слѣдовательно, вина падаетъ на тотъ общественный порядокъ, при которомъ крестьянская женщина ничѣмъ не гарантирована отъ покушеній сластолюбиваго барина, при которомъ грубые и жестокіе баричи могутъ распоряжаться, какъ вещью, своимъ сверстникомъ, неизмѣримо превосходящимъ ихъ по уму и развитію, только потому, что онъ ихъ „рабъ“. Порядокъ этотъ — крѣпостное право. Такой выводъ съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ самой фабулы драмы. Соотвѣтственно съ этимъ, въ ней имѣются мѣста, весьма недвусмысленно подчеркивающія принципіально отрицательное отношеніе автора къ крѣпостничеству. Въ особенности рѣзко этотъ мотивъ звучитъ въ монологахъ Дмитрія Калинина. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей — какъ они сами? Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скотъ, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ

своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..“

Громовыя проклятія Калинина противъ рабства оставались бы висѣть въ воздухѣ и производили бы сравнительное слабое впечатлѣніе, если бы Бѣлинскій въ своемъ произведеніи не далъ цѣлаго ряда жанровыхъ картинокъ, которыя рисуютъ горемычное житье-бытье закрѣпощеннаго народа.

При жизни старика Лѣсинскаго дворовымъ его людямъ и крестьянамъ жилось сравнительно недурно, но когда онъ умеръ, ихъ положеніе рѣзко измѣнилось къ худшему. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ старый слуга Иванъ: „Какъ только онъ (т. е. Лѣсинскій) скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину, ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ... Всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ грѣшнымъ у барыни“.

Отъ тяжелаго нрава барыни, прежде всего приходится страдать *дворнѣ*, этому „проклятому хамову отродью“, по выраженію Лѣсинской. У нея „всякая вина виновата“ и, дѣйствительно, она жестоко бьетъ по щекамъ горничную Лизу за то только, что та не успѣла доложить ей о пріѣздѣ гостьи. Мало того, Лѣсинская требуетъ отъ старика Ивана, дѣда Лизы, чтобы и онъ „отхлопалъ“ ее хорошенько. Честный старикъ категорически отказывается быть „палачомъ“ родной внучки. Тутъ ужъ Лѣсинская впадаетъ въ совершенное неистовство. Посылая бѣднягу на конюшню, она кричитъ: „Да развѣ хамы смѣютъ разбирать родство, когда имъ господа приказываютъ... Пожили бы вы у моего братца Филиппа Андреевича. Нѣтъ, ужъ у него не такъ бы заговорили! Онъ до полу-

смерти колотить вашего брата, да не смѣй рта разинуть, не смѣй слова пикнуть. Коли станетъ орать, али плакать, такъ вдвое велитъ пріударить. А то вишь какіе нѣженки, чуть мазнешь по рожѣ, такъ и расхнычутся, точно дворяне какіе". Не лучше живется и *крестьянамъ* Лѣсинской: она ихъ „била, какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробьи, отбирала деньги, холстъ; кто малость въ чемъ нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальнія вотчины". Прямо таки потрясающее впечатлѣніе производитъ исторія богатаго мужика Антипа, котораго эта жестокая помѣщица форменнымъ образомъ ограбила. Сынъ Антипа, пытавшійся было протестовать, внѣ очереди былъ сданъ въ солдаты, молодая жена парня умерла съ горя, а обездоленный старикъ отецъ съ горя спился и пошелъ по міру. Въ основѣ всѣхъ этихъ тираническихъ выходокъ Лѣсинской и ея сыновей лежитъ полная неспособность взглянуть на крѣпостныхъ съ человѣческой точки зрѣнія.

Такова эта незрѣлая въ художественномъ отношеніи, но цѣнная своею смѣлою соціальною тенденціею юношеская драма Бѣлинскаго. Она является однимъ изъ наиболѣе яркихъ антикрѣпостническихъ произведеній въ русской литературѣ и, безъ сомнѣнія, сыграла бы очень значительную роль въ дѣлѣ пробужденія русскаго общественнаго самосознанія, если бы была своевременно напечатана.

Послѣдствія пробы пера великаго критика общеизвѣстны. Несмотря на то, что „благонамѣренность" Бѣлинскаго въ ту пору его жизни не можетъ быть заподозрѣна, несмотря на то, что ника-

кихъ противоправительственныхъ замысловъ онъ не питалъ, а только по собственному признанію, „со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, въ картинѣ довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“, — представители цензуры, въ лицѣ университетскихъ профессоровъ, признали его произведеніе „безнравственнымъ, позорящимъ университетъ“, автору же пригрозили лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь на каторжныя работы. Вскорѣ послѣ этого Бѣлинскій былъ уволенъ изъ университета.

Однако, этотъ тяжелый ударъ не въ состояніи былъ поколебать антикрѣпостническую настроенность молодого писателя. Въ теченіе всей своей жизни, за исключеніемъ сравнительно короткой полосы „примиренія съ дѣйствительностью“, онъ оставался заклятымъ врагомъ крѣпостного права. Къ сожалѣнію, печатно развить свои взгляды на крестьянскій вопросъ Бѣлинскому, по цензурнымъ условіямъ, не удалось. За то онъ съ неизмѣннымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ появленіе первыхъ произведеній натуральной школы, въ которыхъ затрагивалось положеніе крестьянъ. Если антикрѣпостническое настроеніе Некрасова, Тургенева, Герцена и Григоровича интенсивно поощрялось Бѣлинскимъ, то съ неменьшей горячностью онъ обрушивался на тѣхъ писателей, которые являлись принципіальными защитниками крѣпостного права. Въ особенности возмутила Бѣлинскаго книга Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, въ которой великій юмористъ далъ волю своему крайнему консерватизму вообще, въ

вопросѣ же о крѣпостномъ правѣ въ частности. Не имѣя возможности въ своей критической статьѣ („Современникъ“ т. I 1847 г.) высказать и десятой доли своего негодованія, Бѣлинскій рѣшается написать Гоголю письмо. Въ немъ онъ характеризуетъ Россію, какъ безправную страну, „гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ — не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ... никакихъ гарантій для личности, чести и собственности“ и говоритъ, что уничтоженіе крѣпостного права и отмѣна тѣлеснаго наказанія являются самыми живыми современными вопросами. Гоголя, издавшаго книгу, въ которой онъ „во имя Христа и церкви учитъ варвара помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше“, Бѣлинскій возмущенно называетъ „проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія и панегиристомъ татарскихъ нравовъ“. Такимъ образомъ, и въ своемъ первомъ крупномъ произведеніи и въ своемъ завѣщаніи—такъ называетъ Герценъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю—великій критикъ съ неизмѣнною опредѣленностью протестовалъ противъ крѣпостничества.

Отъ юношеской драмы Бѣлинскаго намѣчается естественный переходъ къ юношескимъ же драмамъ Лермонтова. Въ первый изъ нихъ, „Menschen und Leidenschaften“, (1830) протестъ противъ крѣпостного права носитъ еще нѣсколько неопредѣленный характеръ, выражаясь только въ брошенныхъ мимоходомъ указаніяхъ на жестокость помѣщицы

Марѳы Ивановны Громовой, которая за разбитую вазу готова подвергнуть безчеловѣчной экзекуціи „окаяннаго Ваську повареика“, во второй, „Странный человѣкъ“ (1831) этотъ протестъ сказывается уже вполнѣ явственно. Особенно интересна въ разсматриваемомъ отношеніи V сцена драмы. Бесѣду героя пьесы Владиміра Арбенина и его друга Бѣлинскаго прерываетъ появленіе сѣдого мужика, который, повалившись въ ноги Бѣлинскому, заявляетъ, что онъ пришелъ къ нему, какъ къ доброму барину, по порученію своихъ односельчанъ, и умоляетъ его купить ихъ деревню. Оказывается, что помѣщица, которой принадлежитъ эта деревня, прямо-таки изверг ъ рода человѣческаго. Она не только сѣчетъ своихъ крестьянъ за всякую малость, а чаще вовсе безъ вины, но и подвергаетъ ихъ невѣроятнымъ по своей жестокости пыткамъ. „Разъ какъ-то барынѣ донесли, что дескать, Федька дурно про тебя говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... А Федька мужикъ былъ славный; вотъ она и приказала руки ему вывертать на станкѣ... А управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... Вотъ стали руки выкертывать. „Господинъ управитель, — сказалъ Федька:—что я тебѣ сдѣлалъ. Вѣдь ты меня погубишь“. „Вздоръ“,—сказалъ управитель... Да вывертывали, да ломали... Федька и сталъ безрукій. На печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденье“. Эта же помѣщица приказываетъ выщипывать у провинившихся крестьянъ бороду „волосокъ по волоску“, а горничныхъ собственноручно колетъ ножницами. Прослушавъ этотъ разсказъ, оба друга горячо возмущаются образомъ дѣйствій жестокой барыни. „Люди, люди! — восклицаетъ въ бѣшен-

ствѣ Владимірѣ,—проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство... все куплено кровавыми слезами... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила... О, мое отечество! мое отечество"! Бѣлинскій, съ своей стороны, заявляетъ: „Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, попасть въ руки палача".

Въ возмущенныхъ рѣчахъ Арбенина и Бѣлинскаго чувствуется не только негодованіе по поводу даннаго случая, но и довольно опредѣленное несочувствіе крѣпостному праву вообще.

Подобно Бѣлинскому, Лермонтовъ до конца дней остался вѣренъ своему отрицательному отношенію къ крѣпостничеству. Почти одновременно съ драмами онъ пишетъ историческую повѣсть „Вадимъ", сюжетъ которой взятъ изъ временъ Пугачевщины. Описанное въ ней возстаніе крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ поставлено въ связь съ деспотизмомъ и жестокостью этихъ послѣднихъ.

Въ поэмѣ „Сашка", начатой въ 1833 году, описанъ отецъ героя симбирскій дворянинъ Иванъ Ильичъ; это былъ „врагъ—писателей и книгъ", человѣкъ лишенный всякихъ умственныхъ интересовъ, съ головой ушедшій въ растительную жизнь. Онъ „спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ", часто пользовался въ отношеніи своихъ крестьянокъ „правомъ дворянина", „но дѣтей... раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится, страшась съ своей деревней породниться". Въ поэмѣ вкратцѣ упоминается объ одномъ изъ сластолюбивыхъ подвиговъ Ивана Ильича,—онъ соблазнилъ дочь буфетчика Маврушу. Когда же бѣдная дѣвушка всей душой полюбила его сына, то онъ распоря-

дился сослать ее въ „дальній хуторъ“, гдѣ ее ждутъ „страданія и мужъ съ лохматой бородою“.

Не измѣнило Лермонтову антикрѣпостническое настроеніе и въ послѣдній годъ его жизни, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго стихотворенія, написаннаго имъ передъ отъѣздомъ на Кавказъ:

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И, ты послушный имъ народъ.
Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Въ этомъ стихотвореніи нетрудно усмотрѣть отраженіе тѣхъ же политическихъ идеаловъ, которые пятнадцатью годами раньше увлекали декабристовъ. Въ самомъ дѣлѣ почему Россія кажется поэту „немытой“? Да потому, что она „страна рабовъ, страна господъ“, т. е. въ ней существуетъ крѣпостное право и еще потому, что въ ней полновластно царятъ „мундиры голубые“, „всевидящіе и всеслышащіе паши“, т. е. нѣтъ политической свободы. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, съ освобожденіемъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ правительственной опеки и введеніемъ народнаго представительства Россія пріумылась бы въ глазахъ Лермонтова. Но до этого ему дожить не пришлось...

Вопросъ, затронутый драмою Бѣлинскаго, о тяжеломъ положеніи крѣпостного интеллигента, интересовалъ также и нѣкоторыхъ представителей повѣствовательной литературы 30-хъ годовъ. Въ произведеніяхъ Павлова и Тимофеева этотъ вопросъ поставленъ въ связь съ модною въ тогдашней ро-

мантической литературѣ темою о противорѣчіи между героемъ—поэтомъ или артистомъ—и средой его окружающей. И у Павлова въ его „Именинахъ“ и у Тимофеева въ его “Художникѣ“ герои, богато одаренныя художественныя натуры, пылкіе энтузіасты искусства, по несчастью рождены въ крѣпостномъ состояніи, а потому и гибнутъ въ борьбѣ съ обществомъ провинціальныхъ Простаковыхъ и Скотининыхъ.

Въ особенности интересна въ этомъ отношеніи повѣсть Павлова (1835 г.). Герой ея, крѣпостной по происхожденію, съ дѣтства обнаруживаетъ любовь къ пѣнію. Его взяли въ барскій оркестръ, „готовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла своего питомца“, и онъ, въ концѣ концовъ, усовершенствовался въ любимомъ искусствѣ. Чѣмъ, однако, разительнѣе его успѣхи, тѣмъ тяжелѣе сознаніе своего неравенства съ окружающимъ обществомъ, для котораго онъ не болѣе, какъ играющая и поющая машина. Знакомство съ нѣкіимъ „фанатикомъ музыки“, образованнымъ и добрымъ человѣкомъ, который обходился съ нимъ, какъ съ другими, заводилъ разговоры, просилъ садиться, чего онъ не смѣлъ до сихъ поръ дѣлать въ присутствіи господъ,—нѣсколько скрашиваетъ жизнь крѣпостного пѣвца. Но вотъ наступаетъ для него „свое домашнее Ватерлоо“. Онъ попалъ на именинный обѣдъ въ одинъ помѣщичій домъ, приглашенный пѣть со внучкой хозяйки Александриной. Удивительно жизненно и художественно описаны душевныя муки героя, который, помня о своемъ крѣпостномъ происхожденіи, не смѣетъ подъѣхать къ крыльцу барскаго дома, не входитъ, а „прокрадывается“ черезъ

порогъ. Мучительнѣе всего ему дается обѣдъ: артиста посадили на унизительномъ краю стола и „по какой-то особенной смѣтливости слугъ, каждое блюдо подавали послѣднему“; во время же обѣда ему пришлось услыхать уязвившую его въ самое сердце похвальбу помѣщика, „обработавшаго славное дѣло“—онъ „продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей штуку“. Наконецъ, изъ за стола встали, и крѣпостной пѣвецъ получилъ возможность очаровать общество своимъ дивнымъ пѣніемъ. Его пригласили давать уроки Александринѣ. Начались совмѣстныя занятія молодыхъ людей. Сначала пѣвецъ твердо помнилъ о томъ „необъятномъ пространствѣ“, которое отдѣляетъ его „въ гражданскомъ быту“ отъ Александрины, но разгорѣвшаяся любовь къ прекрасной ученицѣ, явно благоволившей своему учителю, заглушила въ немъ сознаніе ихъ неравенства. Послѣ объясненія въ любви, сопровождавшагося со стороны Александрины пылкими клятвами въ вѣчной вѣрности, герой рѣшается открыть своей возлюбленной тайну своего происхожденія, При словѣ „крѣпостной“ Александрина падаетъ въ обморокъ, что непріятно поражаетъ героя. „Глубокое презрѣніе... охолодило мое сердце. Я сказалъ слово, но я былъ тотъ же“. Между тѣмъ судьба пѣвца рѣзко измѣняется къ худшему: баринъ проигралъ его въ карты завѣдомо жестокому помѣщику. Ураганъ различныхъ страстей начинаетъ, при этомъ извѣстіи, бушевать въ груди несчастнаго артиста. „Вся кровь вступила мнѣ въ голову; вѣчность страданій умѣстилась въ одну ночь. Какіе-то страшные образы летали передъ моими глазами... то казалось, что я вижу свадебный ужинъ, за которымъ сидитъ Александрина

съ женихомъ, а я стою у нихъ за стуломъ съ тарелкой, и женихъ приказываетъ мнѣ: „Петька, подай воды!“ То казалось... что я вижу моего бывшаго барина... за столомъ, на которомъ лежатъ кучи золота и карты... блѣднаго... растрепаннаго... Онъ держится за пятерку и кричитъ: „бейте, идетъ остальное, и Петрушка вашъ... я его ни за какія деньги не хотѣлъ отпускать на волю, но такъ и быть, бейте“... и пятерка падаетъ направо“... Не помня себя, артистъ проникаетъ ночью въ спальню своего бывшаго владѣльца съ бритвой въ рукахъ. Недостатокъ рѣшимости и случайное отсутствіе барина помѣшали ему сдѣлаться убійцей. На слѣдующій день пѣвецъ, переодѣвшись, бѣжитъ изъ родныхъ мѣстъ; рискъ его не пугаетъ, такъ какъ „Сибирь, голодъ, нерчинскіе рудники“—все лучше, чѣмъ унизительное рабство. Какъ безпаспортнаго, героя арестовываютъ и отдаютъ въ солдаты, чему онъ очень радъ: „я дышалъ свободно, я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть; я сдѣлался слугою не людей, но смерти“. Начавшаяся война съ Персіей дала ему возможность отличиться; въ битвахъ онъ проявляетъ выдающуюся храбрость: „мнѣ казалось, что каждый персіянинъ былъ моимъ бариномъ“. Съ Георгіемъ, дослужившись до офицерскаго чина, герой возвращается на родину, надѣясь на счастье съ Александриной. Послѣдняя, однако, успѣла, забывъ всѣ клятвы, преблагополучно выйти замужъ; супругъ ея убиваетъ на дуэли героя.

Антикрѣпостническая тенденція этой повѣсти внѣ всякихъ сомнѣній. Она чувствуется и въ страстныхъ ламентаціяхъ героя по поводу тѣхъ страданій, которыя выпадаютъ ему на долю благодаря его происхожденію, и въ безусловно сочув-

ственномъ взглядѣ на него автора, который сумѣлъ показать, какъ преломляется въ его психикѣ противорѣчіе между возвышенными стремленіями богато одаренной души и презрительнымъ отношеніемъ къ „рабу“ помѣщичьяго общества. Крѣпостническое правительство было по своему право, воздвигнувъ гоненіе на книгу Павлова.

Дальнѣйшая разработка темы „Именинъ“ содержится въ романѣ Ушакова „Киргизъ-Кайсакъ“, который даетъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ, возможенъ ли былъ бы бракъ между офицеромъ, бывшимъ крѣпостнымъ, и Александриной, если бы она не вышла замужъ, не дождавшись его возвращенія?

Кромѣ отмѣченныхъ попытокъ гуманизировать крѣпостного интеллигента, на основѣ романтическаго индивидуализма, склоннаго къ изображенію исключительныхъ натуръ, мы встрѣчаемся въ литературѣ 30-хъ годовъ съ нѣсколькими произведеніями, рисующими собственно крестьянскій бытъ. Вѣдь интересъ къ простому народу, наравнѣ съ индивидуализмомъ, является одною изъ характернѣйшихъ особенностей романтическаго направленія, столь присущаго разсматриваемой эпохѣ. Въ произведеніяхъ этого рода крѣпостное право въ огромномъ большинствѣ случаевъ почти не затрагивается, какъ не затронулъ его Гоголь въ своихъ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“. За то во многихъ изъ нихъ проглядываетъ искреннее народолюбіе, сказывающееся и въ любовномъ изображеніи крестьянскихъ типовъ и въ непосредственныхъ обращеніяхъ къ добрымъ чувствамъ читателя. Интересенъ въ этомъ отношеніи разсказъ Н. Полевого „Мѣшокъ съ золотомъ“ изъ сборника „Мечты и Жизнь“. Авторъ съ грустью констатируетъ, что

„мы плохо знаемъ русскія деревни“, такъ какъ или вовсе не живемъ въ нихъ, или живемъ по помѣщичьи, проводя время въ господскомъ домѣ и на псарнѣ. „Иногда помѣщикъ захочетъ показать вамъ деревенскую простоту: приказчикъ *сгонитъ* на барскій дворъ мужиковъ и бабъ, господинъ дастъ имъ поцѣловать ручку, велитъ пѣть, плясать, кланяться, и дозволяетъ напиться до пьяна“. Не такъ надо знакомиться съ подлинной деревней: не въ господскій дворъ надо идти, а подальше въ лѣсъ, въ поле: „тамъ русская деревня; идите въ ту деревню, вокругъ которой нетронутые ни исправникомъ, ни помѣщикомъ стоятъ огромные стоги сѣна“... Въ такой глуши только и можно найти настоящаго русскаго крестьянина, познакомиться съ которымъ очень и очень стоитъ: „не бойтесь грубаго балахона и зипуна крестьянскаго; подъ нимъ часто бьется сердце золотое, доброе, горячее“. Въ подтвержденіе описывается довольно просто и трогательно преданная любовь крестьянскаго парня Ванюши къ старостиной дочкѣ Грунѣ. Бѣдность Ванюшинаго отца препятствовала браку молодыхъ людей, но парню, отправившемуся въ Москву промышлять тамъ извозомъ, посчастливилось найти мѣшокъ съ деньгами. Честный Ванюша представилъ находку въ полицію; выданныхъ ему въ награду 2 тыс. руб. оказалось съ избыткомъ достаточно, чтобы составить его счастье.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ авторы романтическихъ повѣстей изъ народнаго быта изображали его въ связи съ крѣпостнымъ правомъ. Такъ, М. Погодинъ, въ разсказѣ „Нищій“, повѣдалъ грустную исторію несчастной любви одной крестьянской пары. Въ день свадьбы, въ село впе-

запно пріѣзжаетъ баринъ; красивая невѣста возбуждаетъ его сластолюбіе, и онъ дѣлаетъ ее своей наложницей. Жениха, покусившагося на убійство развратника, отдаютъ въ солдаты.

Свободолюбивый романтизмъ въ такой мѣрѣ былъ враждебенъ всякому угнетенію, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда воспроизводилъ „дѣла давно минувшихъ дней“, съ негодованіемъ отмѣчалъ факты жестокаго обращенія владѣльцевъ со своими крѣпостными. Особенно интересны въ указанномъ отношеніи повѣсти Бестужева-Марлинскаго. Принципіально отрицательное отношеніе этого писателя къ крѣпостному праву засвидѣтельствовано и его участіемъ въ декабрьскомъ движеніи и особенно его письмомъ къ Николаю I, писаннымъ уже въ крѣпости и яркими чертами рисующимъ печальное внутреннее состояніе Россіи, въ частности невыносимо тяжелое положеніе закрѣпощеннаго народа. Не измѣнилъ себѣ Марлинскій и въ своихъ художественныхъ твореніяхъ. Избѣгая касаться крестьянскаго вопроса въ повѣстяхъ изъ современнаго быта, если не считать повѣсти „Испытаніе“, герой которой молодой, свѣтскій офицеръ бросаетъ блестяще начатую карьеру и обнаруживаетъ готовность разорвать отношенія съ горячолюбимой женщиной, ради того только, чтобы уединившись въ деревнѣ, улучшить участь своихъ крестьянъ, „которые, какъ большая часть господскихъ, достались ему полуразоренными“,—Марлинскій постоянно рисуетъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ прошлаго времени. Такъ въ разсказѣ „Латникъ“ онъ изобразилъ вельможу XVIII вѣка, кн. Х-скаго, чудовищнаго злодѣя, варварски замучившаго свою дочь и ея возлюбленнаго, обращавшагося со своими слугами такъ, что половина

ихъ „разбѣжалась отъ его жестокости, не знающей границъ“, предъ которымъ Кириллъ Петровичъ Троекуровъ („Дубровскій“) — невинное дитя. Въ разсказѣ „Замокъ Эйзенъ“ выведены ливонскіе помѣщики-рыцари, ради забавы растрѣливающіе мирныхъ поселянъ и срубающіе имъ головы. Подобныя же картины мы находимъ въ „Ревельскомъ Турнирѣ“ и „Замкѣ Венденъ“. Въ разсказѣ „Наѣзды“ рисуется горемычная жизнь польскаго крестьянина, о которой одинъ изъ мѣстныхъ шляхтичей разсказываетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Здѣсь хлопа и человѣкомъ не считаютъ; его же грабятъ, да его же и въ грязь топчутъ. Я знаю нѣкоторыхъ пановъ, которые отдаютъ выкармливать своихъ щенковъ кормилицамъ, отымая у нихъ грудныхъ младенцевъ... право, сердце поворачивается, когда посмотришь, бывало, что дѣлаютъ паны со своими холопами“.

На границѣ господствовавшаго въ 30-хъ годахъ романтизма и нарождавшагося новаго литературнаго направленія—реализма стоитъ длиннѣйшій романъ Бѣгичева „Семейство Холмскихъ“, отличающійся чисто романтической фабулой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обиліемъ вполнѣ реалистическихъ бытовыхъ картинъ. Д. Н. Бѣгичевъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ друзей Грибоѣдова. Можно думать, поэтому, что ихъ политическое міросозерцаніе было въ общихъ чертахъ сходно. Во всякомъ случаѣ, Бѣгичевъ въ своемъ романѣ, гдѣ, кстати сказать, фигурируютъ однофамильцы героевъ „Горя отъ ума“, отнесся къ крѣпостному праву совершенно по-грибоѣдовски. Онъ съ такою настойчивостью возвращается къ изображенію и разорительнаго для крестьянъ хозяйничанья владѣльцевъ и многочисленныхъ фактовъ помѣщичьяго тиранства, что

едва-ли можно сомнѣваться въ его отрицательномъ отношеніи къ порядку, дѣлавшему эти явленія не только возможными, но даже, какъ бы естественными. Но не отъ однихъ помѣщиковъ страдаютъ крестьяне, по роману Бѣгичева: ихъ грабятъ и притѣсняютъ корыстные чиновники— эти „ожесточенные враги крестьянъ“, эти „хищные лезгинцы“. Нерѣдко и блестящій гусарскій офицеръ, командиръ квартирующаго въ деревнѣ эскадрона, возымѣвъ желаніе поживиться крестьянскими деньгами, пріобщается къ лику „хищныхъ лезгинцевъ“; ничто и никто ему въ этомъ случаѣ не помѣшаетъ. Крестьяне, говоритъ картина, нарисованная Бѣгичевымъ, это какіе-то паріи въ родной странѣ, созданные исключительно для того, чтобы доставлять доходы благороднымъ представителямъ привиллегированныхъ сословій и власти предержащей. А между тѣмъ, они такіе же люди, съ такими же страстями и стремленіями, съ такими же радостями и горестями, и „разсудокъ и сердце наше говорятъ, что и бѣдняку Ванькѣ, и богачу Ивану... рѣшительно всѣмъ, отъ Царя до пастуха, дано, по благости Провидѣнія, одинакое право на счастье“. Оцѣнивая „Семейство Холмскихъ“, необходимо помнить, что соціальная тенденція этого романа обнаруживается только при внимательномъ чтеніи, такъ какъ сцены съ яркимъ антикрѣпостническимъ содержаніемъ легко теряются въ массѣ скучныхъ, утомительныхъ и ультра-романтическихъ подробностей о жизни, чувствахъ и настроеніяхъ далеко не всегда естественныхъ главныхъ героевъ.

Въ 30 ые же годы, подъ перомъ геніальнаго Пушкина, возникла, наконецъ, высоко-художественная реалистическая повѣсть, составлявшая

славу и гордость русской литературы до конца XIX столѣтія. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ декабристскіе взгляды на крестьянскій вопросъ всецѣло еще владѣли Пушкинымъ. Соотвѣтственно съ этимъ, Пушкинъ въ цѣломъ рядѣ своихъ повѣствовательныхъ сочиненій или рисуетъ типы гуманныхъ помѣщиковъ, (Бѣлкинъ, Владиміръ въ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ“) какъ примѣръ, достойный подражанія, или обличаетъ дурныхъ („Отрывки изъ романа“). Только въ такомъ видѣ антикрѣпостническая тенденція могла проникнуть сквозь цензурные фильтры. Однако, въ „Исторіи села Горюхина“, относящейся къ 1830 году, но появившейся въ печати въ 1837 г., Пушкинъ рѣшился отъ частныхъ случаевъ перейти къ обобщенію.

Въ роли автора этого замѣчательнаго произведенія великій поэтъ заставляетъ фигурировать того же И. П. Бѣлкина, но сквозь наивную Бѣлкинскую мысль, сквозь напыщенную манеру выражаться и витіеватый языкъ этого писателя-дилетанта изъ числа „временъ новѣйшихъ Митрофановъ“ проглядываетъ рѣзко отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву, являющееся одной изъ основъ политическаго міросозерцанія самого Пушкина. Тенденціозный замыселъ автора вскрываетъ уже самое названіе произведенія „Исторія села Горюхина“, только въ прошломъ году установленное по пушкинской рукописи С. А. Венгеровымъ и замѣнившее въ теченіе семидесяти лѣтъ употреблявшееся безцвѣтное и маловыразительное — „Исторія села Горохина“. „Горюхино“ же имѣетъ свои корни въ прошломъ—вспомнимъ деревню „Разоренную“ Новиковскаго „Живописца“, имѣетъ также и свои побѣги въ будущемъ—до-

статочно назвать Некрасовскія деревни Заплатово, Знобишино, Горѣлово, Неѣлово, и т. д. А „Горюхино“ оно потому, что слишкомъ уже горько и тяжело жилось его закрѣпощенному населенію, несмотря „на тучныя нивы“, „благодарственный климатъ“ и обиліе плодовъ земныхъ. Почему это такъ, Пушкинъ предоставляетъ отвѣтить самому читателю, описывая времена, какъ процвѣтанія, такъ и разоренія Горюхинскаго. Оказывается, что Горюхинцы благоденствовали въ ту баснословную эпоху, когда ихъ помѣщики, „владѣя многими вотчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну“. Горюхино платило имъ „малую дань“: „приказчиковъ не существовало; старосты никого не обижали“, такъ какъ не назначались господами, а избирались народомъ „на вѣчѣ, мірскою сходкою называемомъ“. Но „золотой вѣкъ“ продолжался не долго. Въ одинъ прекрасный день въ Горюхино явился приказчикъ съ неограниченными полномочіями, который съ мѣста въ карьеръ заявилъ Горюхинцамъ, что онъ выбьетъ дурь изъ ихъ головъ. И дѣйствительно принялся выбивать. Въ основу его управленія была положена особая „политическая система“, которая разорила горюхинцевъ въ конецъ: „главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего старался онъ о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели“. Взыскиванье недоимокъ со всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ, отдача въ батраки бѣдныхъ, собираніе оброка въ теченіе всего года, рекрутчина, уничтоженіе мірскихъ сходокъ оказались въ его рукахъ вполнѣ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли, и вскорѣ Горю-

хино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая въ батракахъ, ребятишки пошли по міру.

Чтобы упрочить свою „систему“ и усилить свой авторитетъ, приказчикъ прибѣгалъ къ самымъ жестокимъ наказаніямъ вплоть до заковыванія виновныхъ въ кандалы.

Такъ складывалась жизнь Горюхинцевъ въ періодъ прикащичьяго управленія. Затѣмъ, повидимому, наступило владычество самихъ господъ, пріѣхавшихъ въ родовое имѣніе. „Исторія“ осталась неоконченной, а потому эта эпоха, отнесенная Пушкинымъ ко „временамъ историческимъ“, не изображена вовсе. Однако, можно думать, что Горюхинцы по прежнему оправдывали свое прозваніе. Въ спискахъ источниковъ, прилагаемыхъ Бѣлкинымъ къ его труду, значится собраніе старинныхъ календарей дѣдушки автора, Андрея Степановича, изъ котораго видно, что битье крѣпостныхъ было настолько же обычнымъ явленіемъ, какъ дождь или снѣгъ. „Лѣтопись сія, читаемъ въ „Исторіи“... отличается ясностію и краткостью слога: напримѣръ, 4 мая снѣгъ, Тришка за грубость битъ. 6—корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8—погода ясная. 9—дождь и снѣгъ. Тришка битъ по погодѣ. 10—Тришка за пьянство битъ и тому подобное безо всякихъ размышленій“. Это битье „по погодѣ“, битье „безо всякихъ размышленій“—безподобныя выраженія, являющіяся, несмотря на свой лаконизмъ, историческими документами значительной важности. Они обличаютъ нравственную несостоятельность крѣпостничества, гораздо лучше, чѣмъ страницы широковѣщательныхъ разсужденій общаго характера.

Исторія житья-бытья злополучныхъ Горюхинцевъ даетъ основаніе для очень опредѣленнаго антикрѣпостническаго вывода, такъ какъ Пушкинъ, устами И. П. Бѣлкина, совершенно категорически утверждаетъ, что, пока крестьяне были предоставлены самимъ себѣ, т. е. управлялись выборными старостами, ограничивая свои отношенія къ помѣщику уплатой небольшого оброка, они благоденствовали, когда же имъ на шею сначала посадили приказчиковъ, а затѣмъ управленіе имѣніемъ перешло непосредственно въ руки помѣщиковъ, то Горюхино пришло въ состояніе полнаго упадка. Болѣе или менѣе вѣроятно, что въ своихъ описаніяхъ Горюхинскаго быта Пушкинъ руководился и личными воспоминаніями и непосредственными наблюденіями. Не забудемъ, что онъ писалъ „Исторію“ въ Болдинѣ, разоренномъ имѣніи своего отца, извѣстнаго сибаритскими привычками и неумѣніемъ вести хозяйство. Весьма возможно, что именно эта деревня и послужила Пушкину натурой. Однако, какъ „истый геніальный художникъ — справедливо замѣчаетъ г. Искозъ — Пушкинъ никогда не довольствовался изображеніемъ данной конкретной картины,—онъ всегда въ малой каплѣ ищетъ отраженія всего солнца, въ данномъ конкретномъ образѣ чертъ, характерныхъ для цѣлой исторической полосы, для цѣлаго класса, или націи. У него всегда типы, символы, поражающіе своей обобщающей силой. Вотъ почему онъ и здѣсь поднимается надъ бытомъ и, черпая изъ него матеріалъ, творитъ картину, въ которую укладывается вся деревенская Россія Николаевской эпохи, создаетъ великій символъ, подъ который можно подвести любой уголокъ закрѣпощенной родины... „Исторія“, такимъ образомъ, должна была бы прозвучать

неслыханнымъ укоромъ вѣковымъ устоямъ русской жизни, грознымъ осужденіемъ всему ея укладу". Становясь на такую точку зрѣнія, нельзя не признать, что именно въ этомъ произведеніи антикрѣпостническая тенденція въ творчествѣ Пушкина достигла высшей силы и напряженія; въ послѣдующихъ же твореніяхъ великаго поэта она явно идетъ на убыль. Въ „Дубровскомъ" Пушкинъ только мимоходомъ задѣваетъ крѣпостничество, упомянувъ, что Троекуровъ былъ не только жестокій помѣщикъ, но и неукротимый сластолюбецъ, насиловавшій чуть ли не всѣхъ крестьянскихъ дѣвушекъ и имѣвшій форменный гаремъ изъ 16-ти „молодыхъ затворницъ"; что же касается „Капитанской дочки", крупнѣйшей и безусловно наилучшей повѣсти Пушкина, то она совершенно лишена соціальной подкладки.

Это обстоятельство находится въ связи съ тѣмъ, что въ тридцатые годы совершилась замѣтная эволюція въ политическихъ взглядахъ Пушкина. Въ частности, онъ нѣсколько измѣнилъ свое отношеніе къ крестьянскому вопросу. Такъ, въ своихъ прозаическхъ статьяхъ „Мысли на дорогѣ" и особенно „Александръ Радищевъ" онъ пытается смягчить мрачный колоритъ обличеній автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" и высказывается въ томъ смыслѣ, что особенно торопиться съ освобожденіемъ крестьянъ нѣтъ надобности и всю надежду слѣдуетъ возложить на улучшеніе нравовъ. Впрочемъ, эти статьи, написанныя со спеціальной цѣлью перехитрить цензуру, только отчасти могутъ служить отраженіемъ истинныхъ взглядовъ Пушкина. Во всякомъ случаѣ, поэтъ, гордившійся тѣмъ, что „вслѣдъ Радищеву возславилъ онъ свободу", крѣпостникомъ никогда не былъ.

IV.

Наканунѣ воли: 40-ые и 50-ые годы.

Сороковые, а тѣмъ болѣе пятидесятые годы рѣзко отличаются отъ 30-хъ. Прежде всего, въ эту эпоху, по крайней мѣрѣ, въ области крестьянскаго вопроса, значительно перемѣнился курсъ правительственной политики. Періодъ 1841 — 1846 гг. былъ временемъ наибольшаго интереса Николая I къ судьбѣ земледѣльческаго населенія страны; какъ разъ къ этимъ именно годамъ относится наиболѣе интенсивная дѣятельность „секретныхъ комитетовъ“, обсуждавшихъ положеніе крѣпостныхъ; въ это же время былъ изданъ рядъ указовъ, смягчавшихъ участь владѣльческихъ крестьянъ. Въ 1847 году Николай I даже принципіально осудилъ крѣпостное право, заявивъ депутаціи смоленскаго дворянства: „я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу объяснить это иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ съ другой“. Вспышка дикой и безудержной реакціи въ 1848-омъ и послѣдующіе годы могла временно задержать поступательное движеніе нашей родины, но отнюдь не остановить его. Севастопольскій разгромъ, доказавшій по словамъ Валуева, что въ Россіи „сверху блескъ, внизу гниль“, сдѣлалъ осуществленіе реформъ, вообще, а въ частности освобожденіе крестьянъ,—насущно-необходимыми, и въ 1857 году былъ опубликованъ знаменитый рескриптъ генералъ-губернатору Назимову, положившій начало величайшему преобразованію XIX вѣка.

Параллельно съ эволюціей правительственныхъ настроеній, хотя и независимо отъ нея, со-

вершилась эволюція общественнаго самосознанія, Въ началѣ 40-хъ гг, состоялось сліяніе кружковъ Станкевича и Герцена—очень важный моментъ въ исторіи русской общественной мысли: „въ гегеліанскія формы философіи кружка Станкевича было вложено соціальное и даже соціалистическое содержаніе, исповѣдывавшееся кружкомъ Герцена: „умозрѣніе“ и „политика“ соединились воедино и соединили былыхъ враговъ въ одну идейную группу“ (Ивановъ-Разумникъ). Эта группа и является ядромъ западническаго направленія. Соперничавшее съ послѣднимъ славянофильство также вполнѣ конструировалось въ разсматриваемое время. Не останавливаясь на выясненіи идейныхъ разногласій между западничествомъ и славянофильствомъ, отмѣтимъ, что обѣ партіи съ одинаковою ненавистью относились къ крѣпостному праву. Конечно, западникамъ удалось пріобрѣсти несравненно бо́льшее вліяніе на общество, а потому ихъ антикрѣпостническая проповѣдь сыграла болѣе выдающуюся роль, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнна и заслуга славянофиловъ, лучшіе изъ которыхъ, подобно П. Кирѣевскому, полагали, что крѣпостное право—это „глубокая и страшная язва нашего государственнаго и общественнаго быта“. Такимъ образомъ, борьба съ крѣпостничествомъ дѣлается лозунгомъ даннаго историческаго момента; двѣ наиболѣе вліятельныхъ партіи объединились въ требованіи эмансипаціи. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что въ 40-ые и 50-ые годы антикрѣпостническая литература и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи достигла наибольшаго развитія. Изучать ее столь подробно, какъ это мы дѣлали въ отношеніи полузабытой литературы XVIII вѣка и малоизслѣдованной въ

нѣкоторыхъ своихъ частяхъ литературы первыхъ четырехъ десятилѣтій XIX вѣка, уже нѣтъ никакой надобности, во первыхъ, въ виду ея общеизвѣстности — кто же не читалъ стиховъ Некрасова и „Записокъ Охотника“ Тургенева,—во вторыхъ, въ виду того, что она неоднократно уже разсматривалась именно съ интересующей насъ стороны. Тѣмъ не менѣе, вкратцѣ остановиться на наиболѣе художественныхъ и получившихъ наибольшее значеніе въ смыслѣ непосредственнаго вліянія на общество произведеніяхъ — является совершенно необходимымъ.

Авторовъ произведеній съ антикрѣпостнической тенденціей средины XIX вѣка, кромѣ выдающагося художественнаго дарованія и принадлежности къ „натуральной“ школѣ, объединяютъ прекрасное знаніе крѣпостного быта и горячее народолюбіе. Дѣтскіе годы и Некрасова, и Тургенева, и Герцена прошли въ крѣпостнической атмосферѣ помѣщичьихъ усадебъ; каждому изъ этихъ писателей съ ранняго возраста приходилось присутствовать въ качествѣ безмолвныхъ свидѣтелей при возмутительныхъ проявленіяхъ барскаго произвола и распущенности. Некрасовъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Родина“),—съ горечью признается, что онъ выросъ „среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства“, среди роя „подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ“... Какія впечатлѣнія давала жизнь въ такой обстановкѣ—ясно само собой.

О Тургеневѣ извѣстно, что безсердечность въ отношеніи „меньшого брата“ была настоящею семейной традиціей въ его родѣ. Дѣда своего, захватывавшаго однодворческія земли и сѣкшаго протестантовъ передъ окнами своего

жилища, онъ описалъ въ „Однодворцѣ Овсянниковѣ“; бабка писателя собственноручно и самымъ варварскимъ образомъ задушила прислуживавшаго ей казачка за какой то мелкій недосмотръ. Жестокость же матери Тургенева подтверждается и воспоминаніями современниковъ и художественными свидѣтельствами ея сына; вѣдь, бабушка въ „Пунинѣ и Бабуринѣ“, барыня въ „Муму“—эти снимки съ Варвары Петровны Тургеневой-Лутовиновой.

Герценъ находился сравнительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: ни отецъ его, ни дядя сенаторъ не отличались особенной жестокостью и почти не прибѣгали къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Тѣмъ не менѣе мальчику приходилось нерѣдко наблюдать тяжелыя сцены въ родѣ отдачи крѣпостныхъ въ рекруты; однажды онъ видѣлъ, какъ шестидесятилѣтній старикъ, у котораго по приказанію барина, должны были обрить бороду, плакалъ навзрыдъ и валялся въ ногахъ, умоляя избавить его отъ безчестія. На глазахъ маленькаго Герцена спился крѣпостной поваръ, котораго господа не пожелали отпустить на волю, и покончилъ самоубійствомъ молодой врачъ изъ крѣпостныхъ.

Всѣ эти біографическія данныя объясняютъ удивительную вѣрность жизненной правдѣ тѣхъ картинъ горемычнаго житья закрѣпощеннаго народа, которыя въ изобиліи разсыпаны въ произведеніяхъ разсматриваемыхъ писателей.

Врожденная гуманность, а также наличность нѣкоторыхъ благопріятныхъ вліяній въ дѣтствѣ, помогаютъ открыть источникъ горячаго народолюбія, составляющаго основную стихію литературной дѣятельности Некрасова, Тургенева и Герцена. На Некрасова благотворно вліяла его мать,

которая хотя и „не могла голодному дать хлѣба“, и „не могла свободы дать рабу“, но въ мелочахъ стремилась облегчать ихъ участь; неудивительно, что она воспитала въ душѣ своего сына любовь къ родному народу и ненависть къ соціальному строю, основанному на его рабствѣ и угнетеніи.

„И если я, *признается поэтъ*, наполнилъ жизнь
борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Тургеневу также приходилось слышать въ дѣтствѣ негодующую критику крѣпостныхъ порядковъ. Въ біографическомъ разсказѣ „Пунинъ и Бабуринъ“ смѣлый демократъ-разночинецъ Бабуринъ, изгоняемый за свою попытку заступиться за невинно наказываемаго парня, говоритъ молодому барченку: „Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда вырастите, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости“... Въ сердце Герцена „непреодолимая ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу“ была вложена его няней, Вѣрой Артамоновной, которая, желая чувствительнѣе наказать мальчика за какую нибудь шалость, говаривала: „Дайте срокъ, выростете, такой же баринъ будете, какъ другіе!“ Это „ужасно оскорбляло“ маленькаго Герцена.

Вотъ почва, на которой упрочилось настроеніе, заставившее всѣхъ трехъ писателей дать „аннибаловскую“ клятву посвятить себя служенію родному народу. Встрѣча съ бурлакомъ (стих. «На Волгѣ“) производитъ потрясающее впечатлѣніе на

юнаго Некрасова. Въ первый разъ онъ назвалъ родную рѣку „рѣкою рабства и тоски“.

Что я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей дѣтей,
Какія *клятвы* я давалъ—
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто нибудь не осмѣялъ!

Тургеневъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду самого себя, когда разсказывалъ, что маленькій барченокъ, въ отвѣтъ на обращеніе Бабурина, сквозь слезы, обильно струившіяся по носу, по губамъ, по подбородку, „пролепеталъ, что буду... буду помнить, что обѣщаюсь... сдѣлаю... непремѣнно... непремѣнно“. Съ годами, по мѣрѣ того какъ крѣпла и развивалась мысль, изъ неясныхъ дѣтскихъ порывовъ складывалось опредѣленное міросозерцаніе: уѣзжая въ 1847 году за границу, Тургеневъ мотивируетъ свой отъѣздъ такими соображеніями: „мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы отъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва“.

Юные друзья, Герценъ и Огаревъ, увлеченные романтизмомъ декабрьскаго движенія и свободолюбивою музою Шиллера, во время прогулки на Воробьевыхъ горахъ, „обнявшись, *присягнули*, въ виду всей Москвы, пожертвовать нашею жизнью на избранную нами борьбу“.

Въ какой же мѣрѣ удалось каждому изъ этихъ писателей выполнить свою клятву въ той части

ея, которая непосредственно относилась къ крѣпостному праву? Начнемъ съ лирической по преимуществу, поэзіи [1]) Некрасова.

Свое поэтическое profession de foi Некрасовъ формулировалъ въ стих. „Муза“ (1851 г.), изобразивъ свою музу въ образѣ „печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ“.

Такимъ образомъ, поэтъ признаетъ себя пѣвцомъ угнетенной и забытой низшей братіи, тѣхъ обездоленныхъ людей...

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ, безъ свѣчи.
(„Ночь“ 1858 г.).

Такой взглядъ на свое призваніе, такое любовное отношеніе къ родному народу вдохновили Некрасова не только создать рядъ яркихъ картинъ народнаго страданія, не только подмѣтить не мало отрицательныхъ чертъ крѣпостного строя, но и отчасти гуманизировать родное крестьянство, нарисовавъ нѣсколько высокихъ и свѣтлыхъ образовъ простыхъ людей.

Необыкновенно широкую по своему захвату картину народнаго горя представляетъ собой знаменитое стихотвореніе „Размышленія у Параднаго подъѣзда“ (1858 г.), въ которомъ поэтъ отказывается вѣрить, что въ „родной землѣ“ есть такая

[1]) Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ будемъ имѣть въ виду стихотворенія, написанныя до 1861 г.

обитель „гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ“. Въ „Запискахъ гр. Гаранскаго“ (1853 г.) вопросъ нѣсколько конкретизируется. Наивный авторъ „записокъ“ возмущается чрезмѣрнымъ трудолюбіемъ русскихъ мужиковъ, ихъ дѣтей и даже беременныхъ бабъ, проводящихъ на полевыхъ работахъ „чуть не по суткамъ цѣлымъ“. Эту всегдашнюю охоту къ труду графъ объясняетъ избыткомъ земель и лѣсовъ, и находитъ, что „...должно-бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ, что изнурительно излишество въ работѣ“. Роль такихъ вразумителей, какъ кажется Гаронскому, исполняютъ „особенныя фигуры въ нѣмецкихъ сюртукахъ“ и съ нагайками. Кромѣ того, не нравится графу и то:

„Что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочетъ каждому негодный ихъ языкъ:
Помѣщикъ—лиходѣй! а если управитель,
То вѣрно живодеръ, отъявленный грабитель!

Въ стих. „Родина“ (1846), восхитившемъ Бѣлинскаго, картина еще болѣе конкретизируется. Рѣчь идетъ, какъ уже было сказано, о крѣпостнической атмосферѣ одного только помѣщичьяго дома, какъ разъ того, въ которомъ пришлось провести дѣтство нашему поэту, дома...

„Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ и жилъ“...

Отъ общихъ картинъ народнаго горя поэтъ переходитъ къ указанію на отдѣльныя темныя стороны крѣпостного права. Не укрылись отъ его вни-

мательнаго взора ни притѣсненія бурмистровъ, ни вмѣшательство управителей въ интимную жизнь крѣпостныхъ, („Забытая деревня“—1856 г.) ни злоупотребленія помѣщиковъ тѣлесными наказаніями, приводящими нерѣдко наиболѣе чуткихъ крестьянъ къ самоубійству („Нравственный человѣкъ“—1847 г.), ни горькая доля крѣпостныхъ интеллигентовъ, обращенныхъ по барской прихоти въ прежнее состояніе („Въ дорогѣ“—1846 г.). Поэтъ понялъ также основную причину всѣхъ этихъ явленій—безправіе крестьянства, которое является для „владѣльца роскошныхъ палатъ“ не болѣе, какъ „оборванной черньо“. Въ этомъ случаѣ (стих. „Размышленія у парадnаго подъѣзда“) передъ нами широкое обобщеніе, такъ какъ подъ владѣльцемъ роскошныхъ палатъ можно подразумѣвать все привилегированное сословіе. Тяжелое впечатлѣніе отъ невеселыхъ картинъ народноії жизни увеличивается еще тамъ и сямъ мелькающими въ творчествѣ Некрасова отрицательными образами помѣщиковъ-крѣпостниковъ. Отъ нихъ же первый — отецъ поэта, этотъ „угрюмый невѣжда“, чванный и развратный баринъ. У людей такого пошиба никакихъ умственныхъ интересовъ нѣтъ; псовая охота въ сообществѣ щегольски одѣтыхъ псарей, у которыхъ, однако „съ толокна животы подвело“, псовая охота, во время которой вытаптываются крестьянскія поля, растерзываются крестьянскія овцы разъяренными собаками, а пытающіеся протестовать пастухи вразумляются господскимъ арапникомъ,—ихъ любимое занятіе („Псовая охота“—1846 г.). Во время отлучки барина на охоту его домочадцы только и наслаждаются покоемъ. Однако часы отдыха пролетаютъ быстро и незамѣтно. Помѣщикъ возвращается домоії и празднуетъ свои

успѣхи въ войнѣ съ зайцами безшабашной попойкой, переходящей въ оргію. („Несчастные“ 1856г.) Развратъ въ помѣщичьей средѣ достигаетъ огромныхъ размѣровъ — ему предаются даже барышни-помѣщицы, подкидывая ежегодно своихъ незаконныхъ дѣтей крестьянамъ, которымъ и собственныхъ не на что прокормить. („Записки гр. Гаранскаго“). И людямъ со столь низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ вручены судьбы порабощеннаго народа, жизнь котораго, несмотря на его бѣдность и темноту („Деревенскія новости“— 1860 г.), постоянно даетъ примѣры высокихъ нравственныхъ качествъ. Вотъ дядя Власъ („Власъ“— 1854 г.), который, подъ вліяніемъ могущественнаго душевнаго перелома, изъ кулака-міроѣда сдѣлался чуть-ли не святымъ: роздалъ все свое имущество и пошелъ собирать деньги на построеніе храма; вотъ школьникъ, несмотря на страшную бѣдность— „ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь“— пробивающій себѣ дорогу къ знанію. Наблюденія надъ этими изумительными проявленіями силы и твердости душевной придаютъ бодрость поэту, заставляютъ его вѣрить, что

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа—

людей, подобныхъ Власу и Школьнику. Гуманизація крестьянскихъ типовъ, хотя и косвенный, но сильный упрекъ по адресу крѣпостного права, обусловливающаго тотъ порядокъ, при которомъ Власамъ и имъ подобнымъ приходится покорно склоняться предъ помѣщиками, въ родѣ героя псовой охоты.

Дышащая местью и печалью поэзія Некра-

сова, выражая настроенія лучшихъ людей эпохи, получила значеніе крупнаго общественнаго фактора. Даже такой малорасположенный къ Некрасову критикъ, какъ Ап. Григорьевъ, призналъ, что съ конца 40-хъ годовъ „пѣсни Некрасова“ сдѣлались, безъ преувеличенія говоря,—событіями“. Отсюда можно видѣть, какую выдающуюся роль должна была сыграть ихъ непримиримая антикрѣпостническая настроенность. Привѣтствуя въ 1861 г. свободу („Свобода“—1861 г.), Некрасовъ имѣлъ право радоваться ея осуществленію, такъ какъ самъ не мало поработалъ надъ тѣмъ, чтобы порвать цѣпь почти трехвѣкового рабства. Но упоеніе побѣды не заслонило отъ зоркаго взгляда поэта того, что „...на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“; онъ предвидѣлъ грядущее царство Колупаевыхъ и Разуваевыхъ...

Кромѣ Некрасова, изъ лирическихъ поэтовъ разсматриваемой эпохи, отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву проявили Огаревъ (поэмы: „Юморъ“, „Деревня“), Никитинъ („Старый слуга“), Хомяковъ (стих. „Россіи“), Ив. Аксаковъ (стих. „Ярмо домашняго позора мы носимъ сильные извнѣ“) и въ особенности Шевченко.

Во главѣ повѣствовательной литературы съ антикрѣпостнической тенденціей, безспорно, слѣдуетъ поставить „Записки Охотника“ Тургенева. Общественные мотивы этой книги, повторяя нерѣдко темы стихотвореній Некрасова, разработаны Тургеневымъ съ несравненно большею полнотою и подробностью. „Записки охотника“—это поистинѣ, говоря словами Мельхіора - де - Вогюэ, „великая скорбная симфонія русской земли“. „Симфонія“—по необыкновенно художественному воспроизведенію картинъ русской природы и жизни, „скорб-

ная“ потому, что Тургеневу приходилось постоянно останавливаться на тяжеломъ положеніи народа, этого всеобщаго поильца и кормильца. Въ „Запискахъ Охотника“, прежде всего, передъ нашими глазами, безконечною, можно сказать, чередою проходятъ многообразные примѣры помѣщичьяго произвола и скорбныя лица его безотвѣтныхъ жертвъ. Хозяйничанье г.г. помѣщиковъ иллюстрируется разсказомъ о затѣяхъ сановнаго петербуржца, который, усмотрѣвъ изъ донесеній приказчика, что овины у него въ имѣніи часто подвергаются пожарамъ—отдалъ строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ въ овинъ, пока огонь совершенно не погаснетъ; („Два помѣщика“—1852 г.), или разсказомъ о томъ, какъ отецъ Чертопханова, не умѣя безъ помощи архитектора построить церковь, приказалъ перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на селѣ, какъ онъ заставлялъ своихъ крестьянъ учить наизусть статью Хряка-Хрупёрскаго о нравственности и перенумеровывалъ своихъ крѣпостныхъ. („Чертопхановъ и Недопюскинъ“ 1849 г.).

Отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, какъ къкакимъ-то полуживотнымъ, вскрывается исторіей Сучка, съ которымъ образовались какъ съ вещью, пригодной для исполненія самыхъ разнообразныхъ и совершенно различныхъ обязанностей: ему, по барской прихоти, пришлось подвизаться въ роли и казачка, и форейтора, и доѣзжачаго, и сапожника, и повара, и „ахтера“, и „кафишенка“, и кучера, и рыболова; именовали Сучка, по капризу госпожи, вмѣсто Кузьмы, Антономъ; жениться ему не позволили, такъ какъ его помѣщица, старая дѣва, считала женитьбу баловствомъ („Льговъ“ 1847). Еще болѣе возмутительное, чѣмъ

въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вторженіе въ интимную жизнь крестьянъ описано въ „Ермолаѣ и мельничихѣ“ (1847): помѣщикъ Звѣрковъ горько жалуется на неблагодарность горничной своей жены Арины, которая вдругъ осмѣлилась ощутить столь человѣческое чувство, какъ любовь къ „Петрушкѣ лакею“. Горько пришлось каяться бѣдняжкѣ въ томъ, что она надѣлена была отъ природы тѣми же свойствами, какъ и другіе люди! На почвѣ такого отношенія къ крестьянамъ и развиваются всѣ злоупотребленія помѣщиковъ своею властью. Добродушнѣйшій Мардарій Аполлонычъ Стегуновъ, внимая частымъ и мѣрнымъ ударамъ розги, доносящимся изъ конюшни, съ добрѣйшей улыбкой произноситъ въ тактъ имъ: „чюки-чюки-чюкъ!“ Наказаніе „шалунишки“, кромѣ самодовольства и нѣкотораго любованія, не возбуждаетъ никакихъ эмоцій въ его душѣ („Два помѣщика“). Аркадій Павловичъ Пѣночкинъ, искренно воображавшій себя отцомъ своихъ крѣпостныхъ, съ легкимъ сердцемъ посылаетъ на конюшню не подогрѣвшаго вино камердинера; ему вовсе не кажется ненормальнымъ, что пріѣздъ его въ деревню вызываетъ среди ея населенія такую же панику, какъ появленіе татарской орды („Бурмистръ“ 1847 г.). А что думалъ помѣщикъ Пинчуковъ, которому пришла фантазія у своего сосѣда Полутыкина запахать землю и на запаханной землѣ высѣчь полутыкинскую бабу („Хорь и Калинычъ“ 1847 г.)? Даже веселый нравъ барина, сплошь да рядомъ, обращается во зло крестьянамъ. Что чувствовали, напримѣръ, крѣпостныя дѣвки помѣщика Комова, которыя, по его приказанію, должны были пѣть хоровыя пѣсни до утра, а въ случаѣ усталости пріободрялись

кнутами конюховъ („Однодворецъ Овсянниковъ“ 1847 г)?

Не меньше притѣсняютъ крестьянъ поставленные господами бурмистры, въ родѣ Софрона Яковлевича („Бурмистръ“) и конторщики, въ родѣ Николая Хвостова („Контора“ 1847 г.). Даже барская „метреска“, изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, можетъ, если пожелаетъ, забрить лобъ парню, нечаянно заливше-му ея платье шеколадомъ („Малиновая вода“ 1848). Въ связи съ изображеніемъ тяжелаго положенія закрѣпощенныхъ крестьянъ, Тургеневъ характеризуетъ со стороны умственныхъ и нравственныхъ свойствъ самый классъ поработителей. Очень интересно общее сужденіе автора „Записокъ Охотника“ о помѣщикахъ. Познакомившись съ Радиловымъ, Тургеневъ поражается тѣмъ, что онъ не такой, какъ всѣ: „я не могъ въ немъ открыть страсти ни къ ѣдѣ, ни къ вину, ни къ охотѣ, ни къ курскимъ соловьямъ, ни къ голубямъ, страдающимъ падучей болѣзнью, ни къ русской литературѣ, ни къ иноходцамъ, ни къ венгеркамъ, ни къ карточной и бильярдной игрѣ, ни къ танцовальнымъ вечерамъ, ни къ поѣздкамъ въ губернскіе и столичные города, ни къ бумажнымъ фабрикамъ и свекло-сахарнымъ заводамъ, ни къ раскрашеннымъ бесѣдкамъ, ни къ чаю, ни къ доведеннымъ до разврата пристяжнымъ, ни даже къ толстымъ кучерамъ“. („Мой сосѣдъ Радиловъ“ 1847 г.) Если вычесть изъ этого длиннаго перечня дворянскихъ увлеченій интересъ къ русской литературѣ, упоминаніе о которой носитъ случайный характеръ, то окажется, что помѣщичье сословіе совершенно лишено какихъ бы то ни было духовныхъ запросовъ и погружено въ умственную спячку. Многочисленные типы помѣщиковъ, обрисованные

въ „Запискахъ охотника“ и уже отчасти указанные нами, служатъ тому живымъ подтвержденіемъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые какъ будто бы выдѣляются изъ общаго уровня, или не хотятъ или не могутъ принести никакой пользы народу. На что ужъ, по первому впечатлѣнію, передовой человѣкъ Александръ Владиміровичъ Королевъ — и въ „ниверситетахъ“ обучался, и за-границей побывалъ, и о долгѣ помѣщиковъ въ отношеніи низшей братіи красно умѣетъ разглагольствовать, а между тѣмъ и онъ, во время размежеванія земли, не захотѣлъ поступиться четырьмя десятинами мохового болота, что было необходимо въ интересахъ общей пользы. Славянофилъ и народолюбецъ Любовзоновъ, щеголяющій въ кучерскомъ одѣяніи и заставляющій крестьянъ пѣть ему „народственную пѣсню“, наводитъ на крѣпостныхъ ужасъ своими странными ухватками и не въ силахъ оградить ихъ отъ посягательствъ грабителя-приказчика.

Описывая горемычное крестьянское житье, обличая дурныхъ помѣщиковъ, Тургеневъ продолжалъ создавшуюся до него въ прогрессивной русской литературѣ традицію. Его картины, конечно, въ художественномъ отношеніи во много разъ превосходятъ аналогичныя попытки его предшественниковъ, но въ отношеніи содержанія даютъ матеріалъ подобнаго же характера. Зато Тургеневу, если не считать того, что было сдѣлано Кольцовымъ, принадлежитъ піонерство въ дѣлѣ всесторонней гуманизаціи русскаго крестьянина.

Некрасовъ, писавшій одновременно съ Тургеневымъ, до 1861 года дѣлалъ только первые шаги на этомъ поприщѣ, а потому и не могъ создать равноцѣнныхъ въ художественномъ и общественномъ отношеніи образовъ Такимъ образомъ на

долю Тургенева почти всецѣло выпадетъ огромная заслуга открыть русскому интеллигенту русскаго мужика, сохранившаго и „въ рабствѣ спасенныя“ золотое сердце, ясный умъ и твердую волю. Въ „Запискахъ охотника“ пестрой вереницею проходятъ и суровые исполнители долга, не утерявшіе подъ гнетомъ личныхъ несчастій способности отзываться на чужое горе Бирюки („Бирюкъ“ 1848), и практичные, пригодные къ жизненному строительству, отнюдь не пугающіеся полезной новизны раціоналисты Хори („Хорь и Калинычъ“), и тяготѣющіе къ природѣ, познавшіе ея тайную жизнь, мечтательные романтики-идеалисты Калинычи, и ищущіе на землѣ царства Божія, вѣрующіе въ высшую правду Касьяны („Касьянъ изъ Красивой Мечи“ 1851 г.), и необъятно терпѣливыя, готовыя душу свои положить за други своя Лукерьи („Живыя мощи“ 1851 г.).

А какая бездонная глубина преданной и непритязательной крестьянской любви открывается въ разсказѣ „Свиданіе“ (1850 г.); какой благоуханной душевной чистотою обвѣянъ нѣжный образъ кроткой Акулины! Какъ ярко показана въ разсказѣ „Пѣвцы„ (1850) способность простого крестьянина, этой „бестіи“, которая и болѣть то не смѣетъ, всей душой отдаваться эстетическимъ воспріятіямъ? А этотъ несравненный „Бѣжинъ Лугъ“, (1851 г.) такъ красочно рисующій подрастающее поколѣніе родной деревни, способное и къ нѣжному чувству и къ безстрашному удальству!

Какъ живые выступаютъ обаятельные образы крестьянскихъ героевъ и героинь Тургенева, являясь воплощеннымъ упрекомъ тому государственному укладу, который отдаетъ ихъ въ рабство Звѣрковымъ и Пѣночкинымъ.

Подводя итогъ тому, что было сказано о „Запискахъ Охотника“, мы въ правѣ утверждать, что въ нихъ крѣпостное право подвергается обстрѣлу съ трехъ сторонъ: во первыхъ, Тургеневъ непосредственно нападаетъ на крѣпостническіе порядки и дурныхъ помѣщиковъ, во вторыхъ, онъ рисуетъ нравственное и умственное убожество русскаго рабовладѣльческаго сословія и въ третьихъ—показываетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказываетъ, но не отвлеченными разсужденіями, а живыми художественными образами, что крестьяне такіе же, а часто и лучшіе люди, чѣмъ ихъ господа.

Особенно важно то, что Тургеневъ выставлялъ заурядныя явленія крѣпостной поры, не подыскивая исключеній, преувеличивающихъ дѣйствительность.

Эти то бросающіяся въ глаза безпристрастіе и объективность автора придали его „Запискамъ Охотника“ значеніе сильнѣйшаго протеста противъ крѣпостного права. Впечатлѣніе, произведенное „Записками“ на русскую читающую публику, было огромно. Александръ II, заявивъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ эту книгу, мысль о необходимости освободить крестьянъ его не покидала,—явился выразителемъ общаго мнѣнія всѣхъ мало-мальски интеллигентныхъ людей.

Послѣ созданія „Записокъ Охотника“, Тургеневу только дважды пришлось возвратиться въ своемъ творчествѣ къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Въ 1852 году онъ написалъ два разсказа „Муму“ и „Постоялый дворъ“. Въ первомъ изъ нихъ, который Карлейль считалъ самымъ трогательнымъ изъ извѣстныхъ ему произведеній, Тургеневъ, какъ уже было упомянуто, изобразилъ свою мать въ лицѣ злобной барыни крѣпостницы, исковеркавшей

своимъ самодурствомъ жизнь и безъ того обиженнаго Богомъ глухонѣмого Герасима, а во второмъ—нѣкую помѣщицу Кунце, считающую себя въ правѣ продавать постороннимъ людямъ, упорнымъ трудомъ пріобрѣтенное, имущество своихъ крѣпостныхъ.

Нѣсколько ранѣе написанныя, чѣмъ „Записки Охотника“, двѣ повѣсти Герцена „Кто виноватъ“ и „Сорока-Воровка“ (1846 г). привлекали вниманіе къ тому важному общественному вопросу, который уже былъ поднятъ литературой 30-хъ годовъ. вопросу о положеніи крѣпостныхъ интеллигентовъ. Въ первой повѣсти, Герценъ съ большимъ сочувствіемъ и теплотой изображаетъ незаконную дочь помѣщика Негрова, прижитую имъ отъ крѣпостной любовницы. Положеніе Любоньки въ домѣ отца очень тяжелое: Негровъ постоянно попрекаетъ ее своимъ благодѣяніемъ, безъ котораго она была бы не барышней, а горничной; всякая пріѣзжая родственица Негровыхъ имѣетъ право грубо бранить ее; еще тяжелѣе приходится дѣвушкѣ отъ развращенной барской дворни — горничныя смотрятъ на нее, какъ на выскочку, и почти въ лицо говорятъ ей: „холопку какъ ни одѣвай, все будетъ холопка: осанки, виду барственнаго совсѣмъ нѣтъ“; въ основѣ ея отношеній съ матерью, все еще живущей при барскомъ домѣ, лежитъ фальшь, такъ какъ ихъ разлучили, едва Любонькѣ было четыре года, и теперь между ними нѣтъ ничего общаго. Ранній бракъ съ добрымъ и честнымъ Круциферскимъ спасъ Любоньку отъ столь улыбавшейся ея отцу перспективы быть выданной за перваго попавшагося „секретарика“ или засѣдателя. Не такъ благополучно сложилась жизнь матери Бельтова, крѣпостной гувернантки, за деньги

проданной барыней чужимъ господамъ, которой пришлось упорно бороться, отстаивая свою чистоту отъ покушеній молодого барина. Невеселыя исторіи Любоньки и матери Бельтова только вставочные эпизоды романа „Кто виноватъ“. Не довольствуясь ими, Герценъ посвятилъ этой же темѣ цѣлую повѣсть „Сорока-воровка“. Въ ней онъ изобразилъ необыкновенно талантливую крѣпостную актрису Анету, побывавшую въ Италіи и Парижѣ, видѣвшую Марсъ и Тальма, которая жалкимъ образомъ гибнетъ въ условіяхъ родной дѣйствительности. Со смертью ея перваго барина, „простого и честнаго человѣка“, она вмѣстѣ съ остальной труппой была перепродана кн. Скалинскому, соединявшему меценатство съ жестокостью и развратомъ. Не пожелавъ сдѣлаться наложницею Скалинскаго, Анета подверглась съ его стороны мелочнымъ и унизительнымъ гоненіямъ, которыхъ не въ силахъ перенести ея хрупкая и нѣжная натура. Счастье еще, что она умерла неопозоренной, такъ какъ князь въ отношеніи ея все-таки соблюдалъ извѣстную мѣру; онъ не рѣшился, напр., подвергнуть Анету тѣлесному наказанію, какъ это повидимому практиковалось въ отношеніи другихъ актеровъ.

Протестуя въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ, противъ тяжелаго положенія крѣпостныхъ интеллигентовъ, Герценъ не упускалъ случая отмѣтить тотъ или иной фактъ помѣщичьяго произвола вообще. Созданные имъ типы помѣщиковъ, какъ въ романѣ „Кто виноватъ“ и повѣсти „Сорока-воровка“, такъ и въ „Докторѣ Круповѣ“, отличаются преобладаніемъ отрицательныхъ качествъ. Зато къ крестьянамъ писатель относится съ симпатіей и любовью. Онъ очевидно вполнѣ раздѣляетъ точку зрѣнія своей люби-

мой героини Любоньки, которая говоритъ: „крестьяне нашей деревни лучше всѣхъ гостей, которые ѣздятъ къ намъ изъ губернскаго города и изъ сосѣдства, и гораздо умнѣе ихъ; а, вѣдь, тѣ учились, и все—помѣщики, чиновники, а такіе все противные“...

Свое народолюбіе Герценъ доказалъ и впослѣдствіи, когда, покинувъ Россію, онъ сталъ открытымъ, уже не стѣсненнымъ рамками придирчивой цензуры, обличителемъ нашихъ общественныхъ неустройствъ. Его свободный голосъ, голосъ убѣжденнаго борца за лучшее будущее, несмотря ни на какія пограничныя заставы, раздавался во всѣхъ уголкахъ родной земли, пробуждая общество отъ его спячки, укрѣпляя въ его сознаніи мысль о необходимости обновленія государственнаго строя, о неотложности цѣлаго ряда прогрессивныхъ преобразованій, а прежде всего, освобожденія крестьянъ, этой „крещеной собственности“...

Такимъ образомъ, и Некрасовъ, и Тургеневъ, и Герценъ честно выполнили свою аннибаловскую клятву. Чтобы закончить обзоръ главнѣйшихъ антикрѣпостническихъ произведеній эпохи, предшествующей освобожденію, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о „Деревнѣ“ (1846 г.) и „Антонѣ Горемыкѣ“ (1847) Григоровича. Эти повѣсти сильны, собственно говоря, не столько своими обличеніями крѣпостного права, сколько на рѣдкость жалостливымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ низшей братіи. Хотя одною изъ причинъ гибели несчастной героини „Деревни“ является выдача ее бариномъ замужъ за грубаго и жестокаго парня Григорія, вогнавшаго ее въ гробъ своими побоями, но этотъ поступокъ помѣщика отнюдь не ставится авторомъ ему въ вину. Скорѣе наоборотъ, послѣд-

ній, будучи человѣкомъ „добрымъ“ и „благонамѣренным“, отчасти потому придумалъ этотъ бракъ, чтобы сдѣлать „доброе дѣло“, пристроить заброшенную сиротку. Жена управляющаго въ этой же повѣсти является настоящей благодѣтельницей крестьянъ, единственнымъ существомъ, принимающимъ участіе въ Акулинѣ и ея малюткѣ-дочери. Въ повѣсти „Антонъ-Горемыка“, яркими красками рисующей безчеловѣчіе управителя изъ сермяжниковъ, въ отношеніи господъ проводится совершенно иная тенденція. Вся бѣда Антона, разореннаго и загубленнаго управляющимъ, и его односельчанъ, такъ же страдающихъ отъ корыстнаго Никиты Федоровича, хочетъ увѣрить насъ авторъ, заключается-де въ томъ, что ихъ молодые господа никогда не живутъ въ деревнѣ. „Вѣстимо,—разсуждаютъ мужики, кабы они здѣсь жили или понавѣдывались, хошь на время, такъ ина была бы причина... у насъ господа по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали... они рады бы, можетъ статься, особливо баринъ, въ чемъ помочь мужикамъ своимъ, да вишь отъ нихъ все шито да крыто... кабы они видали, примѣрно, что мужики въ обидѣ живутъ отъ управляющаго да нужду всяческу терпятъ, такъ, вѣстимо, того бы не попустили“...

Эта осторожность въ выраженіяхъ, затемняющая даже антикрѣпостническій смыслъ повѣсти Григоровича, являлась, конечно, уступкой цензурнымъ требованіямъ. Авторъ относился къ крѣпостному праву въ достаточной степени отрицательно, но не былъ свободенъ въ выраженіи своихъ взглядовъ: ему пришлось даже поступиться концомъ своей повѣсти, въ которой разсказывалось, какъ выведенные изъ терпѣнія кре-

стьяне поджигаютъ домъ ненавистнаго управляющаго, а его самого бросаютъ въ огонь. Чтобы спасти повѣсть, цензоръ Никитенко, самъ принціальный противникъ крѣпостничества, совершенно передѣлалъ её, заставивъ Антона почти что пристать къ шайкѣ разбойниковъ и вмѣстѣ съ ея участниками отправиться въ Сибирь.

Уступая въ опредѣленности антикрѣпостнической тенденціи стихотвореніямъ Некрасова и „Запискамъ Охотника“ Тургенева, повѣсти Григоровича слабѣе ихъ и въ отношеніи жизненности крестьянскихъ типовъ. Здѣсь, конечно, сказалось то, что полу-французъ не только по крови, но и по воспитанію, Григоровичъ не такъ хорошо зналъ сельскую жизнь; болѣе того, ко времени работы надъ „Деревней“, онъ еще не вполнѣ овладѣлъ русскимъ языкомъ. Оттого-то народъ Григоровича и изображенъ столь бѣднымъ въ духовномъ отношеніи, какъ будто бы окончательно задохнувшимся въ невѣжествѣ, нищетѣ и порабощеніи. Славянофилы были отчасти правы, обвиняя автора въ „униженіи народности“. Наконецъ, мѣстами, въ повѣстяхъ Григоровича появляется излишне-чувствительный тонъ — отголосокъ доживавшаго въ ту эпоху свои послѣдніе дни сентиментализма.

Несмотря на всѣ эти недостатки, общественное значеніе „Деревни“ и „Антона Горемыки“, предваривши хъ „Записки Охотника“ Тургенева и положившихъ, такимъ образомъ, начало нашей „мужицкой“ беллетристикѣ—неоспоримо. „Это былъ,—говоритъ Салтыковъ,—первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія человѣческія слезы, и съ легкой руки Григоровича, мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ“

(„Круглый годъ“). А Салтыковъ, въ данномъ случаѣ, вполнѣ компетентный судья, потому что въ концѣ 50-хъ годовъ въ рядѣ своихъ разсказовъ („Обманутый подпоручикъ“, „Что такое коммерція“, „Аринушка“, „Владиміръ Константиновичъ Буеракинъ“, „Неумѣлые“) онъ лишній разъ заклеймилъ издыхавшее тогда крѣпостное право.

Если добавить къ указанному литературному матеріалу „Сонъ Обломова“ (1849 г.) Гончарова, въ которомъ затрагивается вопросъ о растлѣвающемъ вліяніи крѣпостного права на самихъ помѣщиковъ, привыкающихъ съ дѣтства надѣяться на трудъ „триста Захаровъ“, а потому, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, превращающихся въ праздныхъ, неспособныхъ къ какой-либо активной дѣятельности существователей, „Семейную Хронику“ (1856 г.) С. Аксакова, одинъ изъ героевъ которой (Куролесовъ) совмѣщаетъ всѣ отрицательныя черты тогдашняго крѣпостного барства, являя собой примѣръ „ужаснаго соединенія инстинкта тигра съ разумностью человѣка“—то получится довольно полный списокъ главнѣйшихъ произведеній 40-хъ и 50-хъ годовъ, настраивавшихъ общество въ антикрѣпостническомъ духѣ.

Энергія и настойчивость, съ которыми русская литература въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія (отъ журналовъ Новикова до 1861 г.) боролась съ крѣпостнымъ правомъ, служитъ однимъ изъ яркихъ доказательствъ ея отзывчивости къ вопросамъ общественности. Эта отзывчивость, придавая ей своеобразную физіономію среди литературъ западно-европейскихъ, позволяетъ разсматривать ее, какъ могущественный факторъ въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія нашей родины. Пусть не всѣ идеалы, добра и правды, провозглашенные

лучшими изъ русскихъ писателей, достигнуты, пусть, выражаясь словами поэта, „на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“— будемъ вѣрить и надѣяться, что „распутать ихъ легче народу“ съ помощью его идейной руководительницы—литературы.

В. Евгеньевъ.

Выработка крестьянской реформы 19 февраля и главные ея участники.

„... Освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо...“—такъ писалъ Герценъ еще въ 1853 г. въ своей извѣстной статьѣ „Юрьевъ день“. „Взвѣсьте,—писалъ онъ тамъ же, обращаясь къ дворянамъ-помѣщикамъ,—что для васъ выгоднѣе: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ, или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства?“ Онъ грозилъ дворянамъ въ этой статьѣ, что, если они не приступятъ къ освобожденію крестьянъ по собственной иниціативѣ, то освобожденіе все равно совершится—по волѣ Царя или путемъ пугачевщины.

Въ то время немногіе прочли эти строки—изданія Герцена тогда еще не легко распространялись въ Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ многимъ изъ современниковъ слова эти казались пророческими и проницательность Герцена колоссальной.

Тогда это могло такъ казаться, тѣмъ болѣе, что мало кому извѣстна была та подготовительная работа, которая совершалась въ Россіи упорно и дѣятельно въ теченіе всего царствованія императора Николая. Я имѣю въ виду здѣсь не ту только работу, которая совершалась въ секретныхъ комитетахъ и совѣщаніяхъ Николаевскаго царствованія, но и ту тяжелую и сложную работу историческаго

процесса, которая происходила въ жизни и выражалась въ измѣненіи условій помѣщичьяго хозяйства, въ обостреніи отношеній между помѣщиками и крестьянами, въ крестьянскихъ волненіяхъ и самовольныхъ расправахъ съ помѣщиками, въ измѣненіи настроенія и взглядовъ самихъ помѣщиковъ разныхъ губерній. Для Герцена, внимательно приглядывавшагося къ этимъ явленіямъ и умѣвшаго глубоко проникать въ нихъ мыслью, смыслъ ихъ былъ ясенъ, и оттого слова его впослѣдствіи казались пророческими. Для людей заурядныхъ проникнуть въ этотъ процессъ было тѣмъ труднѣе, что и правительство принципіально и строго сохраняло всѣ свои дѣйствія въ тайнѣ, и помѣщики скрывали даже одинъ отъ другого тѣ случаи самоволія, неповиновенія и самоуправства крѣпостныхъ крестьянъ, которые имъ приходилось лично испытывать на себѣ такъ часто.

Между тѣмъ, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что паденіе крѣпостного права въ Россіи явилось главнѣйшимъ результатомъ и, можно сказать, центральнымъ событіемъ того общаго историческаго процесса русской жизни, который начался въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, — послѣ того, какъ завершилась наконецъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, та многовѣковая борьба за территорію, которая истощала безъ остатка всѣ силы и средства русскаго народа; послѣ того, какъ для Россіи, справившейся наконецъ съ окружавшими ее внѣшними опасностями, явилась возможность вздохнуть свободнѣе и заняться упорядоченіемъ внутренняго быта и вопіющихъ нуждъ своего населенія. Тяжелый процессъ формированія государственной территоріи и созданія безопасныхъ и твердыхъ границъ завершился при Екатеринѣ,

и съ этого времени въ Россіи начался новый періодъ ея соціальной исторіи, главнѣйшей отличительной чертой котораго явилось раскрѣпощеніе сословій. Это раскрѣпощеніе началось, какъ извѣстно, съ дворянства и до крестьянства очередь дошла не скоро. Сама Екатерина, на долю которой выпало провозгласить новый принципъ, невольно подчинялась именно дворянству, которому обязана была своимъ возведеніемъ на престолъ и котораго преувеличенно опасалась. Поэтому положеніе крестьянъ при ней не улучшилось, хотя грядущее освобожденіе народа и признано было *въ принципѣ* необходимымъ. Александръ I искреннѣе и настойчивѣе „великой бабки своей“ стремился къ освобожденію крестьянъ, но онъ вскорѣ былъ отвлеченъ отъ благихъ начинаній во внутренней политикѣ государства внѣшними обстоятельствами, сложившимися чрезвычайно грозно и вовлекшими Россію въ общій ходъ міровыхъ событій. Однако, именно въ это время, благодаря страшному потрясенію, вызванному нашествіемъ Наполеона и послѣдующими великими войнами, стали быстрѣе назрѣвать въ Россіи внутренніе органическіе стимулы коренного измѣненія существовавшаго крѣпостного строя. Эти стимулы, въ видѣ разоренія дворянскихъ имѣній, измѣненія торговыхъ и промышленныхъ конъюнктуръ, уплотненія населенія во многихъ губерніяхъ, сознанія необходимости интенсификаціи сельскаго хозяйства,—которой не допускали крѣпостныя отношенія,—наконецъ, сильнаго обостренія въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами—рѣзко сказались въ царствованіе Николая и вызвали и движеніе прогрессивныхъ мыслей и взглядовъ въ помѣщичьей средѣ, и настойчивыя обсужденія крестьянскаго вопроса

въ многочисленныхъ секретныхъ комитетахъ и совѣщаніяхъ центральнаго правительства.

Въ концѣ царствованія императора Николая, въ подготовительной работѣ правительства по крестьянскому вопросу наступилъ рѣзкій перерывъ, подъ вліяніемъ реакціоннаго настроенія, охватившаго высшіе правительственные круги послѣ февральской революціи 1848 г. во Франціи и послѣдующихъ революціонныхъ движеній въ Австріи и Пруссіи. Но подготовительная работа, совершавшаяся независимо отъ правительственной дѣятельности въ самой жизни, не прекратилась; ходъ процесса сдѣлался глуше, но оттого, можетъ быть, еще напряженнѣе. Крестьянскія волненія, вспыхнувшія во многихъ губерніяхъ во время Крымской войны, комбинировавшіяся притомъ съ сильнымъ подъемомъ патріотическихъ чувствъ и потому особенно затруднявшія правительство при ихъ подавленіи,—не замедлили показать это.

Ко времени воцаренія Александра II никто уже изъ мыслящихъ людей въ Россіи не сомнѣвался, что крестьянскій вопросъ назрѣлъ, и рѣчь могла идти лишь о способахъ и формахъ его разрѣшенія. Въ этомъ отношеніи правительство оказалось не особенно подготовленнымъ, несмотря на длительную работу Николаевскихъ секретныхъ комитетовъ.

Относительно взглядовъ на крестьянскій вопросъ самого императора Александра въ публикѣ ходили противорѣчивые слухи и толки. Многіе утверждали, что онъ явится поборникомъ аристократическихъ принциповъ и покровителемъ дворянскихъ интересовъ. Другіе, наоборотъ, ожидали отъ него, какъ отъ воспитанника Жуковскаго гуманнаго и либеральнаго направленія, котораго

жаждали всѣ просвѣщенные и благонамѣренные люди въ тогдашней Россіи. И тѣ, и другіе основывали свои ожиданія и надежды на тѣхъ или иныхъ фактахъ, разсказы о которыхъ почерпались изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ. Жуковскій дѣйствительно старался внушить своему воспитаннику съ дѣтства гуманныя чувства и просвѣщенные взгляды на его будущія обязанности передъ отечествомъ.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ — свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать!

Чтобы достигнуть этого идеала, благонамѣренный поэтъ и добросовѣстный воспитатель требовалъ, чтобы воспитаніе будущаго повелителя Россіи происходило въ соотвѣтствующей обстановкѣ; онъ смѣло указывалъ его родителямъ зловредность обыкновенной придворной и плац-парадной атмосферы и выражалъ опасеніе, чтобы, благодаря этой атмосферѣ его юный воспитанникъ не научился въ отечествѣ, своемъ видѣть только казарму, и въ подданныхъ своихъ полкъ. И хотя императрица Александра Федоровна и даже самъ Николай Павловичъ снисходительно выслушивали такія необычныя требованія, однако же практически они мало вліяли на измѣненіе обстановки. Николай Павловичъ считалъ необходимымъ сдѣлать изъ своего сына прежде всего военнаго человѣка, и личныя склонности молодого цесаревича шли этому на встрѣчу. Плац-парадные интересы заняли не-

маловажное мѣсто въ жизни будущаго императора, а политическіе и общественные взгляды его, несмотря на порядочное образованіе, которое онъ получилъ, мало чѣмъ отличались отъ взглядовъ его отца. Когда, начиная съ сороковыхъ годовъ, онъ былъ пріобщенъ къ дѣламъ высшаго военнаго и гражданскаго управленія, онъ не показывалъ никакого сомнѣнія въ правильности существующей административной системы и не обнаруживалъ ни малѣйшей наклонности къ критикѣ тогдашняго соціальнаго и политическаго строя Россіи. Съ конца сороковыхъ годовъ, послѣ февральской революціи и берлинскихъ событій, происходившихъ почти на его глазахъ, онъ не менѣе Николая Павловича охваченъ былъ реакціоннымъ настроеніемъ и рѣзко враждебнымъ отношеніемъ ко всякимъ проявленіямъ революціоннаго и даже просто либеральнаго духа. Извѣстно, что онъ горячо сочувствовалъ воинственному манифесту, изданному императоромъ Николаемъ въ мартѣ 1848 г., а въ крестьянскомъ вопросѣ проявилъ въ это время гораздо болѣе консервативные взгляды, нежели его отецъ. Въ 1853 г. онъ выступилъ рѣзкимъ оппонентомъ анти-дворянской политики Бибикова въ западномъ краѣ, и помѣщики литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній нашли въ немъ тогда надежнаго и убѣжденнаго защитника и покровителя ихъ интересовъ, заступничеству котораго они обязаны были отсрочкой введенія въ ихъ имѣніяхъ Бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ, уже Высочайше утвержденныхъ 22 декабря 1852 г. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что не только въ дворянской средѣ, но и въ средѣ лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ Александру Николаевичу, укоренился взглядъ, что, по воцареніи своемъ, Але-

ксандръ II будетъ покровителемъ помѣщичьихъ интересовъ и проводникомъ дворянскихъ аристократическихъ взглядовъ. Но съ началомъ русско-турецкой войны 1853—1856 гг., послѣ первыхъ же неудачъ и особенно въ виду грозной коалиціи европейскихъ державъ и быстро обнаруживавшейся неподготовленности Россіи къ борьбѣ съ ними, въ правительственныхъ сферахъ и даже въ умѣ самого императора Николая падаетъ увѣренность, до того времени непререкаемая, въ правильности его административной системы. Послѣ высадки союзниковъ въ Крыму, банкротство этой системы становится очевиднымъ для всѣхъ благомыслящихъ людей, и самъ покойный Государь признаетъ на смертномъ одрѣ, что ему приходится сдавать сыну свою „команду“ не въ добромъ порядкѣ.

Александръ Николаевичъ понялъ, что не только курсъ всей внутренней политики долженъ быть измѣненъ коренным образомъ, но что необходима полная перестройка всего обветшалаго общественнаго, а можетъ быть и государственнаго строя Россіи. Онъ твердо рѣшился предпринять необходимыя коренныя преобразованія, изъ которыхъ крестьянская реформа по общему убѣжденію была на первой очереди, ибо безъ нея трудно было произвести и всѣ остальныя. Но отъ такого рѣшенія до его осуществленія было еще далеко. Рѣшимость императора Александра измѣнить общій курсъ внутренней политики практически выразилась тотчасъ же въ отмѣнѣ различныхъ стѣснительныхъ реакціонныхъ мѣръ и распоряженій послѣднихъ лѣтъ предшествовавшаго царствованія въ области народнаго просвѣщенія, цензуры, выдачи заграничныхъ паспортовъ и т. п. Для того же, чтобы приступить къ крупнымъ органическимъ

преобразованіямъ, необходимо было имѣть сколько-нибудь опредѣленный и обдуманный планъ и достаточно подготовленныхъ надежныхъ сотрудниковъ. У императора Александра не было ни того, ни другого.

Изъ окружавшихъ его лицъ, даже въ его семьѣ, были люди, сочувствовавшіе освободительнымъ преобразованіямъ. Такъ, имъ сочувствовала императрица Марія Александровна, но она не имѣла ни надлежащихъ свѣдѣній, ни иниціативы, ни достаточнаго вліянія на своего супруга, чтобы дѣятельно участвовать въ этомъ дѣлѣ и оказать государю существенную поддержку. Гораздо болѣе была одарена необходимыми для этого качествами и въ особенности просвѣщеннымъ умомъ и дѣятельнымъ иниціативнымъ характеромъ тетка императора, великая княгиня Елена Павловна. У нея къ тому же была спеціальная способность,— въ данныхъ обстоятельствахъ особенно цѣнная,— выискивать и привлекать къ себѣ всѣхъ одаренныхъ и просвѣщенныхъ людей, могущихъ быть съ пользою употребленными на дѣла подобнаго рода. Въ этомъ отношеніи Елена Павловна оказала впослѣдствіи не мало услугъ дѣлу прогрессивныхъ преобразованій, выдвигая впередъ такихъ дѣятелей, какъ братья Николай и Дмитрій Милютины, Юрій Самаринъ, кн. Черкасскій, Кавелинъ, Арцимовичъ и т. д.; но императоръ Александръ не легко допускалъ къ себѣ новыхъ сотрудниковъ изъ числа лицъ, чуждыхъ придворнымъ сферамъ, особенно, когда лицамъ этимъ предшествовала злонамѣренная молва, стремившаяся ихъ опорочить въ его глазахъ, какъ напр., Николая Милютина, котораго обвиняли въ черезчуръ радикальныхъ взглядахъ и называли „краснымъ“.

Ревностнымъ сторонникомъ новаго курса являлся и старшій изъ братьевъ государя великій князь Константинъ Николаевичъ, который съ большой энергіей принялся вводить новый духъ и новые порядки въ подчиненномъ ему морскомъ министерствѣ. Однако, молодой великій князь не получилъ надлежащей подготовки и не обладалъ достаточными свѣдѣніями, чтобы непосредственно участвовать въ подготовленіи и направленіи общихъ государственныхъ преобразованій, дѣятельнымъ сторонникомъ и защитникомъ которыхъ онъ явился впослѣдствіи.

Сановники, окружавшіе Александра, были люди по большей части устарѣлые и черезчуръ привыкшіе къ традиціямъ минувшаго тридцатилѣтія. Многіе изъ нихъ къ тому же плохо вѣрили въ прочность и искренность новаго направленія Александра, хорошо зная прежніе его взгляды. Изъ нихъ болѣе другихъ пользовался довѣріемъ покойнаго Государя, перешедшимъ и къ Александру II, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. Орловъ, человѣкъ старый и сильно проникнутый и Николаевскими традиціями, и придворно-аристократическими предразсудами. За нимъ слѣдовали: Киселевъ, главный двигатель крестьянскаго вопроса при Николаѣ, но теперь признанный уже устарѣлымъ и отправленный посломъ въ Парижъ; Блудовъ, когда-то слывшій за просвѣщеннаго и относительно либеральнаго министра, но тоже уже обремененный годами и къ тому же едва-ли имѣвшій какую-либо опредѣленную государственную программу; Левъ Перовскій, также участвовавшій въ разработкѣ крестьянскаго вопроса при Николаѣ (бывшій министръ внутр. дѣлъ), но теперь уже совершенно разслабленный и стоявшій одною но-

гою въ гробу (умеръ въ 1856 г.); министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ, проводившій при Николаѣ антидворянскую политику въ Западномъ краѣ, но именно на ней имѣвшій личныя столкновенія съ Александромъ, къ тому же упрямый самодуръ и человѣкъ мало просвѣщенный, едва-ли способный примѣниться къ новымъ условіямъ и требованіямъ жизни,—онъ былъ уволенъ въ отставку осенью 1855 года. Вмѣсто Бибикова былъ назначенъ Ланской, семидесятилѣтній старикъ, ознаменовавшій свое вступленіе въ должность циркуляромъ къ предводителямъ дворянства, въ которомъ онъ увѣрялъ ихъ въ неприкосновенности дворянскихъ правъ и привиллегій. За ними слѣдовали люди уже вовсе бездарные, какъ Брокъ, министръ финансовъ, и Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія, или злонамѣренные реакціонеры, какъ Клейнмихель. Съ такими сотрудниками трудно было выработать надлежащій планъ преобразованій.

Единственный новый человѣкъ, введенный уже самимъ Александромъ въ эту сановную среду, хотя и безъ портфеля министра, былъ состоявшій при немъ начальникомъ штаба въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, которыми Александръ Николаевичъ завѣдовалъ съ 1849 года, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Въ Ростовцевѣ, какъ человѣкѣ, пользовавшемся личнымъ довѣріемъ молодого императора, многіе видѣли восходящее свѣтило, и завистливые царедворцы уже именовали его, не безъ ироніи, новымъ Мазарини. Однако, предшествовавшею своею дѣятельностью Я. И. Ростовцевъ вовсе не былъ подготовленъ къ общимъ государственнымъ преобразованіямъ и на немъ къ тому же лежало пятно, въ видѣ репу-

тацiи не совсѣмъ точно и справедливо ему приложенной, доносчика на своихъ друзей и товарищей, въ эпоху декабрьскаго возстанiя 1825 года,— репутацiи, отталкивавшей отъ него всѣхъ людей либеральнаго образа мыслей. Теперь извѣстно, что хотя Ростовцевъ, по взглядамъ своимъ несочувствовавшiй заговору 14 декабря, дѣйствительно предупредилъ Николая о грозившей ему опасности, но во-первыхъ, онъ сдѣлалъ это, заявивъ наперед свое намѣренiе Рылѣеву и кн. Оболенскому, пытавшимся привлечь его къ своему предпрiятiю, а во-вторыхъ, не назвалъ Николаю при своемъ предупрежденiи ни одного имени. Теперь извѣстно также и то, что Ростовцевъ былъ глубоко и искренно преданъ, и лично императору Александру, и дѣлу начатыхъ послѣ Крымской войны преобразованiй. Но въ то время, и въ придворныхъ кругахъ, и въ обществѣ, всѣ считали его за реакцiонера, а Герценъ, считавшiй его доносчикомъ на декабристовъ, не упускалъ ни одного случая всячески заклеймить его и всю его предшествовавшую служебную дѣятельность въ своихъ заграничныхъ изданiяхъ.

Впрочемъ, не смотря на то, что на высшихъ государственныхъ должностяхъ оставались по преимуществу прежнiя лица, общество русское тотчасъ же почувствовало вѣянiе новаго курса, выразившееся въ отмѣнѣ различныхъ тяжелыхъ стѣсненiй прежняго царствованiя, и терпѣливо ждало грядущихъ преобразованiй, довольствуясь тѣми благопрiятными слухами, которые шли сверху. Такъ какъ законы о печати оставались прежнiе, несмотря на разрѣшенiе новыхъ журналовъ и на фактическое облегченiе цензурнаго гнета, то большая часть вопросовъ, волновавшихъ передовые

круги общества, могли обсуждаться все же лишь въ рукописныхъ запискахъ и „политическихъ письмахъ“, писаніе и распространеніе которыхъ быстро вошло въ обычай съ легкой руки Погодина, рѣшившагося дѣйствовать этимъ путемъ еще при жизни Николая, въ послѣдніе мѣсяцы его царствованія, когда правительство видимо растерялось, въ виду начавшихся неудачъ и обнаружившихся изъяновъ административной системы. Многія изъ этихъ записокъ были впослѣдствіи, въ 1856—58 гг., напечатаны въ издававшихся Герценомъ „Голосахъ изъ Россіи“ и почти всѣ онѣ затрагивали такъ или иначе крестьянскій вопросъ,— иныя робко совѣтуя приступить къ подготовительнымъ мѣрамъ и рекомендуя постепенное устраненіе крѣпостного права, другія—какъ, напримѣръ, извѣстная записка К. Д. Кавелина—опредѣленно требуя полнаго освобожденія крестьянъ съ землей и указывая притомъ опредѣленный и хорошо обдуманный планъ реформы.

Правительство внимательно прислушивалось къ этимъ голосамъ, принимало и собирало записки, но само не спѣшило выступать съ опредѣленными заявленіями. Лишь въ заключительныхъ строкахъ манифеста о мирѣ указывалось въ красивыхъ, но неопредѣленныхъ выраженіяхъ на твердое намѣреніе предпринять рядъ коренныхъ внутреннихъ преобразованій. И только, когда эти строки и циркулировавшіе въ публикѣ слухи побудили московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, человѣка весьма реакціонныхъ воззрѣній, просить императора Александра, пользуясь его пріѣздомъ въ Москву, успокоить встревоженное этими слухами дворянство, то Александръ Николаевичъ для всѣхъ неожиданно произнесъ рѣчь, которая впервые под-

твердила открыто его освободительныя памѣрепія. „Лучше,—сказалъ онъ—начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“. Самъ императоръ приглашалъ теперь предстоявшихъ представителей дворянства подумать, какъ привести это въ исполненіе, и поручилъ имъ передать эти слова дворянамъ „для соображенія“. Рѣчь эта была до того неожиданна что министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской повѣрилъ факту ея произнесенія лишь тогда, когда самъ Александръ подтвердилъ, что онъ дѣйствительно сказалъ это и прибавилъ, что о сказанномъ отнюдь не жалѣетъ. Съ этого момента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начались дѣятельныя приготовленія къ реформѣ: извлечены были изъ архивовъ всѣ старыя дѣла секретныхъ комитетовъ Николаевскаго царствованія, собраны и разсмотрѣны представленные изъ среды общества новые проекты и записки и составлена товарищемъ министра А. И. Левшинымъ историческая записка о мѣрахъ по крестьянскому дѣлу.

Когда все это было изготовлено, Ланской сдѣлалъ докладъ императору о своевременности образованія новаго *секретнаго* комитета. Комитетъ былъ образованъ въ исходѣ 1856 г. и открытъ 3 января 1857 г. самимъ императоромъ Александромъ. Въ составъ комитета вошли всѣ тѣ старые Николаевскіе сановники, среди которыхъ наиболѣе сочувствующимъ намѣчавшемуся преобразованію являлся, повидимому, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, человѣкъ старый и нерѣшительный, безъ личной иниціативы, но гуманный и благородный, въ молодости не чуждый нѣкоторыхъ связей съ либералами двадцатыхъ годовъ. Ростовцевъ, также на-

значенный въ число членовъ этого комитета, на первыхъ порахъ почувствовалъ себя настолько неподготовленнымъ, что пытался даже уклониться отъ участія въ этомъ дѣлѣ, но императоръ настоялъ на его участіи въ комитетѣ, и Ростовцевъ принялся ревностно изучать переданные въ комитетъ матеріалы и вскорѣ искренно увлекся величіемъ и благотворнымъ значеніемъ предстоящей реформы. Къ сожалѣнію, на первыхъ порахъ онъ не избѣгъ, благодаря своему незнакомству съ дѣломъ, крупныхъ ошибокъ и вредныхъ вліяній такихъ дѣятелей, какъ хитрый и своекорыстный полтавскій землевладѣлецъ Позенъ, отставной статсъ-секретарь и тайный совѣтникъ, подавшій ловко составленную записку о способахъ постепенной ликвидаціи крѣпостного права,—записку, произведшую нѣкоторое впечатлѣніе на Государя и послужившую однимъ изъ поводовъ къ образованію комитета. Другимъ непосредственнымъ поводомъ къ тому послужила записка великой княгини Елены Павловны, которая стремилась въ то время, не ожидая общей реформы, произвести въ своемъ частномъ имѣніи Карловкѣ (Полтавской губерніи) освобожденіе и устройство своихъ крестьянъ на началахъ, проектированныхъ для нея по ея просьбѣ Н. А. Милютинымъ, который былъ тогда директоромъ хозяйственнаго департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и К. Д. Кавелинымъ, записка котораго широко распространилась тогда въ обществѣ и черезъ Милютина попала и къ великой княгинѣ. Въ письмѣ своемъ къ Государю, Елена Павловна просила указать ей тѣ начала, на которыхъ правительство признаетъ возможнымъ допустить освобожденіе крестьянъ помѣщиками, и вмѣстѣ разрѣшить ей обсуждать этотъ

вопросъ съ нѣкоторыми полтавскими землевладѣльцами. Александръ отвѣчалъ великой княгинѣ, что онъ затрудняется указать требуемыя начала, такъ какъ по сложности и важности вопроса желалъ бы предварительно получить больше данныхъ для рѣшенія этого вопроса отъ самихъ помѣщиковъ разныхъ губерній, но вполнѣ одобрилъ мысль Елены Павловны обсуждать этотъ вопросъ съ помѣщиками Полтавской и другихъ сосѣднихъ губерній.

Господствующею мыслью императора Александра въ тотъ моментъ было именно сознаніе нежелательности дѣйствовать въ этомъ вопросѣ диктаторіально и стремленіе добиться для его разработки иниціативы со стороны самихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ помѣщиковъ. Въ поискахъ этой иниціативы тов. министра Левшинъ велъ тщетные переговоры съ предводителями дворянства, собранными въ Москвѣ на коронацію лѣтомъ 1856 г., причемъ выяснилось впрочемъ, что податливѣе другихъ въ этомъ случаѣ могутъ оказаться помѣщики западныхъ литовскихъ губерній, если у нихъ будетъ вновь поставленъ вопросъ о введеніи Бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ. Правительство рѣшило воспользоваться этимъ путемъ, и генералъ-губернатору литовскихъ губерній Назимову даны были соотвѣтствующія инструкціи.

Между тѣмъ, секретный комитетъ не спѣшилъ дѣйствовать. Одинъ изъ вліятельныхъ членовъ этого комитета, новый министръ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ, разъѣзжая лѣтомъ 1857 г. по Россіи съ цѣлью обозрѣнія подчиненныхъ ему учрежденій, увѣрялъ даже провинціальныхъ помѣщиковъ и губернскія начальства, что, въ концѣ концовъ, никакихъ важныхъ измѣненій

въ существующемъ порядкѣ не послѣдуетъ, а, возвратившись въ Петербургъ, представилъ государю докладъ, въ которомъ увѣрялъ, что при объѣздѣ провинціи онъ убѣдился, что предпринятая реформа несвоевременна и что теперешнее положеніе вещей можетъ спокойно продолжать существованіе еще многіе годы. Но государь выразилъ Муравьеву свое неудовольствіе за его образъ дѣйствій, а въ составъ комитета, для его оживленія, назначилъ своего брата Константина Николаевича, только что вернувшагося изъ заграничнаго плаванія.

Въ іюлѣ 1857 г. въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработанъ былъ Левшинымъ докладъ съ опредѣленною программою, которая и была подвергнута обсужденію комитета. Левшинъ, а съ нимъ и Ланской, признавали съ одной стороны вредъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, съ другой стороны они, какъ огня, боялись всякихъ финансовыхъ операцій, которыя могли бы вовлечь казну, находившуюся тогда и безъ того на краю банкротства, въ какія-либо рискованныя и отвѣтственныя предпріятія. Поэтому они рѣшительно отвергали возможность и желательность выкупа состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ земель при помощи какихъ-либо общихъ кредитныхъ операцій и рекомендовали, объявивъ крестьянъ лично свободными отъ крѣпостной зависимости, сохранить въ ихъ пользованіи необходимыя имъ земельныя угодія за повинности—денежныя или натуральныя. При этомъ они предполагали сохранить помѣщикамъ значительную долю вотчинной власти, предоставивъ вопросъ объ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній болѣе или менѣе отдаленному будущему. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

они приняли во вниманіе, что намѣчаемый ими способъ рѣшенія вопроса, вполнѣ пріемлемый съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ земледѣльческихъ хлѣбородныхъ губерній, гдѣ къ тому времени личное крѣпостное право считалось скорѣе обузою для помѣщиковъ и гдѣ, главнымъ образомъ, цѣнилась земля, могъ оказаться весьма разорительнымъ для помѣщиковъ промышленныхъ, нечерноземныхъ губерній, которые главный доходъ получали не отъ земли, а отъ сторонних заработковъ и промысловъ ихъ крестьянъ, обложенныхъ болѣе или менѣе высокими оброками. Здѣсь при личномъ освобожденіи крестьянъ легко могъ послѣдовать отказъ ихъ отъ надѣла и уходъ на сторону, причемъ помѣщики лишались бы всего своего дохода отъ оброковъ. Ввести прямо принципъ вознагражденія за личность освобождаемыхъ крѣпостныхъ Левшинъ не рѣшился, такъ какъ и въ обществѣ къ этому времени сильно укоренилась мысль о необходимости безвозмезднаго освобожденія личности крестьянъ, и самъ императоръ Александръ признавалъ несправедливость такого вознагражденія. Въ такихъ обстоятельствахъ Левшинъ придумалъ уловку, которая впослѣдствіи получила большое значеніе: признано было желательнымъ сохранить крестьянамъ усадебную осѣдлость, т. е. усадьбу съ огородомъ, которую крестьяне должны были въ теченіе опредѣленнаго срока обязательно выкупить у помѣщиковъ, причемъ въ оцѣнку этихъ усадебъ предположено было въ промышленныхъ губерніяхъ включить особый элементъ промысловыхъ выгодъ и особыхъ удобствъ. Этимъ путемъ, по мысли Левшина, помѣщикамъ можно было предоставить, при помощи повышенной оцѣнки обязательно выкупаемыхъ усадебъ, получить въ скрытомъ видѣ

вознагражденіе за потерю оброковъ отъ крестьянскихъ промысловъ, т. е. въ сущности вознагражденіе за утрату права на личность крестьянина и на его трудъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ, инспирируемый Н. А. Милютинымъ, котораго ему горячо рекомендовала вел. кн. Елена Павловна, поддерживалъ эти начала въ Комитетѣ, но въ то же время, стремясь скорѣе двинуть дѣло къ исходу, предлагалъ, между прочимъ, немедленно выразить въ особомъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ рѣшительную волю Государя покончить крестьянскій вопросъ при содѣйствіи и участіи дворянства, для чего указать въ томъ же рескриптѣ главныя начала, а затѣмъ пригласить предводителей дворянства, обсудить и развить эти начала въ частныхъ совѣщаніяхъ съ опытнѣйшими помѣщиками въ теченіи извѣстнаго срока. Комитетъ отвергъ однако же, послѣ ряда бурныхъ засѣданій, желательность какой бы то ни было *огласки* и настаивалъ на необходимости *постепенности* и *осторожности* въ веденіи этого дѣла. „Улучшеніе быта“ помѣщичьихъ крестьянъ онъ предполагалъ, въ журналѣ, 18 августа 1857 г. утвержденномъ Александромъ Николаевичемъ, произвести въ три періода, причемъ первый изъ нихъ, неограниченный никакимъ срокомъ, „дабы не стѣснять“ министра внутреннихъ дѣлъ, рѣшено было посвятить собранію разныхъ подготовительныхъ свѣдѣній, предоставивъ въ то же время дворянамъ отпускать своихъ крестьянъ по добровольнымъ соглашеніямъ съ ними, цѣлыми деревнями, для чего издать особый указъ, въ дополненіе къ указамъ 1803 и 1842 г.г., о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ.

По свидѣтельству Левшина (въ его запискахъ), многіе изъ членовъ комитета (послѣ утвержденія этого журнала) „ласкали себя надеждою, что дѣло уснетъ“. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ въ Петербургъ явился генералъ-губернаторъ Литовскихъ губерній Назимовъ съ адресомъ литовскихъ дворянъ, въ которомъ они ходатайствовали, въ виду вновь возбужденнаго правительствомъ вопроса о введеніе у нихъ инвентарныхъ правилъ, дозволить имъ обсудить взамѣнъ того вопросъ о полномъ, но безземельномъ освобожденіи ихъ крестьянъ. Адресъ, привезенный Назимовымъ, три недѣли обсуждался въ Секретномъ Комитетѣ, вызывая длинныя и безплодныя пренія, пока, наконецъ, императоръ Александръ потерявъ терпѣніе, не приказалъ Ланскому составить, при участіи Муравьева, въ восемь дней, проектъ отвѣтнаго рескрипта, принявъ при этомъ въ основаніе докладъ, представленный въ іюлѣ того же 1857 года.

Этотъ рескриптъ, подписанный Государемъ 20 ноября 1857 г. и въ тотъ же день врученный Назимову, явился самой существенной гранью въ развитіи многосложныхъ перепетій крестьянскаго вопроса. Въ немъ правительство рѣшительно пошло на встрѣчу имъ же вызванной иниціативѣ дворянства, выразивъ сочувствіе проявленному дворянствомъ „великодушному“ намѣренію и предписавъ для обсужденія вопроса въ деталяхъ образовать на мѣстахъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ губернскіе дворянскіе комитеты. При этомъ, однако же, комитетамъ этимъ давались опредѣленныя начала, на которыхъ должно было быть основано грядущее „улучшеніе быта“ помѣщичьихъ крестьянъ. Эти начала отнюдь не соотвѣтствовали намѣреніямъ,

выраженнымъ въ адресѣ литовскихъ дворянъ. Вотъ эти начала:

1) „Помѣщикамъ сохраняется право *собственности* на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ *пользованіе* крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и передъ помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція,

и 3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ земскихъ повинностей и земскихъ сборовъ“.

Въ дополнительномъ разъясненіи къ рескрипту, преподанномъ министромъ генералъ-губернатору, указывалось, между прочимъ, что „земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединена къ господскимъ полямъ“. Впрочемъ, разъясненія министра обязательной силы для комитетовъ не имѣли и сообщались лишь, какъ „пособіе“ при ихъ занятіяхъ.

Въ это время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начинаетъ получать все большее вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла Н. А. Милютинъ, бывшій тогда лишь директоромъ хозяйственнаго департамента, но пользовавшійся личнымъ довѣріемъ Ланского и въ то же время имѣвшій могу-

щественную поддержку въ лицѣ вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Константина Николаевича. Милютинъ настойчиво совѣтовалъ министру немедленно разослать копіи рескрипта 20 ноября всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, чтобы побудить и дворянство коренныхъ русскихъ губерній послѣдовать примѣру литовскихъ дворянъ. Ланскому удалось провести соотвѣтствующее постановленіе черезъ главный комитетъ, и когда враги преобразованія, спохватившись, хотѣли на другой день отмѣнить это рѣшеніе, было уже поздно. Оказалось, что, по настоянію Милютина, копіи рескрипта и отношеніе Ланского были напечатаны въ одну ночь и тотчасъ же отправлены на желѣзную дорогу. Этимъ актомъ сдѣланъ былъ важный шагъ, значеніе котораго еще усугубилось, когда, спустя три недѣли, рескриптъ рѣшено было напечатать во всеобщее свѣдѣніе вмѣстѣ съ аналогичнымъ рескриптомъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева (отъ 5 декабря 1857 г.), которому поручено было образовать дворянскій губернскій комитетъ въ Петербургской губерніи на одинаковыхъ приблизительно основаніяхъ съ литовскими, въ виду того, что петербургское дворянство еще раньше заявляло правительству свое намѣреніе заняться устройствомъ быта своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Опубликованіе этихъ рескриптовъ имѣло огромное значеніе для исхода всего дѣла. Послѣ этого, правительство не могло уже взять назадъ или пріостановить надолго разъ начатое дѣло; дворянству всѣхъ прочихъ губерній ничего не оставалось, какъ послѣдовать „великодушному“ примѣру литовскихъ и петербургскихъ помѣщиковъ, подъ опа-

сеніемъ серьезныхъ волненій своихъ крѣпостныхъ; наконецъ, съ опубликованіемъ рескриптовъ, невозможно было удерживать долѣе печать отъ гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса. И обсужденіе это началось немедленно, причемъ первоначальный восторженный тонъ статей — не исключая статьи Герцена въ „Колоколѣ“ („Черезъ три года“—Ты побѣдилъ, Галлилеянинъ!) и Чернышевскаго въ „Современникѣ“ („О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“)—не замедлилъ вскорѣ смѣниться болѣе или менѣе строгой и болѣе или менѣе основательной критикой данной въ рескриптахъ правительственной программы съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Еще быстрѣе, нежели въ печати, стали получаться критическіе отзывы на рескриптъ въ тѣхъ отвѣтахъ на конфиденціальные запросы Ланского, которые ему присылали запрошенные имъ губернскіе предводители дворянства въ первые же недѣли послѣ разсылки копій рескриптовъ и ихъ опубликованія. Въ большинствѣ губерній дворянство опасалось и крестьянскихъ волненій и хозяйственныхъ потрясеній, вслѣдствіе внезапности принятой рѣшительной мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ, дворянству чрезвычайно не нравилась перспектива лишиться фактически значительной части своихъ земель и права свободнаго распоряженія ими впослѣдствіи. Наоборотъ, въ губерніяхъ нечерноземныхъ, промышленныхъ, помѣщики выражали опасеніе, что при условіяхъ реформы, указанныхъ въ рескриптахъ, они лишатся возможности получать оброки съ своихъ крѣпостныхъ, послѣ того, какъ эти послѣдніе, сдѣлавшись лично свободными, разбредутся въ разныя стороны.

Самую сильную критику на программу реформы, преподанную въ рескриптахъ, представилъ тверской предводитель дворянства А. М. Унковскій. Въ запискѣ, присланной министру внутреннихъ дѣлъ и составленной Унковскимъ вмѣстѣ съ Головачовымъ, онъ доказывалъ, стоя на точкѣ зрѣнія прогрессивныхъ помѣщиковъ промышленныхъ губерній, что палліативы, указанные въ рескриптахъ, и особенно постепенность упраздненія крѣпостного права и переходное „срочно-обязанное положеніе“ совсѣмъ не разрѣшаютъ вопроса, что и крестьяне не помирятся съ такой половинчатой свободой, и помѣщики разорятся, и что, наконецъ, даже и исправное поступленіе податей, прп отсутствіи собственной земли у крестьянина и права свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика, не можетъ быть ничѣмъ обезпечено. Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи“, Унковскій считалъ *выкупъ* крѣпостного права, т. е. личности крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. При этомъ онъ требовалъ, чтобы операція эта совершена была съ содѣйствіемъ правительства, чтобы помѣщики разомъ получили всю выкупную сумму, хотя бы въ видѣ облигацій, приносящихъ опредѣленный доходъ и реализуемыхъ на рынкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оговаривался, что уплата стоимости земли должна быть произведена самими крестьянами въ видѣ разсроченныхъ платежей, а та часть вознагражденія, которая будетъ причитаться за утрату права распоряженія рабочей

силой крестьянъ, должна быть выплачена государствомъ при участіи всѣхъ сословій, такъ какъ крѣпостное право и установлено было въ свое время, и отмѣняется теперь, во имя государственныхъ нуждъ и соображеній. Свою точку зрѣнія Унковскій сумѣлъ внушить многимъ помѣщикамъ Тверской и нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній, и, когда начались работы тверского комитета, то въ немъ большинствомъ голосовъ принятъ былъ планъ работы, согласный съ изложенными взглядами, но противорѣчившій, конечно, буквальному смыслу рескриптовъ и сопроводительныхъ наставленій министра.

Между тѣмъ правительство, вначалѣ имѣвшее въ виду предоставить губернскимъ комитетамъ полную свободу внутренней организаціи ихъ работъ и выработки мѣстныхъ положеній въ рамкахъ рескриптовъ, услыхавъ о несогласіяхъ и недоразумѣніяхъ, которыя возникаютъ среди дворянства разныхъ губерній при толкованіи смысла рескриптовъ, рѣшило дать опредѣленную программу занятій губернскихъ комитетовъ и точно установленную форму для вырабатываемыхъ ими проектовъ положеній. Дѣло это попало въ руки ловкаго человѣка, помѣщика хлѣбородной и относительно густонаселенной Полтавской губерніи, М. П. Позена, который въ то время, выдавая себя за либерала, пользовался полнымъ довѣріемъ Ростовцева. Позенъ выработалъ программу, которая должна была окончательно поставить точки на і и ввести работы губернскихъ комитетовъ въ очень опредѣленныя рамки. Исходя при этомъ изъ интересовъ помѣщиковъ хлѣбородныхъ черноземныхъ губерній, Позенъ стремился незамѣтно провести мысль, что вырабатываемыя положенія должны имѣть въ виду

лишь переходный срочно-обязанный періодъ, что только на это время крестьянамъ должны быть опредѣлены надѣлы, которые затѣмъ должны *вернуться въ полное распоряженіе помѣщиковъ*, а крестьяне должны получить полную свободу, но *безъ земли*, причемъ и выкупъ усадебъ не ставился въ связь съ прекращеніемъ срочно-обязанныхъ отношеній, но за помѣщиками во всякомъ случаѣ оставлялась сильная вотчинная власть въ ихъ имѣніяхъ.

Первоначально, большинство тверского комитета, согласно съ Унковскимъ, думало обойти эту программу, признавъ, что подъ усадьбой, подлежащей выкупу на основаніи рескриптовъ, слѣдуетъ разумѣть *весь* земельный надѣлъ. Но меньшинство, опираясь на букву рескриптовъ и Позеновской программы, протестовало противъ такого распространительнаго толкованія рескриптовъ и министерство внутреннихъ дѣлъ должно было признать взглядъ меньшинства формально правильнымъ. Тогда большинство комитета командировало въ Петербургъ депутацію изъ 4-хъ членовъ съ Унковскимъ во главѣ къ Ланскому и Ростовцеву, которымъ эта депутація рѣшительно заявила, что если правительство желаетъ имѣть проектъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній отъ тверского дворянства, то такой проектъ можетъ быть выработанъ только на основаніяхъ надѣленія крестьянъ землей въ собственность и полнаго упраздненія крѣпостныхъ отношеній съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за матеріальный ущербъ при помощи выкупа. Если же это не будетъ дозволено, то комитетъ разойдется, а правительство пусть поручитъ дѣло составленія положеній чиновникамъ, которые напишутъ все, что имъ прикажутъ. Это рѣшительное заявленіе тверского комитета послѣдовало въ октябрѣ 1858 г.,

когда и Ланской, и Ростовцевъ уже значительно поколебались въ своихъ взглядахъ на необходимость срочно-обязаннаго положенія и невозможность выкупа.

Ростовцевъ, лѣтомъ 1858 г. отдыхая за границей и внимательно читая различные проекты освобожденія крестьянъ, въ томъ числѣ и заграничные, между которыми были составленные дѣловыми людьми — банкирами (проектъ Френкеля и Гомберга), все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что переходное „срочно-обязанное“ положеніе само по себѣ не только не устраняетъ различныхъ опасностей и тяжелыхъ недоразумѣній, но даже необходимо ихъ обусловливаетъ. Еще и раньше онъ смутно предчувствовалъ, что крестьяне въ этотъ переходый періодъ, объявленные лично свободными, но обязанные въ то же время отбывать барщину и оброки помѣщикамъ, не легко будутъ подчиняться требованіямъ помѣщиковъ и не поймутъ смысла изданныхъ положеній. Поэтому онъ проектировалъ вмѣстѣ съ государственнымъ секретаремъ Бутковскимъ въ началѣ 1858 г. ввести на это переходное время рядъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, въ видѣ облеченныхъ особою властью уѣздныхъ начальниковъ и временныхъ генералъ-губернаторовъ. Но эти проекты подверглись сильной критикѣ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ и многихъ частныхъ лицъ, которыя доказывали, что это будетъ не „срочно-обязанное“, а настоящее „осадное“ положеніе, которое сдѣлаетъ жизнь въ провинціи невыносимой. И Ростовцевъ понялъ основательность этихъ возраженій и отказался отъ своихъ проектовъ, несмотря на энергичную поддержку, которую оказывалъ имъ самъ Императоръ Александръ, въ особенности

недовольный рѣзкой критикой ихъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ въ запискѣ, представленной ему Ланскимъ и составленной калужскимъ губернаторомъ Арцимовичемъ, но долго приписывававшейся Милютину.

Вникая во время заграничнаго своего отдыха глубже въ сущность задачи и яснѣе представляя себѣ возможныя формы ея разрѣшенія, Ростовцевъ излагалъ свои новыя мысли и соображенія Императору въ частныхъ письмахъ изъ Вильдбада и Дрездена, причемъ въ четвертомъ (и послѣднемъ) изъ этихъ писемъ онъ уже признавалъ, что чѣмъ больше сократить переходное срочно-обязанное положеніе, тѣмъ для спокойствія страны лучше; что для того, чтобы при этомъ на мѣстѣ не нарушался порядокъ и ни на минуту не колебалась сильная власть, нужно власть эту сосредоточить въ крестьянскомъ мірѣ и его избранныхъ, предоставивъ помѣщику имѣть дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а только съ міромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ четвертомъ письмѣ Ростовцевъ вполнѣ уже усвоилъ идею выкупа, какъ общей финансовой мѣры; онъ не допускалъ только обязательности этой мѣры для обѣихъ сторонъ и считалъ, что выкупныя сдѣлки при содѣйствіи правительства должны заключаться между помѣщиками и крестьянами по добровольнымъ соглашеніямъ между ними.

Въ то же время и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ мысль о возможности и осуществимости выкупной операціи начала проводиться Милютинымъ и Соловьевымъ, которые получили непосредственное вліяніе на направленіе работъ по крестьянской реформѣ съ образованіемъ въ составѣ министерства особаго земскаго отдѣла, въ кото-

ромъ сосредоточились всѣ подготовительныя работы по крестьянскому дѣлу. Земскій отдѣлъ открытъ былъ 4 марта 1858 года подъ предсѣдательствомъ товарища министра А. И, Левшина; Я. А. Соловьевъ назначенъ былъ непремѣннымъ членомъ отдѣла, завѣдывавшимъ его дѣлами, Н. А. Милютинъ состоялъ членомъ отдѣла въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента. Роль Левшина, съ изданіемъ рескриптовъ, оказалась уже сыгранной; онъ не сочувствовалъ быстрымъ и энергичнымъ распоряженіямъ по дѣлу крестьянской реформы, а изданіе и въ особенности опубликованіе рескриптовъ считалъ опаснымъ для государства „salto mortale“. Въ земскомъ отдѣлѣ, какъ разъ въ это время, началась лихорадочная работа, и Левшинъ уступилъ здѣсь центральное мѣсто болѣе молодымъ и способнымъ дѣятелямъ Соловьеву и Милютину, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ смѣнилъ его и на посту товарища министра.

Соловьевъ, до привлеченія его въ составъ земскаго отдѣла, служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ въ теченіи многихъ лѣтъ занимался кадастромъ казенныхъ населенныхъ имѣній и, слѣдовательно, изученіемъ быта государственныхъ крестьянъ, а попутно знакомился и съ общими условіями дореформенной сельской жизни и крестьянскаго быта въ Россіи. Въ 1855 г. онъ издалъ очень важное статистическое изслѣдованіе о положеніи сельскаго хозяйства и крестьянскаго населенія въ Смоленской губерніи, а затѣмъ выступилъ въ 1857 съ рядомъ замѣчательныхъ статей о поземельной собственности въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Онъ былъ убѣжденный сторонникъ радикальной крестьянской

реформы и превосходный, неутомимый и стойкій работникъ. Ему, можетъ быть, не доставало иногда тонкой оборотливости и внѣшней изысканности и такта, чтобы самостоятельно вести защиту ввѣреннаго ему дѣла въ совѣщательныхъ комиссіяхъ, но онъ былъ незамѣнимъ въ дѣлѣ собранія и подготовки необходимыхъ матеріаловъ, добросовѣстнаго подбора и правильной и умѣлой критической оцѣнки различныхъ статистическихъ данныхъ и фактовъ, столь необходимыхъ для вооруженія въ тогдашней отвѣтственной и непрерывной борьбѣ за крестьянскіе интересы всѣхъ главнѣйшихъ защитниковъ этихъ интересовъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ, и въ главномъ комитетѣ, и въ личныхъ докладахъ Императору и, наконецъ, въ государственномъ совѣтѣ. Эта важная черновая, невидная, но весьма трудная и отвѣтственная работа, сослужившая огромную службу въ дѣлѣ разоблаченія различныхъ подтасовокъ, клеветъ и систематическихъ запугиваній правительства со стороны враговъ реформы и въ то же время снабженія необходимыми данными и обоснованіемъ фактическимъ матеріаломъ докладовъ и выступленій ея сторонниковъ и защитниковъ, была прекрасно выполняема Соловьевымъ въ теченіи всей выработки положеній 19 февраля въ редакціонныхъ комиссіяхъ и въ другихъ высшихъ инстанціяхъ.

Роль Милютина была еще отвѣтственнѣе и важнѣе. Ростовцевъ впослѣдствіи выразился какъ-то, что Милютинъ былъ нимфой Эгеріей редакціонныхъ комиссій. Ту же роль нимфы Эгеріи игралъ онъ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ это министерство онъ вступилъ еще въ 1835 г. неопытнымъ и малоподготовленнымъ къ жизни

юношей 17-ти лѣтъ, тотчасъ по окончаніи курса въ московскомъ университетскомъ „благородномъ“ пансіонѣ. Можетъ быть, въ министерскихъ канцеляріяхъ на него обращали нѣсколько больше вниманія, чѣмъ на остальныхъ мелкихъ чиновниковъ, потому что онъ былъ по матери роднымъ племянникомъ министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева, но несомнѣнно больше всего ему помогли выдвинуться его выдающіяся дарованія, которыя обнаружились съ первыхъ же лѣтъ его службы. При гр. Перовскомъ, состоя въ должности начальника отдѣленія хозяйственнаго департамента и не имѣя отъ роду 30-ти лѣтъ, онъ былъ уже замѣтной фигурой въ министерствѣ, и предпринятое въ сороковыхъ годахъ по его иниціативѣ изслѣдованіе городского хозяйства въ разныхъ городахъ Россійской имперіи,—дѣло, къ которому онъ сумѣлъ привлечь въ то время такихъ представителей своего поколѣнія, какъ Юрій Самаринъ и Иванъ Аксаковъ—привело въ 1846 г. къ реформѣ петербургскаго общественнаго управленія на тѣхъ же приблизительно началахъ, на которыхъ впослѣдствіи построена была городовая реформа 1870 года.

Въ 1856—1857 г.г. пользуясь старымъ знакомствомъ и дружбой съ Ю. Ф. Самаринымъ и болѣе новымъ съ К. Д. Кавелинымъ, Милютинъ, въ общеніи съ ними, основательно приготовился къ участію въ крестьянской реформѣ, познакомившись въ то же время и со старыми архивными матеріалами. Уже въ томъ же 1857 г. онъ имѣлъ нѣсколько случаевъ проводить свои взгляды на это дѣло въ бесѣдахъ съ Ланскимъ, съ которымъ онъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ по должности директора хозяйственнаго департамента. Съ другой стороны

онъ же инспирировалъ въ это время, какъ уже было указано, вел. княгиню Елену Павловну и вел. кн. Константина Николаевича, проводя и здѣсь съ одной стороны мысль о необходимости коренной и радикальной реформы, въ видѣ освобожденія крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ, а съ другой стороны указывая и способы, какъ воспользоваться въ этомъ дѣлѣ дворянской инициативой и въ то же время не дать волѣ дворянства слишкомъ большой роли въ ходѣ всего дѣла, чтобы обострившіеся дворянскіе интересы и аппетиты не парализовали благого значенія предпринятой реформы для народныхъ массъ. Эта дѣятельность Милютина была скоро замѣчена придворными крѣпостниками и реакціонерами и они поспѣшили скомпрометировать его имя въ глазахъ Государя, приписывая ему радикальныя политическія воззрѣнія и даже революціонныя намѣренія, и въ этомъ они успѣли въ значительной мѣрѣ. Въ концѣ концовъ Милютину благодаря этимъ интригамъ, едва не пришлось выйти въ отставку въ 1858 году, и только рѣшительная защита его Ланскимъ, поддержанная въ совѣтѣ министровъ кн. Горчаковымъ (министромъ иностранныхъ дѣлъ), а внѣ совѣта вел. кн. Еленой Павловной, устранила на этотъ разъ удаленіе его отъ дѣлъ. Несмотря, однако же, на всѣ усилія придворныхъ недоброжелателей Милютина, успѣвшихъ возстановить противъ него Государя, имъ не удалось помѣшать въ началѣ 1859 г., послѣ удаленія въ отставку Левшина, назначенію Милютина на постъ товарища министра, хотя и съ званіемъ лишь „временно исправляющаго эту должность“, что, впрочемъ, не помѣшало Милютину исправлять ее вплоть до изданія положеній 19 февраля 1861 года.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что, во взгядахъ на крестьянскую реформу, Милютинъ раздѣлялъ точку зрѣнія Самарина, которую этотъ послѣдній подробно обосновалъ въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ въ „Сельскомъ благоустройствѣ“. Оба они понимали предпочтительность радикальнаго рѣшенія вопроса при помощи обязательнаго выкупа при условіи, конечно, освобожденія крестьянъ съ тѣми приблизительно надѣлами, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, но сознавали и тѣ опасности и трудности, которыя сопряжены съ такимъ исходомъ дѣла для государственной казны, истощенной послѣдней войной и находившейся въ то время въ слабыхъ и неискусныхъ рукахъ такихъ министровъ, какъ Брокъ, а затѣмъ Княжевичъ. Во всякомъ случаѣ, самой важной стороной реформы Милютинъ вмѣстѣ съ Самаринымъ признавалъ освобожденіе крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ и очень недовѣрчиво относился къ планамъ и видамъ большинства дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. Тѣмъ не менѣе, въ требованіяхъ прогрессивнаго большинства тверского губернскаго комитета онъ не могъ не видѣть стремленія найти добросовѣстное и радикальное рѣшеніе вопроса съ соблюденіемъ выгодъ и интересовъ не только помѣщиковъ, но и крестьянъ.

Въ концѣ концовъ, и Ланской, и Ростовцевъ признали необходимымъ предоставить тверскому комитету довести свой планъ до конца, и ему было разрѣшено сверхъ проекта, основаннаго на Позеновской программѣ и имѣвшаго въ виду устройство крестьянъ въ переходномъ срочно-обязанномъ періодѣ, выработать и особый выкупной проектъ, имѣвшій въ виду немедленное и едино-

временное полное освобожденіе крестьянъ съ землей. Вскорѣ такое же разрѣшеніе дано было калужскому комитету и еще 15-ти другимъ, не успѣвшимъ къ тому времени окончить своихъ работъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ростовцевъ внесъ въ главный комитетъ по Высочайшему повелѣнію извлеченіе изъ своихъ заграничныхъ писемъ къ императору Александру и это извлеченіе обсуждалось въ нѣсколькихъ засѣданіякъ, журналы которыхъ были утверждены Государемъ 26 октября и 4 декабря 1858 года.

Въ этихъ постановленіяхъ сдѣланы были чрезвычайно важныя поправки и дополненія къ первоначальной правительственной программѣ, имѣвшія огромное значеніе для послѣдующаго хода разработки крестьянской реформы. Впрочемъ, на направленіе работъ губернскихъ комитетовъ эти измѣненія правительственной программы не могли отразиться, потому что комитеты къ этому времени уже заканчивали свои работы; за то они отразились весьма существенно съ самаго начала на направленіи работъ того учрежденія, которое образовано было подъ названіемъ „редакціонныхъ комиссій“ при главномъ комитетѣ для разсмотрѣнія и сводки проектовъ губернскихъ комитетовъ и для проектированія затѣмъ положеній, какъ общаго для всей Россіи, такъ и мѣстныхъ для различныхъ полосъ или областей.

Эти коммиссіи были образованы, въ мартѣ 1859 г., подъ предсѣдательствомъ, или, какъ сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи, „подъ начальствомъ“, генерала Ростовцева изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, соприкасавшихся съ крестьянскимъ дѣломъ и кодификаціонными работами, а также изъ „членовъ-экспертовъ“ въ

лицѣ помѣщиковъ, извѣстныхъ своими проектами по крестьянскому дѣлу или обратившихъ на себя вниманіе своими работами въ разныхъ губернскихъ комитетахъ. Мысль ввести такихъ членовъ-экспертовъ въ составъ редакціонныхъ комиссій возникла въ тотъ моментъ у Милютина и онъ выразилъ ее Государю при своемъ представленіи послѣднему по случаю своего назначенія къ исправленію должности товарища министра. Затѣмъ онъ выразилъ ту же мысль и Ростовцеву, который и самъ высказывалъ нѣчто подобное въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Государю. Мысль эта была одобрена, и вообще у Милютина и онъ выразилъ ее Государю при своемъ представленіи послѣднему по случаю своего назначенія къ исправленію должности товарища министра. Затѣмъ онъ выразилъ ту же мысль и Ростовцеву, который и самъ высказывалъ нѣчто подобное въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Государю. Мысль эта была одобрена, и вообще у Милютина, вопреки его опасеніямъ, сразу же установились съ Ростовцевымъ очень хорошія отношенія. Ростовцевъ не только отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, но и просилъ его участія въ дѣлѣ подбора личнаго состава редакціонныхъ коммиссій, и Милютинъ, воспользовавшись этимъ, ввелъ туда нѣсколькихъ членовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи главными двигателями въ нихъ всего дѣла. Члены эти были: Ю. Ф. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій (съ которымъ Милютинъ еще не былъ лично знакомъ въ то время), В. В. Тарновскій, Г. П. Галаганъ, не говоря о Я. А. Соловьевѣ, который былъ назначенъ въ составъ комиссій отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, конечно, также съ вѣдома Милютина.

Но на ряду съ этими приверженцами реформы въ комиссіи вступило и нѣсколько лицъ, съ которыми Милютину и его друзьямъ пришлось впослѣдствіи выдержать упорную и ожесточенную борьбу. Это были предводители дворянства: Петербургской губ.—гр. П. П. Шуваловъ и Орловской—В. В. Апраксинъ, генералъ-адъютантъ кн. Паскевичъ,

упоминавшійся уже полтавскій помѣщикъ Позенъ, редакторъ „Журнала землевладѣльцевъ“ А. Д. Желтухинъ и одинъ изъ представителей министерства государственныхъ имуществъ Булыгинъ, упорно отстаивавшій взгляды своего принципала М. Н. Муравьева. Первоначально было образовано двѣ редакціонныхъ комиссіи—одна для выработки общаго положенія, другая для выработки мѣстныхъ; но Ростовцевъ, пользуясь предоставленной ему властью, съ самаго же начала слилъ ихъ въ одну, подраздѣливъ ее затѣмъ на отдѣленія: административное, юридическое и хозяйственное, къ которымъ вскорѣ присоединена была еще особая финансовая комиссія для выработки положенія о выкупѣ. Всѣ эти отдѣленія имѣли значеніе подкомиссій, вырабатывавшихъ доклады для общаго собранія комиссій—доклады, которые и ложились затѣмъ въ основаніе различныхъ отдѣловъ положеній. Въ двухъ важнѣйшихъ изъ этихъ отдѣленій — хозяйственномъ и финансовомъ — предсѣдательствовалъ Милютинъ. Но его роль этимъ не ограничивалась. Ростовцевъ не напрасно назвалъ его нимфой Эгеріей редакціонныхъ комиссій. Онъ дѣйствительно былъ центральнымъ лицомъ всей работы, руководителемъ всей внутреннеї политики комиссій, а затѣмъ и вождемъ передовыхъ ея членовъ въ борьбѣ съ тѣми враждебными дѣлу реформы силами, которыя дѣйствовали внутри комиссій и за стѣнами ихъ засѣданій. Ему удалось съ самаго же начала создать сплоченную группу убѣжденныхъ, достаточно спѣвшихся между собой и въ высшей степени талантливыхъ и трудоспособныхъ защитниковъ реформы въ лицѣ Самарина, Черкасскаго и Соловьева, къ которымъ по большей части спорныхъ вопросовъ присоединя-

лись: Тарновскій, Галаганъ, Петръ Семеновъ и др. Группа эта вполнѣ овладѣла довѣріемъ Ростовцева, причемъ Милютину удалось на первыхъ же порахъ вытѣснить вредное вліяніе на Ростовцева ловкаго и хитраго дѣльца Позена, который въ редакціонныхъ комиссіяхъ былъ совершенно разоблаченъ и вынужденъ прямо признать себя сторонникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.

На первыхъ же порахъ, редакціоннымъ комиссіямъ пришлось выдержать важное состязаніе съ вліятельными защитниками феодальныхъ стремленій петербургскаго дворянства гр. Шуваловымъ и кн. Паскевичемъ, которые, опираясь на точный смыслъ рескриптовъ, настаивали на сохраненіи навсегда права собственности на всѣ земли за помѣщиками, отрицали допустимость всѣхъ формъ выкупа, кромѣ отдѣльныхъ добровольныхъ сдѣлокъ, и въ особенности настаивали на предоставленіи помѣщикамъ вотчинной власти и вотчинной юрисдикціи на ихъ земляхъ въ видѣ неприкосновеннаго сеньеріальнаго права, утверждая, что въ противномъ случаѣ выкупъ становится, если и не обязательнымъ формально, то вынужденнымъ. Борьба эта началась въ первыхъ же засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій, въ связи съ тѣми измѣненіями въ правительственной программѣ, которыя сообщены были комиссіямъ на основаніи постановленій главнаго комитета (отъ 26 октября и 4 декабря 1858 г.), явившихся, какъ уже сказано, въ свою очередь, послѣдствіемъ видоизмѣненія взглядовъ Ростовцева. Новая программа правительства, предъявленная комиссіямъ, при самомъ открытіи ихъ занятій, удачно была формулирована впослѣдствіи Н. П. Семеновымъ (въ его „Исторіи

освобожденія крестьянъ въ Россіи“) въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Освободить крестьянъ *съ землей.*

2) Конечною развязкой освобожденія считать *выкупъ* крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ въ собственность.

3) Оказать *содѣйствіе дѣлу выкупа* посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціами правительства.

4) Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или во всякомъ случаѣ, *сократить переходное состояніе.*

5) *Барщину уничтожить* законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) Дать *самоуправленіе* освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Эта программа, сочувственно принятая членами редакціонныхъ комиссій, легла въ основу ихъ работъ.

Но, принявъ эту программу, комиссіямъ пришлось стать, конечно, въ противорѣчіе съ большею частью проектовъ губернскихъ комитетовъ, которые ея не имѣли въ виду въ своихъ работахъ и обязаны были руководиться рескриптами и Позеновской программой, которой новая программа совершенно противорѣчила. Редакціонныя комиссіи рѣшили не считаться съ волею дворянства, выраженною въ комитетскихъ проектахъ, и считать ихъ лишь за матеріалъ для своихъ собственныхъ построеній. Работы коммиссій печатались, по приказанію Ростовцева, въ 3000 экземпляровъ и широко разсылались по Россіи. Такимъ образомъ, дворянство очень скоро увидѣло, что напра-

вленіе дѣла уходитъ изъ его рукъ. Между тѣмъ, государь, объѣзжая различныя губерніи еще лѣтомъ 1858 г., бесѣдовалъ въ то время съ представлявшимися ему предводителями дворянства и членами губернскихъ комитетовъ, неоднократно изъявлялъ дворянству свою благодарность за великодушный починъ и обѣщалъ, что, при разсмотрѣніи дѣла въ Петербургѣ, отъ каждаго губернскаго комитета вызваны будутъ депутаты для участія въ окончательномъ обсужденіи всего дѣла. Дворяне поняли эти слова въ томъ смыслѣ, что депутаты губернскихъ комитетовъ будутъ допущены *въ главный комитетъ* и будутъ участвовать тамъ въ окончательномъ рѣшеніи вопроса. Рѣшительнымъ противникомъ такого толкованія этого обѣщанія Государя явился Милютинъ, который убѣдилъ и Ростовцева, и Ланского, что допущеніе дворянскихъ депутатовъ въ главный комитетъ, хотя бы съ совѣщательнымъ только голосомъ, можетъ при данномъ составѣ самого главнаго комитета, опрокинуть все дѣло и совершенно исказить благополучный исходъ реформы. Рѣшено было поэтому допустить депутатовъ губернскихъ комитетовъ лишь къ критикѣ проектовъ редакціонной комиссіи въ засѣданіяхъ этой послѣдней, причемъ и тутъ рѣшено было предоставить имъ лишь изложить свои замѣчанія и защищать свои проекты, но отнюдь не допускать ихъ къ голосованіямъ, а, слѣдовательно, и къ участію въ рѣшеніи самого дѣла даже и въ этой подготовительной, переходной его стадіи.

Работы комиссій, по плану Ростовцева, раздѣлены были на нѣсколько періодовъ. Въ первомъ періодѣ разсмотрѣны были проекты лишь 21 губернскихъ комитетовъ, ранѣе другихъ закончившихъ

свои работы, причемъ, по составленіи перваго наброска проекта положеній на основаніи этого матеріала въ редакціонныхъ коммисіяхъ, рѣшено было вызвать въ Петербургъ сначала депутатовъ только отъ этихъ 21 комитетовъ. Затѣмъ, по выслушаніи ихъ замѣчаній и по обсужденіи остальныхъ проектовъ, внести въ свои предположенія необходимыя исправленія и измѣненія и тогда вызвать депутатовъ отъ остальныхъ комитетовъ, послѣ чего составить уже окончательные проекты, воспользовавшись всѣмъ этимъ матеріаломъ и критикой депутатовъ. Этотъ планъ и былъ осуществленъ въ дѣйствительности. Прибытія депутатовъ въ концѣ перваго періода работъ редакціонныхъ коммиссій члены этихъ послѣднихъ ожидали не безъ волненія, ибо враги реформы и враги того направленія, которое дѣло это приняло въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, естественно считали прибытіе депутатовъ самымъ удобнымъ моментомъ для генеральнаго сраженія, которое могло привести къ полному искаженію всего дѣла.

Главные пункты, въ которыхъ воля дворянства могла считаться особенно рѣзко нарушенною, сводились къ самымъ важнымъ матеріальнымъ условіямъ ликвидаціи крѣпостного строя. Во-первыхъ отвергнуты были все тѣ проекты губернскихъ комитетовъ, которые признавали, что съ окончаніемъ срочно-обязаннаго періода, т. е. черезъ 8—12 лѣтъ, вся земля, за исключеніемъ усадебъ, возвращается въ распоряженіе помѣщика; затѣмъ рѣзко измѣнены были нормы земельныхъ надѣловъ, которыя коммиссіи старались приблизить къ нормамъ существующаго пользованія; сильно понижены оцѣнки усадебъ и размѣры вычисленныхъ комитетами оброковъ за прочія угодія. Наконецъ, совершенно из-

мѣнены всѣ постановленія, клонившіяся къ сохраненію въ томъ или иномъ объемѣ вотчинной власти помѣщиковъ, въ качествѣ „начальниковъ“ сельскихъ обществъ, предположенныхъ согласно Позеновской программѣ.

Милютинъ, считая необходимымъ заранѣе противопоставить натиску враждебныхъ реформѣ элементовъ сильное и яркое освѣщеніе своекорыстныхъ поползновеній большинства губернскихъ комитетовъ, составилъ особую записку (представленную Государю Ланскимъ) съ обозрѣніемъ дѣятельности губернскихъ комитетовъ первой очереди, причемъ подвергъ эту дѣятельность сжатому, но рѣзкому разбору, и въ заключеніе указалъ, что, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, не слѣдуетъ допускать депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ до какихъ-либо общихъ постановленій, а слѣдуетъ лишь предложить имъ представить свои отдѣльные отзывы на труды редакціонныхъ комиссій въ ихъ засѣданіяхъ, спеціально этому посвященныхъ. Эта записка, хранившаяся въ то время въ глубокой тайнѣ (теперь она напечатана у Семенова: „Освобожденіе крестьянъ“, т. I, стр. 827), была одобрена императоромъ Александромъ и соотвѣтственно этому рѣшено было дать инструкціи депутатамъ. Узнавъ объ этомъ, депутаты пришли, разумѣется, въ крайнее раздраженіе. Сперва они хотѣли подать Государю адресъ съ сильнымъ протестомъ противъ такихъ незаконныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствій ненавистной имъ бюрократіи, а когда адресъ этотъ не былъ принятъ, то они составили коллективное письмо на имя Ростовцева, въ которомъ ходатайствовали о предоставленіи имъ права собираться и дѣйствовать сообща, вырабатывая общія постановленія для представленія ихъ „на

судъ высшаго правительства". Частныя совѣщанія имъ были разрѣшены, но безъ права дѣлать постановленія, и было обѣщано отъ лица Государя, что всѣ соображенія ихъ дойдутъ до него черезъ главный комитетъ. На первый разъ депутаты этимъ какъ будто удовлетворились и затѣмъ въ замѣчаніяхъ своихъ, которыя въ печатномъ видѣ составили 2 толстыхъ тома, подвергли работы и выводы редакціонныхъ комиссій рѣзкой и безпощадной критикѣ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія были настроены въ общемъ весьма либерально и, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, отнюдь не были крѣпостниками. Они принадлежали въ большинствѣ къ комитетамъ промышленныхъ нечерноземныхъ и получерноземныхъ губерній и опредѣленно высказывались не только за освобожденіе крестьянъ, но и за надѣленіе ихъ землей. Однако, почти всѣ они высказались противъ отвода надѣловъ крестьянамъ въ *безсрочное* пользованіе *за разъ навсегда установленныя повинности*. Они опасались, и не безъ основанія, что исправное отбываніе барщины безъ удержанія прежней помѣщичьей власти фактически окажется невозможнымъ, установленіе же оброковъ безъ права *переоброчки* признавали несправедливымъ нарушеніемъ правъ собственности помѣщиковъ, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на землю. Большая часть депутатовъ требовали обязательнаго единовременнаго выкупа при помощи особой кредитной операціи. Очень немногіе предпочитали систему вѣчно-наслѣдственнаго пользованія, но съ правомъ періодической переоброчки, и лишь нѣсколько человѣкъ выразили стремленіе къ удержанію всей земли въ распоряженіи

помѣщиковъ по истеченіи срочно-обязаннаго періода.

Многіе депутаты возражали противъ выведенныхъ комиссіями земельныхъ нормъ, очень повышенныхъ въ сравненіи съ нормами, предположенными въ губернскихъ комитетахъ. Въ то же время они признавали разорительнымъ для помѣщиковъ и нормы оброковъ, установленныя комиссіями.

Но съ наибольшимъ единодушіемъ депутаты напали на проектъ административнаго устройства крестьянъ, причемъ они не обращались къ прямой защитѣ вотчинной власти помѣщиковъ, но рѣзко нападали на стремленіе комиссій подчинить создаваемые ими органы крестьянскаго самоуправленія мѣстной уѣздной полиціи, чѣмъ нарушался, конечно, и самый принципъ самоуправленія. Въ этой части своихъ нападокъ депутаты стояли на почвѣ либеральныхъ и даже демократическихъ принциповъ и потому эта часть ихъ критики произвела наибольшее впечатлѣніе на многихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій и на всѣхъ передовыхъ людей въ Россіи. Лучше всѣхъ, эти мысли формулировалъ въ своихъ замѣчаніяхъ тверской депутатъ Унковскій, который не ограничился при этомъ критикой административнаго устройства крестьянъ по проекту комиссій, но рѣзко раскритиковалъ и всю существовавшую въ то время систему мѣстнаго уѣзднаго управленія, а затѣмъ противопоставилъ ей свой собственный проектъ, одобренный тверскимъ комитетомъ. Унковскій требовалъ коренной перестройки всего мѣстнаго управленія на началахъ децентрализаціи и самоуправленія, наименьшей единицей котораго, по его мнѣнію, слѣдовало сдѣлать всесословную волость.

Въ концѣ своего пребыванія въ Петербургѣ, депутаты, однако же, ясно увидѣли, что ихъ замѣчанія едва ли могутъ быть прочтены Государемъ даже ужъ въ силу одного своего слишкомъ значительнаго объема. Поэтому передъ отъѣздомъ они опять рѣшились обратиться къ Государю съ адресомъ, въ которомъ хотѣли просить допустить ихъ въ главный комитетъ при окончательномъ разсмотрѣніи всего дѣла. Но общій адресъ не состоялся, и они разбились при этомъ на группы. Часть изъ нихъ, въ числѣ 18 человѣкъ, представила адресъ, редактированный въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, съ просьбой лишь допустить ихъ представить свои замѣчанія въ главномъ комитетѣ. Симбирскій депутатъ Шидловскій представилъ особый адресъ съ требованіями въ олигархическомъ духѣ, хотя и крайне туманно выраженными. Наконецъ, пять депутатовъ съ Унковскимъ во главѣ, на ряду съ рѣзкими нападками на дѣйствія бюрократіи и на бюрократическій строй и требованіемъ обязательнаго выкупа, изложили также свой взглядъ на необходимыя преобразованія въ судебномъ и административномъ строѣ страны.

Одновременно съ этими адресами, подалъ Государю записку непринадлежавшій къ числу депутатовъ помѣщикъ Петербургской губерніи, аристократъ (племянникъ кн. Орлова) и камергеръ Высочайшаго двора М. А. Безобразовъ, и въ ней, крайне рѣзко обрушиваясь на дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя комиссіи, требовалъ „обузданія“ бюрократіи и созыва выборныхъ представителей дворянства, на которыхъ, по его мнѣнію, и должна опираться въ своихъ дѣйствіяхъ верховная власть въ Россіи.

Гнѣвъ Александра, вызванный крайне рѣзкими выраженіями этой записки, отразился, повидимому, и на его отношеніи къ адресамъ депутатовъ, хотя послѣдніе и были составлены въ тонѣ весьма лойяльномъ и корректномъ. Депутатамъ, подписавшимъ адресы, объявленъ былъ выговоръ черезъ губернаторовъ, а замѣчанія ихъ оставлены были, по большей части, безъ вниманія. Въ концѣ концовъ, вся эта исторія, послужившая началомъ къ развитію оппозиціоннаго движенія въ дворянскихъ кругахъ и въ части общества, въ то время оказалась въ сущности на руку редакціоннымъ комиссіямъ и благополучному исходу ихъ работъ, такъ какъ она укрѣпила симпатіи къ нимъ и къ ихъ дѣлу въ императорѣ Александрѣ.

Послѣ отъѣзда депутатовъ перваго приглашенія, начался второй періодъ работъ редакціонныхъ комиссій, при чемъ редакціонныя комиссіи пересмотрѣли свои проекты въ связи съ замѣчаніями, сдѣланными на нихъ депутатами и поступившими отъ остальныхъ губернскихъ комитетовъ проектами. Существенныхъ измѣненій комиссіи не признавали необходимымъ сдѣлать въ первоначальныхъ своихъ проектахъ. Но прежде чѣмъ дѣло это было доведено до конца, случилось событіе, вновь грозившее—какъ, по крайней мѣрѣ, казалось тогда—кризисомъ дѣлу реформы.

6 февраля 1860 г., послѣ трехмѣсячной тяжелой болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія и чрезмѣрнаго нервнаго напряженія, умеръ Я. И. Ростовцевъ. Вмѣсто него на постъ предсѣтеля редакціонныхъ коммиссій назначенъ былъ гр. В. Н. Панинъ, министръ юстиціи, завзятый рутинеръ-бюрократъ и рѣшительный консерваторъ, завѣдомо враждебно относившійся къ тому напра-

вленію крестьянской реформы, которое ей дано было въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Это назначеніе вызвало всеобщее недоумѣніе и негодованіе. Герценъ въ „Колоколѣ“ помѣстилъ извѣстіе о назначеніи Панина въ траурной рамкѣ и, съ отчаяніемъ объявляя, что тонъ царствованія измѣнился, приглашалъ членовъ редакціонныхъ комиссій подать въ отставку, если въ нихъ есть хоть капля гражданскихъ чувствъ. Милютинъ съ своей стороны думалъ то же и только настойчивыя убѣжденія вел. княгини Елены Павловны помѣшали ему осуществить это пагубное для дѣла реформы намѣреніе. Когда Елена Павловна выразила императору свое недоумѣніе по поводу дошедшихъ до нея слуховъ о назначеніи Панина, то Александръ Николаевичъ спокойно ей отвѣтилъ: „вы Панина не знаете; его убѣжденія—это точное исполненіе моихъ приказаній“. Панину поставлено было Государемъ условіе ничего не измѣнять въ ходѣ и направленіи дѣла, установившихся при Ростовцевѣ. Тѣмъ не менѣе, назначеніе его вызвало чрезвычайное оживленіе среди крѣпостниковъ и враговъ редакціонныхъ комиссій. Поэтому и депутаты 2-го приглашенія, принадлежавшіе при томъ, главнымъ образомъ, къ комитетамъ черноземныхъ и западныхъ губерній, стоявшимъ за безземельное освобожденіе крестьянъ, прибыли въ Петербургъ съ намѣреніемъ опрокинуть проекты редакціонныхъ комиссій при помощи Панина, на котораго они возлагали большія надежды. Въ этомъ они ошиблись. Панинъ старался формально исполнить обѣщаніе, данное Государю, и потому не оказалъ никакой поддержки этимъ депутатамъ. Сами депутаты написали на проекты редакціонныхъ комиссій очень рѣзкую

критику, причемъ всего сильнѣе обрушились на постановленія о надѣленіи крестьянъ землей и на образованіе независимыхъ отъ помѣщичьей власти крестьянскихъ обществъ и волостей. Они не брезгали при этомъ никакими аргументами и всячески старались набросить тѣнь на работы редакціонныхъ комиссій съ охранительной точки зрѣнія, выискивая въ проектахъ и докладахъ комиссій республиканскія, соціалистическія и даже коммунистическія начала... Критика этихъ депутатовъ, такимъ образомъ, принципіально совершенно расходилась съ точкой зрѣнія депутатовъ перваго приглашенія.

Редакціоннымъ комиссіямъ не трудно было защититься отъ такихъ неумѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ обвиненій. Но съ отъѣздомъ депутатовъ, когда начался третій, кодификаціонный, періодъ работъ редакціонныхъ комиссій, группѣ передовыхъ членовъ этихъ комиссій, предводимой Милютинымъ, пришлось пережить трудное время.

Внутри комиссій гр. Панинъ, хотя и осторожно, но съ необыкновеннымъ упорствомъ, пытался провести нѣкоторые свои взгляды, серьезно грозившіе исказить все дѣло. Къ тому же и нѣкоторые изъ членовъ комиссій, тайно сочувствовавшіе своекорыстнымъ помѣщичьимъ поползновеніямъ депутатовъ 2-го приглашенія, возобновили борьбу съ руководившей всѣми работами группой Милютина, Самарина, Черкасскаго и Соловьева. Борьба приняла довольно острый характеръ, вызвала личныя столкновенія и доходила до того, что Панинъ въ одномъ изъ засѣданій констатировалъ открытое недовѣріе къ его словамъ, выраженное Милютинымъ, а съ однимъ изъ

членовъ комиссіи Булыгинымъ, у Милютина дѣло чуть не дошло до дуэли. Главное, чего добивался Панинъ, заключалось въ требованіи его уничтожить въ проектахъ комиссіи выраженіе, что надѣлы отводятся крестьянамъ въ „*безсрочное*“ пользованіе. Стремясь упразднить это выраженіе подъ предлогомъ неправильности его съ юридической точки зрѣнія, онъ хотѣлъ, очевидно, создать почву для осуществленія желаній тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые, съ легкой руки Позена, старались доказать, что надѣлы по смыслу рескриптовъ должны быть отведены въ пользованіе крестьянъ лишь на время срочно-обязаннаго періода. Панину не удалась его попытка, несмотря на то, что онъ пускался даже на фальсификацію преній въ журналахъ, въ чемъ и былъ уличенъ Милютинымъ. Благодаря стойкой защитѣ этого пункта со стороны Милютина и его друзей, все, чего Панинъ достигъ—это была замѣна термина „безсрочное“ пользованіе терминомъ „постоянное“ пользованіе, что было въ сущности равнозначуще.

Хотя это нападеніе Панина было, такимъ образомъ, благополучно отбито, все же въ 3-мъ (а отчасти еще во 2-мъ) періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій Милютину и его друзьямъ пришлось пойти на нѣкоторыя болѣе или менѣе существенныя уступки, касавшіяся, главнымъ образомъ, матеріальной стороны реформы. Эти уступки сводились: къ болѣе или менѣе значительному пониженію нормъ надѣловъ во многихъ уѣздахъ, къ нѣкоторому повышенію нормы оброка въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ онъ проектированъ былъ первоначально на 1 рубль (съ душевого надѣла) ниже, чѣмъ въ губерніяхъ не черноземъ-

ныхъ, и, наконецъ, къ допущенію *переоброчки* черезъ 20 лѣтъ, т. е. переоцѣнки повинностей сообразно измѣненію хлѣбныхъ цѣнъ въ имѣніяхъ, гдѣ полевая земля будетъ къ тому времени находиться въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ, а не на выкупѣ. Допуская это послѣднее измѣненіе,—на которомъ настаивалъ въ частныхъ разговорахъ и самъ императоръ,—Милютинъ надѣялся, что и впослѣдствіи не найдется такого министра внутреннихъ дѣлъ, который принялъ бы на себя переоброчку во всѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ имперіи. И дѣйствительно, какъ извѣстно, переоброчка эта въ 1881 г. не состоялась, а взамѣнъ нея введенъ былъ обязательный выкупъ во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оставались къ тому времени временно-обязанные крестьяне.

10 октября 1860 г. редакціонныя комиссіи были закрыты, проработавъ безъ отдыха около 20 мѣсяцевъ и выработавъ проекты 16 различныхъ положеній съ объяснительными записками, указателями и проч. Печатные доклады отдѣленій, журналы общаго присутствія коимиссіи, своды проектовъ губернскихъ комитетовъ и проч. „труды“ редакціонныхъ комиссій составили 18 объемистыхъ томовъ (въ первомъ изданіи) и сверхъ того 6 томовъ (in 4°) статистическихъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ выше 100 душъ, не считая 3-хъ огромныхъ томовъ замѣчаній депутатовъ губернскихъ комитетовъ, изданныхъ также комиссіями.

Проекты положеній, выработанные редакціонными комиссіями, поступили въ Главный Комитетъ, гдѣ они разсматривались въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ, вызывая бурные споры и оживленную борьбу между членами Комитета. Какъ разъ въ это время опасно заболѣлъ предсѣдатель главнаго Комитета

кн. Орловъ и на его мѣсто назначенъ былъ великій князь Константинъ, что признано было всѣми друзьями реформы за весьма важное и благопріятное обстоятельство. Великій князь тотчасъ же просилъ Милютина помогать ему въ этомъ дѣлѣ, а Милютинъ удержалъ въ Петербургѣ друзей своихъ Самарина и Черкасскаго и они втроемъ, иногда при содѣйствіи еще Соловьева, Петра Семенова и Жуковскаго, тщательно снабжали великаго князя всѣми необходимыми данными и матеріалами для борьбы съ нападками на проекты редакціонныхъ комиссій.

Враждебная сторона — Мих. Ник. Муравьевъ и кн. Долгоруковъ — также запаслась пособникомъ въ лицѣ Валуева, который выработалъ контръ-проектъ, переносившій рѣшеніе по многимъ важнѣйшимъ матеріальнымъ вопросамъ реформы на мѣста. Кн. П. П. Гагаринъ, въ свою очередь, пользовался содѣйствіемъ Желтухина.

Голоса членовъ Главнаго Комитета, въ особенности по вопросу о нормахъ надѣла, такъ раздѣлились, что великому князю, несмотря на всѣ усилія, долго не удавалось привести ихъ къ какому-нибудь соглашенію. Со стороны „либераловъ“, защищавшихъ болѣе или менѣе выводы редакціонныхъ комиссій, были кромѣ Константина Николаевича, лишь Ланской, Блудовъ и Чевкинъ. По проекту Панина, у крестьянъ слѣдовало отобрать не менѣе трети существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ надѣловъ, по проекту Муравьева—большую половину, по проекту Гагарина—три четверти. Наконецъ, Константинъ Николаевичъ устроилъ у себя нѣчто вродѣ частной согласительной комиссіи съ Панинымъ, при участіи всѣхъ своихъ сотрудниковъ, и ему удалось уговорить Панина пойти

на нѣкоторыя уступки, причемъ, однако жъ, и самому пришлось согласиться на пониженіе нормъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Послѣ этого наконецъ составилось большинство (половина + 1), благопріятное проектамъ редакціонныхъ комиссій, которые и прошли, такимъ образомъ, безъ большихъ измѣненій черезъ Главный Комитетъ.

Оттуда они внесены были въ Государственный Совѣтъ и здѣсь оказалъ имъ энергическую поддержку самъ императоръ Александръ II. Онъ открылъ засѣданія Государственнаго Совѣта (28 января 1861 г.) замѣчательной рѣчью, въ которой, сдѣлавъ бѣглый историческій очеркъ различныхъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу въ теченіи XIX вѣка и указавъ, какъ начались и развились работы по крестьянскому дѣлу, со времени московской рѣчи его 1856 г., какъ работали надъ нимъ губернскіе Комитеты, редакціонныя комиссіи и главный Комитетъ, — причемъ тутъ же засвидѣтельствовалъ свою благодарность послѣднему и въ особенности его предсѣдателю, — Государь, обращаясь къ членамъ Государственнаго Совѣта, сказалъ: „Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Поэтому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ“. Онъ возложилъ на особую отвѣтственность предсѣдателя Государственнаго Совѣта Гр. Блудова, чтобы обсужденіе этого дѣла было во всякомъ случаѣ окончено въ первой половинѣ февраля, желая имѣть возможность обнародовать манифестъ и новыя положенія до начала весеннихъ полевыхъ работъ.

Воля императора была въ точности исполнена, и 19 февраля 1861 года, ровно черезъ 6 лѣтъ послѣ вступленія своего на престолъ онъ могъ подписать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ и выработанныя въ редакціонныхъ комиссіяхъ положенія, съ тѣми измѣненіями, которыя сдѣланы были въ нихъ въ главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Самое существенное изъ измѣненій, сдѣланныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, заключалось въ предложенномъ кн. П. П. Гагаринымъ и принятомъ единогласно четвертномъ даровомъ надѣлѣ. На основаніи этого постановленія, помѣщикамъ было предоставлено оканчивать по добровольному соглашенію съ крестьянами всякія обязательныя съ ними отношенія предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность безвозмездно четвертой части высшаго или въ степныхъ мѣстностяхъ указанаго надѣла, опредѣленнаго мѣстными положеніями.

Оцѣнка положеній 19 февраля 1861 г. по существу не входитъ въ задачу этой статьи, какъ не входило въ ея задачу и освѣщеніе той роли, которую сыграла, въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, литература. Нельзя однако же сказать, что Герценъ оказался правъ, когда писалъ еще въ 1853 г., что освобожденіе крестьянъ, „необходимо, неотразимо, неминуемо“. Его пророчество исполнилось менѣе чѣмъ черезъ восемь лѣтъ, и самъ онъ, когда писалъ свои вѣщія строки, вѣроятно не думалъ, что оно исполнится такъ скоро.

Иной вопросъ, насколько великая реформа 19 февраля оправдала всѣ тѣ ожиданія, которыя на нее возлагались.

А. Корниловъ.

Крестьянская реформа и аграрный вопросъ.

I

Реформа крѣпостныхъ порядковъ, если ее выразить въ самомъ общемъ видѣ, должна была принести крестьянамъ полное освобожденіе отъ власти помѣщика въ личномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Первую половину этой задачи выполнить было нетрудно, и для освобожденія личности крестьянина не нужно было сложной организаціонной работы. Достаточно было помѣстить въ „Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ двѣ статьи:

1. Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и на дворовыхъ людей отмѣнено навсегда.

2. Крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставлены права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу.

Хозяйственное освобожденіе крестьянъ представлялось дѣломъ совсѣмъ иного порядка.

Крестьянское хозяйство было хозяйствомъ земледѣльческимъ. Освободить его отъ помѣщичьей зависимости можно было лишь путемъ отчужденія въ пользу крестьянъ большей или меньшей площади той земли, которую они обрабатывали въ крѣпостномъ состояніи и которая юридически составляла собственность помѣщика. Площадь отводимой для

этого крестьянамъ земли должна бы имѣть такіе размѣры, чтобы освободить ихъ отъ необходимости прибѣгать къ найму помѣщичьихъ угодій ради удовлетворенія первыхъ личныхъ и государственныхъ потребностей ихъ быта. Такъ именно и понималась правительствомъ задача хозяйственнаго устройства освобождаемыхъ крестьянъ, и не только въ первыхъ Высочайшихъ рескриптахъ по дѣлу освобожденія, но и въ окончательномъ юридическомъ актѣ „Мѣстныхъ Положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ“ въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, въ ст. 5 провозглашается, что „*для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей* предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, предоставляется въ постоянное пользованіе сельскаго общества надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ количество земли, за которую крестьяне платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику“ или, прибавимъ, которую они выкупаютъ въ собственность.

Но поставить такую задачу теоретически и осуществить ее практически—вещи далеко не одинаковыя. Удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи можетъ встрѣтить препятствія и со стороны неправильной оцѣнки того, какое количество земли пообходимо для матеріальнаго обезпеченія крестьянъ; и потому что законодатель не рѣшится ни пожертвовать интересами тысячъ людей въ пользу милліоновъ, ни возложить на государство часть тѣхъ жертвъ, безъ которыхъ, по его мнѣнію, нельзя было разрѣшить аграрной стороны крестьянской реформы; и вслѣдствіе неправильной постановки самаго вопроса.

Насколько же можно считать выполненной задачу аграрной реформы 19 февраля; въ какой

мѣрѣ отведенные освобожденнымъ крестьянамъ надѣлы обезпечиваютъ ихъ экономическій бытъ и выполненіе денежныхъ ихъ обязательствъ къ правительству и юридическому собственнику поступившей въ ихъ владѣніе земли?

Первымъ шагомъ къ отвѣту на заданный вопросъ могутъ служить статистическія данныя объ отведенныхъ крестьянамъ надѣлахъ. Такъ какъ матерьяльныя потребности крестьянъ, ихъ государственныя повинности и обязательства передъ бывшими собственниками ихъ земель повсюду довольно однообразны, то и земельные надѣлы, отвѣчающіе задачѣ обезпеченія быта крестьянъ, должны бы различаться въ величинѣ лишь сообразно различію такихъ естественныхъ условій, какъ природное плодородіе почвы и культурныхъ—большая или меньшая интенсивность хозяйства. Если же съ этой точки зрѣнія разсмотрѣть крестьянскіе надѣлы 44 губерній Европейской Россіи, то мы не можемъ не поразиться непонятнымъ на первый взглядъ разнообразіемъ, какое они представляютъ. Именно, по числу десятинъ на мужскую душу, записанную въ ревизію 1858 г. (по числу этихъ душъ крестьяне получали землю) общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ распадаются на слѣдующія группы.

Получили на ревизскую душу удобной земли:

	не болѣе			болѣе			
	дес.	дес.	дес.	дес.	дес.	дес.	Итого.
	1	1—2	2—3	3—4	4—6	6	
тысячи душъ	555	1332	2829	2614	2239	486	10050
%	5,5	13,3	28,2	26,0	22,3	4,7	100

Эта таблица показываетъ, что душевые надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ колеблятся въ

очень широкихъ границахъ—отъ части одной десятины до 6-и десятинъ и болѣе,—и что очевидно ничтожные надѣлы—не болѣе 2 десятинъ на душу—не составляютъ исключенія, а наблюдается у 18,8% —почти у 1/5 части крестьянъ. Этотъ фактъ получитъ въ нашихъ глазахъ характерное значеніе, если вспомнить, что въ другомъ разрядѣ освобожденныхъ крестьянъ—удѣльныхъ—число крайне малоземельныхъ составляетъ лишь 3,1%, а у государственныхъ—4,1%, т. е. въ 5—6 разъ менѣе. Средняя обезпеченность землей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ также отстаетъ отъ того, что наблюдается въ другихъ разрядахъ крестьянъ. Средній ревизскій надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ равняется 3,4 дес., удѣльныхъ—4,8 дес. т. е. на 40% болѣе, а государственныхъ—6,5 дес. или почти вдвое больше. Наличность крайняго малоземелья составляетъ, такимъ образомъ, характерную черту аграрнаго положенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, созданную самимъ актомъ освобожденія.

Распространеніе среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ крайняго малоземелья нельзя объяснять неотвратимыми условіями, вродѣ скученности населенія, и высшій процентъ малоземельныхъ крестьянъ (до 2-хъ дес. на душу) мы находимъ не только въ самыхъ малоземельныхъ губерніяхъ—Курской (33%), Подольской (42%), Полтавской (70%); но и въ среднеземельныхъ—Симбирской (32%), Пензенской (30%), Харьковской (33%), Екатеринославской (33%), Воронежской (53%), Казанской (38%); и въ такихъ сравнительно рѣдко населенныхъ губерніяхъ, какъ Саратовская (41%), Самарская (40%), Уфимская (45%), Пермская (36%), Оренбургская (60%). А высшіе проценты крестьянъ

съ надѣлами до 1 дес. на душу мы встрѣчаемъ лишь въ одной малоземельной губерніи — Полтавской (19%); но за то такія губерніи, какъ Екатеринославская, насчитываетъ среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 17% съ надѣлами до 1 дес. Воронежская и Симбирская—по 18%, Казанская, Пензенская, Пермская 22%, Уфимская 25% и Оренбургская—55%. Слѣдующія три наиболѣе многочисленныя надѣльныя группы—2—3 дес., 3—4 дес. и 4—6 дес. на душу—пользуются среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ почти одинаковымъ распространеніемъ. Первой группѣ принадлежитъ 28%, второй—26% и третьей—22% бывшаго крѣпостного населенія. Здѣсь опять возникаетъ недоумѣніе: если отводимые крестьянамъ надѣлы должны обезпечить ихъ бытъ, то какъ объяснить фактъ, что половина б. помѣщичьихъ крестьянъ распредѣлилась между двумя такими группами, какъ 2—3 дес. съ одной стороны и 4—6 дес., т. е. вдвое больше земли на душу—съ другой? Слѣдуетъ-ли это понимать такимъ образомъ, что по естественнымъ или культурнымъ условіямъ десятина земли, отведенной второй группѣ, приноситъ вдвое меньше дохода, и вдвое большій участокъ доставляетъ здѣсь такое обезпеченіе, какое получаютъ съ своихъ надѣловъ крестьяне первой группы? До извѣстной степени это—такъ, и если разсматривать распредѣленіе надѣловъ по губерніямъ, то окажется, что въ черноземной полосѣ, съ плодородной почвой, число крестьянъ первой группы (получившихъ меньшіе участки) обыкновенно въ нѣсколько разъ превышаетъ число крестьянъ второй группы; а въ нечерноземныхъ губерніяхъ, съ почвой мало плодородной, наблюдается обратное явленіе.

Положеніе дѣлъ въ крупныхъ раіонахъ, съ

различными естественными условіями какъ-бы подтверждаетъ, слѣдовательно, мысль, что при надѣленіи освобождаемыхъ крестьянъ землей производились разсчеты того, какая площадь участка удовлетворяетъ въ разныхъ раіонахъ поставленной задачѣ—обезпеченію быта освобождаемыхъ крестьянъ. Но если остановиться на данныхъ, относящихся къ одной и той-же губерніи, то и здѣсь мы встрѣтимъ не меньшее разнообразіе надѣловъ. Въ Воронежской губ. напр. 37% имѣютъ надѣлы не болѣе 2 дес., а 26% 3—4 дес. на душу; въ Екатеринославской губ. 43% крестьянъ получили не болѣе 2-хъ дес., а 45% по 3—4 дес.; въ Казанской губ. до 2-хъ дес. имѣютъ 38%, а 3—4 дес. 43 %; въ Самарской губ. 39% крестьянъ имѣютъ не болѣе 2 дес. на душу, а 36% 4—6 дес.; въ Саратовской губ. надѣлы первой категоріи наблюдаются у 41%, а второй у 31%; въ Таврической губ. 1/4 бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ имѣетъ 1—2 дес. на душу, а половина 6—10 дес. и т. д.

Такое разнообразіе надѣльныхъ участковъ въ сходныхъ по естественнымъ условіямъ раіонахъ не можетъ быть согласовано съ задачей крестьянской реформы отведенія, освобождаемымъ отъ крѣпостной зависимости, крестьянамъ такого количества земли, которое обезпечивало-бы ихъ бытъ и уплату повинностей. Если низшіе надѣлы отвѣчаютъ этой задачѣ, то высшіе даютъ крестьянамъ гораздо больше того, что предполагалось; если высшіе надѣлы соотвѣтствуютъ задачамъ реформы, то низшіе должны быть признаны совершенно для того недостаточными. Эти противорѣчивыя заключенія могутъ быть примирены, если допустить, что надѣлы отводились крестьянамъ безъ спеціальнаго расчета о ихъ соотвѣтствіи поставленной цѣли;

что въ опредѣленіи площади земли, отводимой тому или другому обществу крестьянъ, руководствовались соображеніями, посторонними главной цѣли реформы.

Вопросъ о томъ, насколько полученные бывшими помѣщичьими крестьянами надѣлы отвѣчаютъ цѣли крестьянской реформы—обезпеченію быта крестьянъ,—естественнымъ образомъ, особенно занималъ общество въ первые годы послѣ реформы 19 февраля, и касающіеся этого предмета матерьялы сведены въ изслѣдованіи Ю. Янсона, вышедшемъ въ 1877 г. [1]).

Результаты этого изслѣдованія резюмированы авторомъ такъ. „По всѣмъ двѣнадцати губерніямъ нечерноземной великорусской полосы, за рѣдкими исключеніями, не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, въ большинствѣ-же и прокормить ихъ не въ состояніи“. Это заключеніе относится къ всѣмъ разрядамъ крестьянъ; а такъ какъ бывшіе помѣщичьи крестьяне получили болѣе мелкіе надѣлы, чѣмъ государственные, то ихъ чуть-ли не цѣликомъ нужно зачислить въ разрядъ тѣхъ, кто не имѣетъ съ земли простогопропитанія. Надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по мысли законодателя, должны обезпечить ихъ бытъ и дать имъ средства для уплаты повинностей; въ дѣйствительности-же, въ разсматриваемой полосѣ, повинности этихъ крестьянъ, даже при полномъ надѣлѣ, превосходили въ 2—$2^3/_4$ раза доходность послѣдняго. «Прибавимъ къ этому, замѣ-

---

[1]) Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.

часть Янсонъ, что доходность здѣсь есть величина совершенно фиктивная: если земельный надѣлъ не можетъ обезпечить насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то еще менѣе, конечно, онъ можетъ давать дѣйствительный доходъ".

Въ другомъ, болѣе важномъ, чисто земледѣльческомъ раіонѣ, обнимающемъ двѣнадцать губерній сѣверной черноземной полосы, „въ 75% уѣздовъ всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать съ своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба; въ остальныхъ 25% уѣздовъ въ такомъ положеніи находится значительная часть этихъ крестьянъ". Платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ этой полосѣ превышаютъ доходность земли (по земскимъ оцѣнкамъ) на 24—124% при высшемъ надѣлѣ, на 200 % при—низшемъ.

II.

Итакъ, экономическая задача отмѣны крѣпостныхъ порядковъ формулировалась, какъ „обезпеченіе быта крестьянъ и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками"; а въ фактическомъ осуществленіи реформы большинство освобожденныхъ крестьянъ не были обезпечены даже въ простомъ пропитаніи. Почему и какимъ образомъ произошло такое несоотвѣтствіе между цѣлями и результатами реформы?

Причины этого явленія указать не трудно. Ненормальность крѣпостного права и его вредъ для государства давно сознавались правительствомъ и лучшими умами страны; и когда военный разгромъ Россіи въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ показалъ, что простое чувство государственнаго самосохраненія требуетъ упраздненія крѣпо-

ственнаго права, какъ перваго необходимаго шага на пути приближенія нашей страны къ порядкамъ цивилизованныхъ государствъ,—отъ которыхъ мы не можемъ и не желаемъ отгородиться китайской стѣной, и съ которыми мы оказались не въ силахъ состязаться — то формулированіе задачи предстоящей реформы, предпринимаемой, прежде всего, въ интересахъ всего государства, было сдѣлано съ государственной же точки зрѣнія, чуждой узкаго классоваго интереса. Когда-же было приступлено къ осуществленію поставленной задачи, и отвлеченную ея формулу нужно было наполнять опредѣленнымъ конкретнымъ содержаніемъ — рѣшительное значеніе получило то обстоятельство, что образованнымъ гражданскимъ сословіемъ у насъ было одно дворянство; ему слѣдовательно должна была принадлежать главная роль въ процессѣ подготовленія реформы, разрѣшавшей вѣковую тяжбу двухъ враждебныхъ классовъ; а такъ какъ оно-же было и одной изъ тяжущихся сторонъ, то ему приходилось разрѣшать свое собственное дѣло, говорить за себя и за своихъ крѣпостныхъ; и первый голосъ былъ, конечно, громче и внушительнѣе второго.

Во главѣ этого дѣла первоначально были поставлены лица, горячо сочувствовавшія реформѣ; въ составъ Редакціонныхъ комиссій, проэктировавшихъ Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, приглашены были просвѣщенные люди. Но первоначальныя предположенія о всѣхъ сторонахъ реформы составлялись и главнѣйшіе для нея мѣстные матерьялы доставлялись губернскими дворянскими, т. е. помѣщичьими комитетами и естественнымъ образомъ носили узкій классовой характеръ. Редакціонныя комиссіи

имѣли твердую почву для отраженія сословныхъ притязаній дворянства на сохраненіе въ той или иной степени въ новыхъ порядкахъ своихъ старыхъ привиллегій въ административномъ и судебномъ т. е. въ государственномъ отношеніи; эта почва заключалась въ принципахъ и формахъ, выработанныхъ западно-европейской наукой и европейской практикой. Но редакціонныя комиссіи не обладали подобными же средствами для огражденія крестьянъ отъ экономическихъ притязаній помѣщиковъ. Отвлеченную формулу экономическаго освобожденія крестьянъ нужно было наполнить содержаніемъ, заимствованнымъ изъ русской дѣйствительности, которая была однако извѣстна реформаторамъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Всѣ детали хозяйственныхъ отношеній между крѣпостными крестьянами и ихъ владѣльцами нужно было заимствовать изъ показаній самыхъ помѣщиковъ, и одно это обстоятельство склоняло вѣсы законодательныхъ предположеній въ пользу владѣльцевъ и противъ крестьянъ. Первоначальныя предположенія Редакціонныхъ Комиссій подвергались затѣмъ критической оцѣнкѣ дворянскихъ депутатовъ, и произведенныя на основаніи сего измѣненія отдавались опять на судъ одной заинтересованной стороны. Легко понять, что замѣчанія депутатовъ клонились, главнымъ образомъ, къ выгодѣ помѣщиковъ, а не крестьянъ. Но помимо оружія аргументаціи, помѣщики добились многаго прямо настойчивостью, съ какою они, въ отсутствіе противной стороны, преслѣдовали удовлетвореніе своихъ требованій; и въ мотивахъ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеній Редакціонныя Комиссіи прямо заявляли, что онѣ приняли ихъ, „уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти

губернскихъ комитетовъ". А что владѣльцамъ крѣпостныхъ душъ не удалось отвоевать въ свою пользу у Редакціонныхъ Комиссій, то они получили при прохожденіи проэкта Положенія о крестьянахъ въ слѣдующихъ инстанціяхъ, составъ коихъ былъ болѣе для нихъ благопріятенъ, такъ какъ правительство было по составу дворянское, и дворянство кромѣ того считалось главной опорой престола.

III.

Приступая къ назначенію крестьянскихъ надѣловъ, Редакціонныя Комиссіи имѣли передъ собой съ одной стороны указанную имъ въ общихъ чертахъ цѣль преобразованія, заключающуюся въ обезпеченіи быта крестьянъ и уплаты ими повинностей, съ другой—конкретныя предположенія дворянскихъ комитетовъ, предлагавшихъ или сохранить, съ извѣстными ограниченіями, существующіе крестьянскіе надѣлы, или назначить для надѣленія крестьянъ опредѣленныя нормы. Послѣднее предложеніе, съ принципіальной стороны, болѣе соотвѣтствовало задачѣ реформы. Получить увѣренность въ томъ, что надѣлъ обезпечиваетъ крестьянъ, можно лишь послѣ того, какъ будутъ оцѣнены нужды крестьянской семьи и нормальная доходность десятины отводимыхъ крестьянамъ угодій. Но Редакціонныя Комиссіи считали невозможнымъ опредѣлить эти факторы предстоящаго обезпеченія крестьянъ землей и отказались отъ мысли установленія нормальныхъ потребительныхъ надѣловъ для различныхъ мѣстностей Россіи. Послѣ того имъ оставался одинъ путь земельнаго обезпеченія крестьянъ — сохраненіе за ними существующихъ надѣловъ. Это было, конечно, наиболѣе

простымъ способомъ разрѣшенія хозяйственной стороны крестьянскаго вопроса — рекомендованнымъ къ тому-же и прогрессивной частью русскаго общества — и Редакціонныя Комиссіи полагали, что это разрѣшеніе удовлетворяетъ и преподанной имъ задачѣ обезпеченія быта крестьянъ. „Существующій крестьянскій надѣлъ, — разсуждали Редакціонныя Комиссіи, — установился самъ собою, путемъ естественнымъ, въ силу вѣковыхъ отношеній и взаимныхъ выгодъ того и другого сословія, налагавшихъ на помѣщика нравственную и матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ бытъ своего крестьянина... Можно поэтому съ совершенной достовѣрностью сказать, что существующій нынѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьянскій надѣлъ есть, за немногими исключеніями, лучшее и даже единственно правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина“.

Это разсужденіе было бы совершенно справедливо, если бы земля была единственнымъ источникомъ доходовъ крѣпостного крестьянина, а отведенный ему помѣщикомъ участокъ—единственнымъ его земельнымъ рессурсомъ въ крѣпостныя времена. Но вѣдь ни то, ни другое предположеніе не соотвѣтствовало дѣйствительности. Во всей, вѣроятно, нечерноземной полосѣ и мѣстами въ черноземныхъ губерніяхъ крѣпостные крестьяне имѣли дополнительные промысловые доходы, могли поэтому довольствоваться меньшими участками земли, и это обстоятельство, конечно, учитывалось помѣщиками при назначеніи надѣловъ ихъ крѣпостнымъ. Сохраненіе за освобождаемыми крестьянами ихъ крѣпостныхъ надѣловъ въ указанныхъ

мѣстностяхъ не обезпечивало поэтому, само по себѣ, ихъ быта: такое обезпеченіе они получали отъ сельско-хозяйственныхъ доходовъ и промысловыхъ заработковъ. Выставляя начало сохраненія за крестьянами существующихъ надѣловъ, Редакціонныя Комиссіи тѣмъ самымъ соглашались, не выражая этого прямо, съ толкованіями рескрипта нѣкоторыми дворянскими комитетами въ томъ смыслѣ, что величина надѣла можетъ быть поставлена въ зависимость отъ промысловыхъ выгодъ, иначе говоря, что средства матеріальнаго обезпеченія освобождаемыхъ крестьянъ заключаются не въ одномъ земельномъ надѣлѣ, а въ доходахъ отъ земли, поддержанныхъ промысловыми заработками. Если бы это положеніе было съ самаго начала признано открыто—оно могло бы поставить на правильный путь дѣло земельнаго обезпеченія крестьянъ.

Отказываясь отъ первоначальной постановки задачи аграрной реформы, формулированной въ терминахъ потребительной, а не производительной нужды крестьянъ, — задачи, раціональное разрѣшеніе которой требовало бы изслѣдованія бюджета крестьянина и оцѣнки доходности земли въ различныхъ мѣстностяхъ, а практическое осуществленіе нарушило бы сложившіяся въ сельскомъ хозяйствѣ отношенія,—и признавая, что матеріальнымъ обезпеченіемъ освобождаемыхъ крестьянъ должны служить тѣ источники доходовъ, которыми они пользовались въ крѣпостныя времена; имѣя затѣмъ въ виду, что крестьяне получаютъ отъ этихъ источниковъ не рентные, а трудовые доходы,—Редакціонныя Комиссіи естественно пришли бы къ заключенію, что аграрной задачей крестьянской реформы должно быть обезпеченіе освобож-

даемому крестьянину тѣхъ средствъ сельскохозяйственной дѣятельности, которыми онъ пользовался въ крѣпостномъ состояніи. Съ этой точки зрѣнія отводимый крестьянамъ надѣлъ оцѣнивался бы не какъ источникъ дохода, — который можно получать либо личной его обработкой, либо путемъ сдачи въ аренду,—а какъ средство приложенія ихъ труда, результатомъ коего является, конечно, тотъ или другой доходъ.

Сельско-хозяйственная дѣятельность крѣпостного крестьянина заключалась въ личномъ его трудѣ на землѣ; освобождаемому крестьянину нужно было обезпечить возможность продолжать этотъ трудъ въ свободномъ состояніи. Крѣпостной крестьянинъ обрабатывалъ землю собственнымъ живымъ инвентаремъ; нужно было обезпечить содержаніе этого инвентаря и освобожденному крестьянину. Крѣпостной крестьянинъ получалъ всѣ необходимыя угодья отъ помѣщика; освобожденный крестьянинъ въ этомъ отношеніи долженъ находиться въ положеніи, отъ помѣщика независимомъ. Задача аграрной реформы сводилась, такимъ образомъ, къ хозяйственному освобожденію крестьянина, къ обращенію зависимаго хозяина въ самостоятельнаго, къ отведенію крестьянину надѣла, удовлетворяющаго условію хозяйственной его цѣльности; словомъ, къ обезпеченію ему возможности пользоваться всѣми тѣми угодьями, которыми онъ пользовался въ крѣпостномъ состояніи.

Цѣльность крестьянскаго землепользованія поддерживалась въ этомъ состояніи двумя пріемами: отведеніемъ опредѣленной площади въ единственное пользованіе крестьянина и участіемъ послѣдняго въ угодьяхъ общаго пользованія съ помѣ-

щикомъ. Такими угодьями были по преимуществу корма для скота, а такъ какъ содержаніе послѣдняго составляетъ необходимую расходную статью сельско-хозяйственной дѣятельности, то, допуская крестьянскій скотъ на свои выпасы, помѣщикъ тѣмъ самымъ открывалъ себѣ возможность отведенія въ единственное пользованіе крестьянъ меньшаго участка. Отсюда логически вытекало заключеніе, что съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на условіи сохраненія за ними права пользованія землей, установившагося въ крѣпостныя времена, надлежало или передать имъ это право въ формахъ крѣпостного хозяйства, т. е. наряду съ отведеніемъ имъ существовавшихъ надѣловъ сохранить за ними право пользованія кормовыми (и лѣсными) угодьями помѣщика, или увеличить ихъ надѣлы соотвѣтственно лишенію ихъ сервитутныхъ правъ. Исчисленіе площади, отвѣчающей опредѣленной цѣли — прокормленію скота — не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія связаны съ установленіемъ нормальнаго потребительнаго участка. А присоединіе этого кормового участка къ существующему обычному крестьянскому надѣлу, состоявшему, главнымъ образомъ, изъ усадебнаго и пахатнаго, частью сѣнокоснаго угодій, намѣчало площадь нормальнаго для каждой мѣстности хозяйственнаго участка, которая могла бы служить надежной опорой при оцѣнкѣ неполныхъ надѣловъ. Надѣлъ, не обезпечивающій содержанія скота, былъ бы тогда признанъ совершенно несоотвѣтствующимъ цѣли реформы, и ясное представленіе о послѣдней, какъ имѣющей обезпечить хозяйственную самостоятельность крестьянина, быть можетъ, удержало бы законодателя отъ чрезмѣрнаго сокращенія отводи-

мыхъ крестьянамъ надѣловъ или побудило бы его своевременно принять мѣры для исправленія неизбѣжныхъ дефектовъ преобразованія.

Редакціонныя Комиссіи, какъ сказано выше, не пошли по этому пути, хотя онъ самъ навязывался ихъ вниманію въ проектахъ нѣкоторыхъ дворянскихъ комитетовъ недостаточнаго обезпеченія землею крестьянъ, въ видахъ понужденія ихъ наниматься въ рабочіе къ помѣщикамъ. Редакціонныя Комиссіи находили, что лишеніе крестьянъ „средствъ *къ веденію въ прежнихъ размѣрахъ самостоятельнаго хозяйства*... не можетъ возбудить сочувствія правительства, ибо главная его цѣль состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія, съ первой же поры его образованія, лучшихъ *средствъ къ самостоятельному развитію*“. Но натолкнувшись даже на мысль обезпеченія освобождаемымъ крестьянамъ „средствъ къ самостоятельному развитію“, Редакціонныя Комиссіи не положили ее въ основу своихъ проектовъ. Исходя же изъ формально поставленной цѣли аграрной реформы — обезпечить минимумъ потребностей освобождаемыхъ крестьянъ,—не установивъ суммы этого минимума и даже замѣнивъ этотъ принципъ, все-таки кое-что освѣщающій, безсодержательнымъ, съ принципіальной точки зрѣнія, началомъ сохраненія за крестьянами существующихъ надѣловъ, допустивъ затѣмъ рядъ поправокъ къ этому положенію въ ту и другую сторону, ради цѣлей, посторонннихъ первоначальной задачѣ реформы,—Редакціонныя Комиссіи утратили ясную руководящую идею въ лабиринтѣ обращаемыхъ къ нимъ проектовъ и требованій; и такъ какъ работа ихъ совершалась въ опредѣленной соціальной атмос-

ферѣ, то господствующіе элементы послѣдней получили возможность направлять ее въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ крестьянамъ.

IV.

Принявъ начало сохраненія за крестьянами существующихъ надѣловъ и имѣя въ виду, что хотя, говоря вообще, помѣщики давали крестьянамъ землю въ размѣрѣ, обезпечивающемъ извѣстный уровень ихъ матеріальнаго состоянія, но были случаи отведенія несоразмѣрно большихъ и несоразмѣрно малыхъ участковъ,—Редакціонныя Комиссіи полагали нужнымъ опредѣлить границы для колебанія отводимыхъ крестьянамъ въ каждой мѣстности надѣловъ, съ тѣмъ, чтобы участки крестьянъ, превышающіе высшій предѣлъ, могли быть по желанію помѣщика уменьшаемы до назначенной нормы, а участки, недостигающіе низшаго предѣла — увеличиваемы на счетъ помѣщичьихъ угодій.

Изъ того, что отводимые крестьянамъ надѣлы должны обезпечить ихъ въ матеріальномъ отношеніи, слѣдовало, казалось бы, заключеніе, что разница между устанавливаемыми высшей и низшей нормой крестьянскихъ участковъ не должна быть значительна, и что низшая норма надѣла должна во всякомъ случаѣ находиться въ соотвѣтствіи съ главной цѣлью реформы. Но, принявъ начало сохраненія за крестьянами существующихъ надѣловъ, какъ удобнѣйшій способъ практическаго разрѣшенія вопроса о матеріальномъ ихъ обезпеченіи, Редакціонныя Комиссіи пренебрегли затѣмъ этой главной цѣлью реформы, средство матеріальнаго обезпеченія крестьянъ обратили въ

самостоятельную цѣль, руководящую и опредѣляющую, а не подчиняющуюся высшей задачѣ, и постановили, что высшія и низшія нормы надѣла должны быть установлены съ такимъ расчетомъ, чтобы уменьшеніе и увеличеніе существующихъ крестьянскихъ надѣловъ было не общимъ явленіемъ, а исключеніемъ. Руководствуясь этимъ положеніемъ, низшій надѣлъ Комиссіи назначили въ $^1/_3$ высшаго (въ малороссійскихъ губерніяхъ— въ $^1/_2$, а для многоземельныхъ южныхъ губерній назначена одна норма надѣла), примиряясь, такимъ образомъ, съ тѣмъ, что-бы извѣстная часть крестьянъ получила надѣлы, удовлетворяющіе не болѣе $^1/_3$ части ихъ минимальныхъ матеріальныхъ нуждъ.

Первоначально Комиссіи предполагали принять низшую норму надѣла въ $^2/_5$ отъ высшаго, и сравненіе ея съ существующими надѣлами показало, что крестьянскіе участки, не достигающіе этого предѣла, дѣйствительно составляютъ исключеніе. Но такъ какъ для сравненія имѣлись свѣдѣнія лишь объ имѣніяхъ выше 100 душъ, а надѣлы въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, „по мнѣнію многихъ“, менѣе щедры, то „для строгаго соблюденія правила объ исключительности прирѣзки земли“ низшій надѣлъ былъ понижень до $^1/_3$ высшаго.

Менѣе щепетильными въ соблюденіи правила исключительности показали себя Редакціонныя Комиссіи при назначеніи высшей нормы надѣла. Матеріалами для сего служили доставленныя помѣщиками свѣдѣнія о надѣлахъ въ имѣніяхъ въ сто душъ и болѣе, которыя, однако, по провѣркѣ оказались не достаточно точными, такъ какъ „едва ли не большая часть ихъ имѣла въ виду показать не обыкновенные, а средніе надѣлы“; „во множествѣ свѣдѣній размѣры крестьянскихъ вла-

дѣній показаны гораздо ниже дѣйствительнаго"; въ раіонахъ залежнаго хозяйства показывалось „большею частью одно только количество годового посѣва, но не предъявлялось количество залежей, отчего крестьянскій надѣлъ сокращается на большую свою часть". Руководствуясь этими свѣдѣніями и нѣкоторыми другими соображеніями, Редакціонныя Комиссіи разбили губерніи на полосы и мѣстности и для каждой изъ нихъ назначили высшую норму надѣла, настолько однако для черноземной полосы невысокую, что возникло опасеніе, что „принятыя нормы малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ". И дѣйствительно, сравненіе проектированныхъ нормъ съ существующими надѣлами въ имѣніяхъ выше ста душъ показало, что въ различныхъ уѣздахъ черноземной полосы уменьшеніе надѣловъ, соотвѣтственно этой нормѣ, коснулась бы участковъ отъ 9 до 84% всѣхъ крестьянъ! Сокращеніе существующихъ надѣловъ въ нечерноземной полосѣ задѣло бы меньшую часть крестьянъ, но и здѣсь въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отрѣзкѣ подверглись бы надѣлы 50—75% крестьянъ!

Несмотря на то, что проектированныя нормы высшихъ надѣловъ совершенно нарушали постановленіе комиссіи объ исключительности сокращенія существующихъ крестянскихъ надѣловъ, — подъ вліяніемъ жалобъ и протестовъ помѣщиковъ, эти нормы для очень многихъ уѣздовъ подверглись дальнѣйшему пониженію и въ самихъ комиссіяхъ и въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, и въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ Редакціонныхъ комиссіяхъ высшіе надѣлы были понижены въ 42 уѣздахъ черноземной и въ 73 уѣздахъ нечерноземной полосы; въ Главномъ Комитетѣ и Госу-

дарственномъ Совѣтѣ надѣлы были уменьшены въ 50 уѣздахъ (или ихъ частяхъ) изъ 142 уѣздовъ трехпольной черноземной полосы, въ 107 уѣздахъ изъ 232) нечерноземной полосы, а въ 14-ти подраздѣленіяхъ (изъ 31-го) новороссійскихъ губерній. Увеличеніе высшей нормы надѣла въ этой послѣдней инстанціи имѣло мѣсто лишь въ 5 уѣздахъ черноземной и въ 36 уѣздахъ нечерноземной полосы.

Редакціонныя Комиссіи проектировали еще одну льготу въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ интересамъ крестьянъ. „Уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, въ соединеніи съ желаніемъ устранить по возможности разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею“, они предоставили помѣщикамъ право сохранить за собой $^1/_3$ принадлежащей имъ земли. Проектируя это правило, Редакціонныя Комиссіи сознавали, что его примѣненіе принесетъ большой ущербъ крестьянамъ, уменьшая во многихъ случаяхъ и безъ того скудно предположенные надѣлы. Первоначально Редакціонныя Комиссіи полагали, чтобы при исчисленіи $^1/_3$ части оставляемой за помѣщикомъ земли принималась во вниманіе общая совокупность имѣній помѣщика въ смежныхъ уѣздахъ; впослѣдствіи, понятіе о помѣщичьей землѣ ограничено площадью, отстоящею не далѣе 25 верстъ отъ надѣляемаго имѣнія, а въ Положеніи 19 февраля 25-ти верстное разстояніе оказалось сокращеннымъ до 12-ти верстъ.

Въ высшихъ инстанціяхъ помѣщики получили еще одну льготу, не встрѣчавшуюся въ проектѣ Редакціонныхъ Комиссій.

Если помѣщикъ, по добровольному соглашенію

съ крестьянами, подаритъ крестьянскому обществу часть земли, не менѣе одной четвертой высшаго надѣла, то крестьянамъ предоставляется отказаться отъ пользованія остальной частью надѣла, которая поступаетъ въ полное распоряженіе помѣщика. Надѣлы эти называются четвертными и дарственными, и число крестьянъ, получившихъ такіе надѣлы, колеблется около 500 тыс. ревизскихъ душъ. Наибольшая ихъ часть, а именно 20% общаго числа, падаетъ на Саратовскую губернію, 50% всего числа дарственниковъ—на семь другихъ черноземныхъ губерній. Сосредоточеніе дарственниковъ въ черноземныхъ губерніяхъ объясняется тѣмъ, что только здѣсь помѣщики находили выгоднымъ сохранять за собой возможно больше земли. Что же касается крестьянъ, то они соглашались на полное почти обезземеленіе (средній дарственный надѣлъ колеблется около одной десятины на ревизскую душу), частью въ надеждѣ на дешевую аренду, вмѣсто сравнительно тяжелыхъ выкупныхъ платежей; частью, ожидая, что въ недалекомъ будущемъ имъ все равно будетъ будто бы отдана вся помѣщичья земля; частью, наконецъ, будучи склонены къ принятію ничтожнаго надѣла путемъ различныхъ, не всегда благовидныхъ пріемовъ помѣщиковъ.

V.

Аграрная реформа 19 февраля представляетъ, такимъ образомъ, разительное противорѣчіе между ея заданіемъ и осуществленіемъ. Задачей аграрной реформы ставилось матеріальное обезпеченіе крестьянъ; средствомъ для того признано было сохраненіе за крестьянами существующихъ надѣловъ; а въ результатѣ изданныхъ для того зако-

новъ получилось сокращеніе крестьянскаго землепользованія и путемъ прямой отрѣзки крестьянскихъ надѣловъ, и вслѣдствіе лишенія крестьянъ права пользованія помѣщичьими угодьями, и полная, какъ мы видѣли, ихъ матеріальная необезпеченность.

Если исходить даже изъ неточныхъ (преуменьшенныхъ) свѣдѣній о количествѣ земли у крѣпостныхъ крестьянъ, доставленныхъ Редакціонnымъ Комиссіямъ помѣщиками, то окажется, что крестьяне 20-ти черноземныхъ великорусскихъ и малорусскихъ губерній, въ числѣ 4,2 мил. ревизскихъ душъ, пользовались въ крѣпостномъ состояніи 14,8 мил. десятинъ, а при освобожденіи получили 11,5 мил. дес., — на 3,3 мил. десятинъ или на 22% менѣе. По нѣкоторымъ губерніямъ проценть сокращенія крестьянскаго землевладѣнія подымается гораздо выше средняго. Крестьяне Казанской губ. напр. утратили при освобожденіи 30% своей земли, крестьяне Екатеринославской, Полтавской и Саратовской губ. около 40%, крестьяне Самарской губ. болѣе 40% и т. д. Относительно Саратовской губ. можно привести болѣе подробныя данныя. Изъ 272 ревизскихъ душъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ сокращеніе надѣловъ испытали 182 тыс. или почти $^2/_3$ крестьянъ. При этомъ у 31 тыс. душъ отрѣзано 10—25% надѣла, у 35 тыс. душъ—25—50%, у 57 тыс. душъ—50—75%, а 59 тыс. ревизскихъ душъ потеряли при освобожденіи болѣе $^3/_4$ своей земли. Крупныя отрѣзки крестьянскихъ земель объясняются въ этой губерніи тѣмъ обстоятельствомъ, что около 100 тыс ревизскихъ душъ получили здѣсь дарственные надѣлы. Но что значительныя отрѣзки коснулись и земель другихъ категорій помѣщи-

чьихъ крестьянъ, видно изъ того, что болѣе четверти своего надѣла потеряли 150 тыс. ревизскихъ душъ!

Большой процентъ дарственниковъ насчитывается и въ другихъ губерніяхъ съ крупными отрѣзками крестьянской земли: въ Казанской 30%, Самарской и Екатеринославской по 20%. Но въ Полтавской губ., гдѣ крестьяне утратили 40% своей земли, процентъ дарственниковъ не превышаетъ средняго для Имперіи.

Сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ было не единственной земельной потерей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Они лишились и права пользованія кормовыми угодьями помѣщичьяго имѣнія. Правда, пастбища общаго пользованія должны были при освобожденіи раздѣляться между помѣщиками и крестьянами поровну; но такъ какъ, несмотря на это, надѣлы крестьянъ увеличивались въ рѣдкихъ случаяхъ, то фактически это правило не имѣло значенія, и угодья общаго пользованія какъ-бы цѣликомъ остались за помѣщиками. Утрата этихъ угодій была особенно чувствительна для крестьянъ нечерноземной полосы, принужденныхъ держать больше скота для удобренія своихъ полей. Отрицательные результаты аграрной реформы 19 февраля отразились здѣсь главнымъ образомъ, утратою крестьянами права пользованія кормовыми и лѣсными угодьями на землѣ помѣщика; отрѣзка же ихъ собственныхъ надѣловъ, весьма чувствительная для тѣхъ общинъ, коихъ она коснулась, въ итогахъ, по губерніямъ представляется, повидимому, незначительной. Въ 14-ти нечерноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ 2,8 милліоновъ ревизскихъ душъ пользовались при крѣпостномъ правѣ 12,6 мил. дес.,

а при освобожденіи получили 12,2 мил. дес. Ихъ землевладѣніе сократилось на 450 мил. дес. т. е. на 3 — 4%. Это, впрочемъ, представляетъ ариѳметическій итогъ измѣненій въ величинѣ крестьянскихъ надѣловъ. Въ дѣйствительности, въ этихъ губерніяхъ имѣли мѣсто и отрѣзки, и прирѣзки крестьянскихъ надѣловъ. Сколько было отрѣзано и сколько прирѣзано — совершенно неизвѣстно, но если сравнить губернскіе итоги надѣльной земли до освобожденія крестьянъ и послѣ ихъ освобожденія, то окажется, что въ девяти губерніяхъ съ площадью 10,4 мил. дес. надѣльной земли въ крѣпостныя времена, итогъ измѣненій крестьянскихъ надѣловъ выражается сокращеніемъ надѣльной площади на 675 тыс. десятинъ или на 6,5%, а въ пяти губерніяхъ на 2,2 мил. дес. крестьянской земли было прирѣзано 223 тыс. дес., т. е. 10%. Для правильной оцѣнки этихъ цифръ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что площадь земли, находившаяся въ единственномъ пользованіи крестьянъ показана душевладѣльцами въ уменьшенномъ количествѣ. Доказательство этому мы имѣемъ для Новгородской губ. Бывшіе помѣщичьи крестьяне получили здѣсь при освобожденіи 1045 тыс. дес., а въ крѣпостныя времена они пользовались, согласно показаніямъ помѣщиковъ, 1082 т. дес. (приведено у Обручева) и потеряли, слѣдовательно, лишь 37 тыс. дес. Согласно-же утвержденію Н. П. Семенова, въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ находилось 1600 т. дес., и сокращеніе крестьянскаго надѣла опредѣляется въ 555 т. дес., что составляетъ болѣе $^1/_3$ части площади ихъ земли!

VI.

Образцомъ того, какъ должны бы дѣйствовать Редакціонныя Комиссіи, имѣвшія цѣлью земельное обезпеченіе освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ и остановившіяся на мысли сохраненія въ этихъ видахъ за крестьянами существующихъ надѣловъ, какъ установившихся въ силу „взаимныхъ выгодъ обоихъ сословій, налагавшихъ на помѣщиковъ... матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ быть своихъ крѣпостныхъ“, образцомъ этого, повторяемъ, можетъ служить земельное устройство крестьянъ западныхъ губерній. Помѣщичій классъ принадлежалъ здѣсь къ польской національности, не только чуждой, но и враждебной русскому правительству. И послѣднее, не стѣсняемое по отношенію къ нему тѣми симпатіями, какія его связывали съ русскимъ дворянствомъ, и руководимое политическими соображеніями, проводило здѣсь идею дѣйствительнаго сохраненія за крестьянами того пользованія землею, какое установилось въ крѣпостныя времена.

Мѣры регулированія хозяйственныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами западныхъ губерній приняты были еще въ сороковыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Въ 1844 г. издано было повелѣніе о составленіи такъ наз. инвентарей (по примѣру того, что здѣсь практиковалось еще при польскомъ владычествѣ), т. е. о составленіи списка крестьянскаго землепользованія и крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщика, и о запрещеніи измѣнять то и другое къ невыгодѣ для крестьянъ. Инвентари повсемѣстно были составлены, однако, лишь въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ,

но впослѣдствіи они стали нарушаться, и часть крестьянской земли перешла въ пользованіе помѣщиковъ.

Аналогичные случаи расширенія помѣщичьихъ запашекъ на счетъ крестьянскихъ земель наблюдались, конечно, и въ русскихъ губерніяхъ и были главной причиной скудныхъ надѣловъ помѣщичьихъ крестьянъ. Признавая это обстоятельство, Редакціонныя Комиссіи находили, что „при строгомъ примѣненіи начала предоставленія крестьянамъ ихъ земельныхъ надѣловъ, слѣдовало бы возвратить имъ то, что было у нихъ отобрано". Редакціонныя Комиссіи не рѣшились, однако, на этотъ шагъ, потому что „тогда пришлось бы сдѣлать значительныя отрѣзки земли у помѣщиковъ". Но отъ чего законодатель воздерживался по отношенію къ русскимъ помѣщикамъ, то было имъ допущено по отношенію къ помѣщикамъ польскимъ. Положеніе 19 февраля признало за крестьянами юго-западныхъ губерній право на инвентарные надѣлы и право иска о возвращеніи отобранныхъ помѣщиками земель, а за крестьянами литовскихъ губерній—право на существующіе надѣлы безъ всякихъ урѣзокъ. А послѣ польскаго возстанія 1863 г. крестьяне сѣверо и юго-западныхъ, могилевской и восточной части витебской губерніи переведены были на выкупъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были образованы особыя комиссіи для провѣрки правильности составленія уставныхъ грамотъ, для возвращенія крестьянамъ всѣхъ земель, находившихся въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи и для надѣленія землей безземельныхъ крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній.

Результатомъ дѣятельности этихъ комиссій было увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія въ трехъ

юго-западныхъ губерніяхъ (путемъ возстановленія инвентарныхъ границъ и даже прирѣзкой земли сверхъ того, что значилось за крестьянами по инвентарямъ сравнительно съ площадью, находившейся въ ихъ пользованіи въ послѣдніе годы крѣпостного состоянія)—на 620 тыс. десятинъ или на 18%, и увеличеніе площади надѣловъ въ остальныхъ губерніяхъ сравнительно съ уставными грамотами на 760 тыс. д. т. е. на 24%. Но кромѣ земли, находившейся въ единственномъ пользованіи крестьянъ, за послѣдними въ западномъ краѣ было сохранено и участіе въ пользованіи помѣщичьими угодьями, такъ называемые сервитуты. Право сервитута признано было за большей половиной (58%) крестьянскихъ дворовъ. Если принять во вниманіе, что наиболѣе распространеннымъ сервитутомъ является пастбище и что значительная часть крѣпостныхъ крестьянъ не имѣла скота—можно заключить, что процентъ нуждающихся въ пастбищахъ домохозяевъ, сохранившихъ право пользованія помѣщичьими угодьями, значительно превышаетъ указанное выше число.

На основаніи вышеизложеннаго можно сказать, что хозяйство крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ владѣльца, будучи двумя самостоятельными статьями, составляли въ то же время сложную организованную единицу, и ихъ связывало не только обязательство крестьянъ обрабатывать помѣщичьи поля, но и участіе крестьянъ въ пользованіи, сверхъ надѣла, помѣщичьими угодьями, насколько это было необходимо для сохраненія ихъ хозяйственной состоятельности. Разъединяя крестьянское хозяйство отъ помѣщичьяго, Законодатель придалъ этому обстоятельству должное значеніе при устройствѣ быта крестьянъ западныхъ губерній. Въ осталь-

ной Россіи крестьяне потеряли при освобожденіи и земли единственнаго, и угодья общаго пользованія съ помѣщиками. Раздѣльная черта между помѣщичьими и крестьянскими владѣніями въ лучшемъ случаѣ проведена здѣсь по границѣ земли, находившейся въ единственномъ пользованіи крестьянъ, въ худшемъ — отодвинута въ глубь крестьянскаго надѣла, вмѣсто того, что бы быть перекинутой на помѣщичьи земли. Цѣльная территорія хозяйства крѣпостного крестьянина, составленная изъ земли единственнаго его владѣнія и угодій общаго пользованія съ помѣщикомъ, была раздѣлена на двѣ части: одна осталась у крестьянина, другая—у его владѣльца. Дополнительными законами 60-хъ годовъ, вызванными польскимъ возстаніемъ, этотъ пробѣлъ, какъ сказано, былъ исправленъ по отношенію къ западному краю; и крестьянамъ этого раіона реформа принесла не только личное, но и хозяйственное освобожденіе отъ помѣщика. Дворянство коренной Россіи не нарушало вѣрноподданническаго долга; ограниченія крестьянскаго землепользованія, на основаніи Положенія 19 февраля, не были исправлены послѣдующими мѣропріятіями, и, освобожденные юридически, крестьяне оказались, вслѣдствіе того, связанными съ помѣщиками хозяйственными узами.

Даже тамъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы не подверглись при освобожденіи сокращенію, помѣщичьи угодья составляютъ теперь, какъ и прежде, необходимую дополнительную статью исправнаго крестьянскаго хозяйства. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о тѣхъ случаяхъ—гдѣ крестьяне не получили всей земли, находившейся въ ихъ единственномъ пользованіи.

VII.

Расчлененіемъ цѣльной сельско-хозяйственной единицы на двѣ части, отданныя въ разныя руки, былъ нанесенъ роковой ударъ самостоятельности крестьянскаго хозяйства даже въ чисто агрикультурномъ, техническомъ отношеніи и предопредѣлена послѣдующая исторія крестьянъ, какъ процессъ хозяйственнаго закрѣпощенія ихъ и тому классу, въ руки котораго были переданы угодья, составляющія органическую принадлежность территоріи крестьянскаго хозяйства, и тѣмъ слоямъ населенія, которые давали крестьянамъ средства для возвращенія этихъ угодій въ свое пользованіе.

Возвращеніе этихъ угодій во временное или постоянное пользованіе крестьянъ сдѣлалось совершеннѣйшей необходимостью, съ первыхъ-же шаговъ новоій жизни освобожденнаго населенія, вопреки приведенному выше заявленію Редакціонныхъ Комиссій, что правительство не можетъ сочувствовать тому, чтобы создаваемое имъ сословіе сельскихъ обывателей „съ первой-же поры его образованія было лишено лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію“, „къ веденію въ прежнихъ размѣрахъ самостоятельнаго хозяйства“. Реформа именно лишила его этихъ средствъ, и, безъ возвращенія ихъ въ руки крестьянъ, послѣдніе не могли сохранить даже тѣ размѣры своего хозяйства, какіе установились въ крѣпостномъ состояніи и были разсчитаны на трехдневный (въ теченіе недѣли) трудъ крестьянина въ свою пользу. Обстоятельства-же требовали, напротивъ того, расширенія площади крѣпостного крестьянскаго хозяйства, потому что освобождаемые теряли право

на пользованіе помѣщичьими лѣсами для отопленія и ремонта своихъ жилищъ, на помощь помѣщика въ затруднительныхъ случаяхъ и были, кромѣ того, обязаны высокими денежными повинностями въ пользу своихъ бывшихъ владѣльцевъ. Крестьянамъ предстояло поэтому принять мѣры не только къ возвращенію тѣхъ угодій, коими они пользовались въ крѣпостныя времена, но и къ увеличенію своей запашки на счетъ сосѣдней земли. Они, однако, не имѣли денежныхъ средствъ для пріобрѣтенія необходимыхъ имъ земель въ собственность, обезпечивающую постоянство ихъ хозяйственнаго положенія. Имъ пришлось довольствоваться обращеніемъ нужныхъ имъ угодій во временное свое пользованіе. Это временное пользованіе достигалось арендой, получившей широкое распространеніе съ первыхъ-же шаговъ свободнаго существованія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ крестьяне занимали, главнѣйшимъ образомъ, кормовыя угодья; въ черноземной полосѣ видную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ играла аренда пахатныхъ угодій. О степени распространенія аренды крестьянами только пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій можно судить по тому, что, согласно земскимъ изслѣдованіямъ крестьянскаго хозяйства 80-хъ годовъ изъ числа 600 тыс. наличныхъ дворовъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 90 уѣздовъ преимущественно черноземной полосы, къ арендѣ прибѣгало 323 т. дворовъ или 55%, и арендовали они болѣе 1,8 мил. дес., что составляетъ болѣе $5^1/_2$ дес. на одного арендатора. Но не всѣ-же наличные дворы занимаются сельскимъ хозяйствомъ, и если процентъ арендующихъ отнести къ числу хозяевъ, владѣющихъ рабочимъ скотомъ, то

окажется, что въ Рязанской губ., число арендующихъ съ 37% повысится до 60%, въ Полтавской (арендаторы пашни) съ 42% до 60%, въ Самарской—съ 70 до 80%, въ Курской—съ 50 до 70%, въ Воронежскоїї съ 60 до 83%, въ Саратовской—съ 65 до 85%, и т. д.

Можно, поэтому, не боясь ошибиться, утверждать, что хозяйство вѣроятно $^2/_3$ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ черноземныхъ губерній, занимающихся земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ, въ отношеніи ихъ потребности только въ пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодіяхъ (въ пастбищахъ нуждается еще большая часть хозяевъ) основывается на соединеніи земли, находящейся въ ихъ постоянномъ пользованіи, и угодій, арендуемыхъ ими на сторонѣ.

Но эти крестьяне нуждаются, кромѣ того, въ пастбищахъ, аренда которыхъ и составляетъ, поэтому, весьма распространенное явленіе.

Въ противоположность черноземному раіону, гдѣ были значительныя отрѣзки крестьянскихъ надѣловъ и гдѣ земледѣліе составляетъ наиглавнѣйшій, а мѣстами и единственный источникъ денежныхъ доходовъ крестьянъ, и гдѣ поэтому аренда пахатныхъ угодій (наряду съ пастбищами) получила широкое распространеніе,—въ нечерноземной полосѣ,—наиболѣе пострадавшей при освобожденіи, вслѣдствіе лишенія крестьянъ права пользованія помѣщичьими кормами,—крестьянами арендуются по преимуществу кормовыя угодья. Для примѣра укажемъ на двѣ типичныя губерніи, для которыхъ имѣются на этотъ счетъ довольно полныя данныя. Въ восьмидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія крестьяне Тверской губ., кромѣ ста тыс. слишкомъ десятинъ выгона, арендовали, преимущественно общи-

нами, еще 500 тыс. десятинъ, изъ коихъ лишь $^1/_{10}$ часть принадлежала пашнѣ; московскіе крестьяне въ новѣйшее время, преимущественно цѣлыми общинами, снимаютъ около 400 тыс. десятинъ, изъ коихъ 95% относится на долю сѣнокосовъ и пастбищъ. Преобладаніе общественной аренды кормовыхъ угодій свидѣтельствуетъ о поголовной въ нихъ нуждѣ крестьянъ данной территоріи; а средняя величина арендуемаго кормового участка (4-5 дес. на арендующій дворъ) даетъ понятіе о площади кормовъ, безусловно необходимой для даннаго населенія.

Случай московской губерніи наглядно демонстрируетъ роль аренды земли, какъ поправки аграрной реформы 19 февраля. Ни площадь крестьянской запашки, ни интенсивность крестьянскаго земледѣлія со временъ реформы здѣсь не измѣнились. Широкое распространеніе аренды кормовъ не можетъ быть, поэтому, объяснено возросшей потребностью населенія именно въ этого рода угодьяхъ. Арендой чужихъ кормовъ, увеличивающей въ 3-4 раза площадь этого необходимаго угодья, находящуюся въ крестьянскихъ надѣлахъ, возстановляется сельскохозяйственная цѣлостность территоріи крестьянскаго хозяйства, нарушенная реформой, оставившей въ рукахъ помѣщика угодья, составляющія органическую принадлежность хозяйства крестьянъ въ размѣрахъ, установившихся въ крѣпостныя времена. Безъ обращенія къ арендѣ, крестьяне совсѣмъ не могли-бы оставаться самостоятельными земледѣльцами; прекращеніе аренды лишило-бы ихъ кормовыхъ для скота средствъ и перевернуло-бы вверхъ дномъ хозяйство цѣлой половины крестьянскаго населенія Московской губерніи. Мы говоримъ „половины“ потому, что къ

общественной арендѣ прибѣгаетъ половина общинъ Московской губерніи, — главнымъ образомъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Детальная разработка данныхъ относительно трехъ типичныхъ уѣздовъ Московской губерніи (Волоколамскаго, Бронницкаго и Московскаго), изслѣдованной въ 1900 г., наглядно показываетъ, какое вліяніе имѣетъ арендованіе крестьянами земли на поддержаніе ихъ хозяйственной состоятельности.

Къ арендѣ земли въ этихъ уѣздахъ прибѣгаютъ 72% крестьянъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, а 28% крестьянъ обходятся надѣльной землей. Это различіе крестьянъ, въ отношеніи къ арендѣ, отразилось прежде всего на ихъ обезпеченіи живымъ инвентаремъ: крестяне, не прибѣгающіе къ арендѣ, на половину безлошадны, обращающіеся къ ней имѣютъ въ своей средѣ менѣе $^1/_5$ домохозяевъ, лишенныхъ рабочаго скота. Изъ сотни хозяевъ, эксплуатирующихъ лишь надѣльную землю, лично ее обрабатываютъ 45 хозяевъ, а изъ ста крестьянъ, прибѣгающихъ къ арендѣ, лично обрабатываютъ землю 75 человѣкъ. 42% крестьянъ, хозяйничающихъ лишь на надѣлѣ, совсѣмъ не имѣютъ хозяйственныхъ строеній, и 32%— имѣютъ по два строенія и болѣе; крестьяне, пользующіеся арендой, насчитываютъ въ своей средѣ вдвое меньше лицъ, лишенныхъ хозяйственныхъ строеній и на $^2/_3$ (53%) больше лицъ, владѣющихъ двумя постройками и болѣе. Крестьяне-арендаторы имѣютъ въ своей средѣ втрое меньше безкоровныхъ и вдвое болѣе хозяевъ, владѣющихъ двумя коровами и болѣе, нежели крестьяне, эксплуатирующіе лишь свои надѣльные участки.

При такой-то зависимости крестьянскаго хозяй-

ствaотъ чужихъ угодій, арeнда крестьянами земли— какъ общее правило — производится на самые короткіе сроки: на одинъ годъ или одинъ урожай; и на такихъ-то, необезпечивающихъ ихъ, условіяхъ крестьяне снимаютъ нужныя имъ угодья съ момента освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Понятно, насколько шатко такое положеніе крестьянскаго хозяйства, и какъ необходимо, съ общественной точки зрѣнія, избавить отъ него милліоны мелкихъ земледѣльцевъ!

Неустойчивое состояніе крестьянскаго хозяйства увеличивается изъ года въ годъ, потому что потребность крестьянъ въ землѣ, съ теченіемъ времени, становилась болѣе настоятельной и вслѣдствіе размноженія сельскаго населенія, и по причинѣ разрушенія подсобныхъ къ земледѣлію занятій, и потому что натуральное ихъ хозяйство замѣняется денежнымъ. А такъ какъ арендный земельный фондъ оставался неизмѣннымъ, то естественно, что въ крестьянской средѣ возникла борьба за чужія угодья, произошло непомѣрное возвышеніе арендной на нихъ цѣны, пониженіе вслѣдствіе этого доходности крестьянскаго хозяйства, развившееся на этой почвѣ порабощеніе крестьянъ деревенскимъ ростовщикамъ и собственникамъ нужныхъ крестьянамъ угодій, истощеніе денежныхъ рессурсовъ средняго крестьянина и производительныхъ силъ его земли, обѣдненіе крестьянъ и голодовки... и все это отразилось въ крестьянской психикѣ растущимъ сознаніемъ полной необезпеченности, несмотря на всѣ жертвы, ихъ хозяйственнаго положенія, которое можетъ быть разрушено не только вслѣдствіе личнаго несчастія или неудачи самого земледѣльца, но и несчастіемъ, капризомъ, измѣненіемъ хозяйственныхъ плановъ

собственника арендуемыхъ крестьянами угодій. Многимъ крестьянамъ, преимущественно нечерноземныхъ губерній, удалось освободиться отъ роковой зависимости, путемъ свободнаго соглашенія съ владѣльцами о пріобрѣтеніи въ собственность нужныхъ имъ земель. Огромному-же большинству крестьянскаго населенія оставалась единственная надежда обезпечить себѣ хозяйственную независимость—путемъ принудительнаго отчужденія нужныхъ имъ угодій. Эта идея есть какъ-бы естесвенное порожденіе и логическое завершеніе аграрной реформы 1861 года. Она какъ-бы отражаетъ дѣйствительное положеніе вещей и можетъ быть вытравлена изъ сознанія крестьянъ, лишь съ устраненіемъ необезпеченнаго состоянія ихъ хозяйства.

Соціологическая закономѣрность идеи принудительнаго отчужденія, для дополненія крестьянскихъ надѣловъ, помѣщичьихъ земель, покоится, однако, не на этомъ психологическомъ факторѣ. Идея эта вытекаетъ изъ самаго существа отношеній между крестьянскимъ и помѣщичьимъ землевладѣніемъ, сложившихся вѣками и не получившихъ цѣлесообразнаго разрѣшенія въ реформѣ 19 февраля. Масса бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нуждается не въ землѣ вообще, а въ опредѣленномъ участкѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ихъ надѣломъ, органическую часть котораго онъ составляютъ. Удовлетворенія этой нужды нельзя поэтому достигнуть отведеніемъ участка на сторонѣ, изъ имѣнія, добровольно кѣмъ либо продаваемаго; а добровольная продажа крестьянамъ того именно участка, который имъ необходимъ, можетъ быть только счастливой случайностью, а не правиломъ. На почвѣ добровольныхъ соглашеній покупателей и продавцовъ разрѣшить

крестьянскій вопросъ, вообще, не представляется поэтому возможнымъ. Вотъ почему учрежденіе въ 1883 г. крестьянскаго поземельнаго банка, поставившаго себѣ задачей содѣйствіе въ пріобрѣтеніи крестьянамъ нужныхъ имъ угодій, не смягчило остроты крестьянскаго вопроса и не измѣнило крестьянской психологіи.

Еще менѣе можно ожидать этого отъ новѣйшей политики крестьянскаго банка, не только посредничающаго въ сдѣлкахъ между помѣщиками и крестьянами, но пріобрѣтающаго на свой счетъ массу помѣщичьихъ имѣній и устраивающаго на нихъ мѣстныхъ и пришлыхъ крестьянъ отрубами и хуторами для разведенія новаго самостоятельнаго хозяйства. Часть пріобрѣтаемой банкомъ земли обыкновенно находилась въ арендномъ пользованіи сосѣднихъ крестьянъ. Съ переходомъ земли къ банку это пользованіе прекращается, крестьяне лишаются органической части территоріи своего хозяйства, и послѣднее теряетъ и ту степень устойчивости, которая кое какъ поддерживалась арендой. Новѣйшая аграрная политика, преслѣдующая цѣль созданія новаго типа сильныхъ домохозяйствъ, не только не поправляетъ, поэтому, недостатковъ реформы 19 февраля, но усиливаетъ ея слабыя стороны и грозитъ массовымъ разрушеніемъ крестьянскихъ хозяйствъ.

В. В.

Освобожденіе крестьянъ.

(Итоги прошлаго и задачи настоящаго).

19 февраля исполнится полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ пало ненавистное крѣпостное право, „отмѣненное навсегда“. Крестьяне и дворовые люди, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, должны были получить права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу. Въ пользованіе этими правами они могли вступить, однако, не сразу, а лишь въ тѣ сроки и такимъ порядкомъ, какъ это указывалось въ Положеніяхъ о крестьянахъ и о дворовыхъ людяхъ. Послѣ обнародованія Положеній, крестьяне переходили въ состояніе такъ называемое „временно-обязанныхъ“, отбывая въ пользу помѣщика, за отведенныя имъ въ постоянное пользованіе усадебныя и полевыя земли, повинности—денежныя и издѣльныя. Состояніе это, весьма стѣснительное для освобожденныхъ, въ то же время не удовлетворяло тѣхъ помѣщиковъ, которые, подобно дворянству Петербургской губерніи, готовы были отказаться „на вѣчныя времена отъ принадлежащаго имъ крѣпостного, личнаго права на крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ“ подъ условіемъ сохраненія за ними неприкосновеннымъ права собственности на землю и „*сопряженнаго съ онымъ вотчиннаго права*“. Временно-обязанное состояніе под-

ходило скорѣе къ пожеланіямъ дворянъ, которые вмѣстѣ съ членами новгородскаго комитета доказывали необходимость отмѣны крѣпостного права во всемъ объемѣ не ранѣе, какъ по истеченіи шестилѣтняго срока.

Представленіе помѣщиковъ о желательномъ объемѣ правъ крестьянъ, въ теченіе этого переходнаго времени, было весьма различно. Останавливаясь только на однихъ правахъ семейственныхъ, мы видимъ, что, по понятію нѣкоторыхъ комитетовъ,—напр. вологодскаго,—„выходъ крестьянокъ въ замужество за лицъ другого сословія, какъ и переходъ ихъ въ другія общества и сословія, можетъ быть допущенъ не иначе, какъ съ дозволенія помѣщика“. По мнѣнію комитета тульскаго, „вдовы и дѣвки, желающія выйти въ замужество за крестьянъ, принадлежащихъ другому помѣстью, должны испросить на сіе дозволеніе отъ помѣщиковъ“. Взглядъ огромнаго большинства дворянъ на переходное время выраженъ довольно опредѣленно въ отзывѣ извѣстнаго защитника интересовъ крѣпостниковъ Позена. Онъ, вмѣстѣ съ Богдановичемъ, объяснялъ, между прочимъ, что предоставленіемъ „выходящимъ изъ крѣпостной зависимости крестьянамъ личныхъ правъ, которыми пользуются свободныя сельскія сословія, нарушается предписанная постепенность; что тутъ, съ перваго же раза, крестьяне получаютъ всѣ права свободныхъ сословій, съ которыми нисколько не совмѣстно уже переходное положеніе, предполагающее временное укрѣпленіе къ землѣ и обязательныя повинности помѣщику“. Для переходнаго періода Позенъ считалъ желательнымъ только „прекращеніе продажи, даренія, всякаго отчужденія, переселенія крестьянъ противъ ихъ воли въ другія

имѣнія, обращенія въ дворовые, и вообще всякаго произвольнаго распоряженія личностью крестьянина. Сюда можно еще прибавить права семейныя, право на пріобрѣтеніе недвижимой собственности безъ согласія помѣщика, и право жалобы; но идти далѣе этого невозможно, если въ реформѣ должна быть сохранена указанная постепенность, дѣлающая необходимымъ переходное положеніе, хотя на нѣкоторое время“ (*А. Скребицкій.* — Крестьянское дѣло I; стр. 12, 13, 22 и 23). Возражая противъ подобныхъ домогательствъ, редакціонныя комиссіи указывали, „что, на основаніи журнала Главнаго Комитета 4 Декабря 1858 года, крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости въ сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей, должны пользоваться всѣми личными правами, вообще природнымъ россійскимъ обывателямъ предоставленными“. Несмотря на такое заявленіе, въ концѣ концовъ, все же пришлось установить переходный періодъ, въ теченіе котораго крестьяне должны были находиться въ состояніи „временно-обязанныхъ“. Несомнѣнно, законодатель дѣлалъ тѣмъ явную уступку требованіямъ, исходившимъ изъ дворянской партіи, и ставилъ на извѣстный срокъ освобожденныхъ въ зависимое положеніе отъ бывшихъ владѣльцевъ, которое должно было закончиться вполнѣ лишь съ переходомъ крестьянъ на выкупъ.

Регламентируя подробно отношенія сторонъ въ этотъ переходный періодъ, законодатель предполагалъ, что дальнѣйшее развитіе правъ крестьянъ будетъ совершаться постепенно и безпрепятственно, какъ бы само собой, въ силу естественной необходимости. Дѣйствительность не оправдала этихъ ожиданій. Порывая окон-

чательно крѣпостную связь съ владѣльцемъ, крестьяне, тѣмъ не менѣе, не превращались въ полноправныхъ гражданъ и вынуждены были составить особый, низшій общественный классъ. Они продолжали оставаться сословіемъ тяглымъ, податнымъ, на которомъ лежитъ все бремя государственнаго бюджета и постоянно возрастающей платы владѣльцамъ за наемъ земельныхъ угодій, необходимыхъ для веденія хозяйства. Время не приносило улучшеній въ этомъ отношеніи; напротивъ, чуть не съ каждымъ десятилѣтіемъ положеніе освобожденныхъ становилось тяжелѣе. Оно ухудшалось уже вслѣдствіе однихъ измѣненій въ пріемахъ управленія крестьянами, которое происходило сначала фактически, подъ вліяніемъ общественнаго настроенія, а затѣмъ выразилось вполнѣ опредѣленно, при преобразованіи въ 1874 г. института мировыхъ посредниковъ въ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія. Но особенно замѣтное умаленіе крестьянскихъ правъ наблюдается съ 80-хъ годовъ. Такъ, законъ 18 марта 1886 года (о семейныхъ раздѣлахъ) существенно ограничиваетъ права большинства крестьянъ, которые отдаются въ опеку нѣкоторымъ изъ своихъ собратій, такъ наз. „домохозяевамъ“, получающимъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію ихъ имуществомъ и судьбою. Надо ли напоминать о томъ, сколько этотъ законъ вызвалъ неправды, сколько породилъ онъ грубаго насилія и издѣвательства надъ личностью опекаемыхъ? Въ томъ же году, 12 іюня, издается законъ, въ силу котораго государственные крестьяне были переведены на выкупъ, и оброчная подать за землю превращена въ выкупной платежъ, значительно увеличенный. Произведя эту операцію въ интересахъ фиска, правительство нанесло жесто-

кую, неисцѣлимую рану хозяйственному положенію этого разряда крестьянъ и сравняло послѣднихъ съ крестьянами бывшими помѣщичьими. Законъ 12 іюля 1889 года о земскихъ участковыхъ начальникахъ отдаетъ всѣхъ крестьянъ, — какъ „домохозяевъ“, такъ и всю массу остальныхъ, зависимыхъ отъ нихъ, — подъ начало и въ безконтрольное распоряженіе представителямъ того самаго сословія, отъ власти котораго они были освобождены 19-го февраля 1861 года. Земскій начальникъ, являясь полнымъ хозяиномъ волости, фактически смѣняя и назначая волостныхъ судей, имѣющихъ право присуждать къ тѣлесному наказанію, получаетъ возможность властвовать неограниченно надъ личностью и имуществомъ крестьянъ; съ помощью ст. 61 онъ легко обезличиваетъ даже самыхъ строптивыхъ изъ нихъ. Законъ 8 іюня 1893 года отдаетъ въ полное распоряженіе его одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ хозяйственной жизни деревни, вопросъ о передѣлахъ, рѣшеніе котораго требуетъ близкаго знанія, во всѣхъ подробностяхъ, весьма сложнаго явленія и добросовѣстнаго изученія мѣстныхъ обычаевъ. Законъ этотъ, связавъ крестьянъ по рукамъ и ногамъ, лишилъ ихъ права самостоятельно рѣшать хозяйственные вопросы, и нисколько неудивительно, что онъ вызвалъ огромный безпорядокъ въ сельскомъ быту и полную необезпеченность имущественныхъ правъ крестьянъ.

Доведенные до крайне приниженнаго состоянія, крестьяне съ 1890 года участвуютъ въ земствѣ только для формы: назначаемые губернаторомъ, по прямому указанію земскихъ начальниковъ, изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ волостными сходами, весьма малочисленные представители кре-

стьянскаго сословія играютъ на земскихъ собраніяхъ самую жалкую роль.

Унизительное положеніе огромнѣйшаго большинства гражданъ Имперіи не могло не обратить на себя вниманія, при первыхъ-же признакахъ политическаго пробужденія страны, и на необходимость самой коренной реформы въ этой области стали указывать тогда не одни только органы общественнаго мнѣнія, а также и само правительство. Въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ,—представленной въ Государственную Думу 20-го Февраля 1907 г, по проекту Положенія „о крестьянскомъ землевладѣніи“, признается необходимость такой реформы и поясняется, что это имѣлъ въ виду уже указъ 12-го Декабря 1904 г., который повелѣвалъ „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ сельскихъ обывателей“. Та же записка объясняетъ далѣе, что „еще болѣе обнаружилась необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ этомъ направленіи, послѣ изданія Высочайшаго манифеста 17-го Октября 1905 г., которымъ крестьяне уравнены въ политическихъ правахъ съ остальными классами населенія, ибо сохранять въ полной мѣрѣ сословную обособленность крестьянскаго населенія, связанную съ своеобразными особенностями управленія и суда и всего правового быта при осуществленномъ уже уравненіи этого населенія съ прочими классами въ отношеніи политическомъ, не представлялось никакихъ основаній„. Дѣйствительность совершенно не соотвѣтствовала этимъ требованіямъ, и министерство

признавало, что послѣ изданія этого манифеста „представляется необходимымъ принять всѣ мѣры къ возможно полному уравненію крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и къ распространенію на нихъ дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, а также объ управленіи и судѣ“.

Эти обѣщанія остались, однако, только обѣщаніями и, судя по выработанному правительствомъ проекту „Положеній о крестьянахъ“, все—вплоть до земскаго начальника — имѣетъ вѣроятность остаться неизмѣннымъ и на будущее время. Послѣ роспуска первой и второй Государственной Думы, намѣренія правительства въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ измѣнились. Вмѣсто отмѣны сословной обособленности крестьянъ и уравненія ихъ „въ правахъ съ остальными классами населенія“, правительство удовольствовалось паліативными мѣрами, — какъ изданіемъ закона 5-го Октября,—и занялось осуществленіемъ своей аграрной программы, идущей въ разрѣзъ съ основными началами Положеній 19-го Февраля. Въ третьей Думѣ, созванной по спеціально изданному для того закону 3-го Іюня 1907 г., оно находитъ вполнѣ послушный органъ для проведенія въ жизнь своей земельной политики. Оставляя крестьянъ въ томъ же обособленномъ, приниженномъ положеніи, въ положеніи гражданъ неполноправныхъ, правительство энергично стремится кореннымъ образомъ измѣнить ихъ земельныя отношенія. Расшатывая бытовые устои, отмѣняя общинное землевладѣніе и стремясь выселить крестьянъ изъ деревень въ „хутора“, правительство поддерживаетъ только „сильныхъ хозяевъ“, устраивающихъ свое благополучіе на обезземеленьи

большинства односельчанъ. Спокойно признавая неизбѣжную гибель этого большинства, правительство готово предоставить ему только право арендовать помѣщичью землю по образцу „десятинщиковъ“ нашего Юга, да еще право стаднаго кочеванія въ безнадежныхъ поискахъ земли на пространствѣ всей страны вплоть до Тихаго океана. Но обезземеливая значительную часть крестьянства, аграрная политика правительства все-же не можетъ обезпечить зарожденія тѣхъ прогрессирующихъ хозяйствъ, привлекательными картинами которыхъ оно старается успокоить встревоженное общественное мнѣніе. Существованіе такихъ хозяйствъ въ дѣйствительности требуетъ наличности многихъ условій, къ сожалѣнію, отсутствующихъ въ нашей странѣ,—прежде всего, установленія строгой законности, прочнаго правопорядка. При отсутствіи такихъ условій, никакія усилія департаментскихъ чиновниковъ и всевозможныхъ землеустроителей, старающихся о разрушеніи общиннаго землевладѣнія и о насажденіи частной собственности, не создадутъ у насъ процвѣтающаго земледѣлія.

Я имѣлъ случай высказать по этому поводу въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (засѣданіе 26-го Января 1905 года), между прочимъ, слѣдующее: когда говорятъ серьезно о магическомъ дѣйствіи частной собственности, то предполагаютъ, что она существуетъ въ общественныхъ условіяхъ благопріятныхъ. Я не принадлежу къ тѣмъ, которые считаютъ, что только личная собственность на землю въ состояніи обезпечить человѣку плоды его труда; я убѣжденъ, что собственность коллективная также даетъ это обезпеченіе и также въ

состояніи повести къ магическимъ послѣдствіямъ, о которыхъ свидѣтельствовалъ Артуръ Юнгъ. Но какой бы видъ собственности мы не отстаивали, во всякомъ случаѣ, говоря о благодѣтельномъ вліяніи этого института на хозяйственную дѣятельность, мы предполагаемъ, что всѣ другія разнообразныя условія жизни общественной поставлены правильно: управленіе, судъ, народное образованіе, податная система, кредитъ и т. д.,—все это должно соотвѣтствовать требованіямъ экономически организованнаго, современнаго правового государства. Если мы превратимъ нашихъ поселянъ, хозяйничающихъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ, въ частныхъ собственниковъ и оставимъ неизмѣненными наши современныя условія общественной жизни,—то не только не произойдетъ никакого магическаго вліянія отъ установленія частной собственности, но, я склоненъ думать, произойдетъ замѣтное ухудшеніе въ положеніи какъ самихъ крестьянъ, такъ и ихъ хозяйствъ.

Если защитники разрушенія общиннаго землевладѣнія и установленія, вмѣсто него, личной собственности думаютъ серьезно о прогрессѣ земледѣлія, то они должны, прежде всего, вывести нашего поселянина изъ того униженнаго положенія, въ которомъ онъ находится теперь, и обезпечить строгую законность въ странѣ. При господствующемъ у насъ безправіи и при насажденіи злѣйшей междуусобицы среди крестьянъ нельзя, разумѣется, ожидать ничего, кромѣ самыхъ печальныхъ послѣдствій даже и для агрикультурныхъ экспериментовъ правительства. Но само собой понятно, что истинный интересъ нашей родины настоятельно требуетъ улучшенія положенія не только однихъ „сильныхъ хозяевъ“, а

всего крестьянства. Ему должны быть дарованы права, которыми пользуются граждане въ современномъ правовомъ государствѣ, и обезпечены условія для веденія правильнаго, выгоднаго хозяйства на собственной землѣ. Вспомнить объ этомъ обязательно въ день пятидесятилѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ, когда мы будемъ учитывать то, что совершено въ прошломъ, и уяснять, что надлежало бы сдѣлать въ настоящемъ.

А. Посниковъ.

Земская реформа въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ.

Первое десятилѣтіе царствованія Императора Александра II, обнимавшее годы крупнѣйшихъ внутреннихъ преобразованій или, какъ у насъ принято говорить, эпоху великихъ реформъ, до сихъ поръ окутано дымкой романтизма и продолжаетъ еще вызывать въ широкихъ слояхъ населенія лучшія идеалистическія настроенія. Конечо, эти послѣднія имѣютъ, такъ сказать, законныя основанія, и въ значительной мѣрѣ объясняются настроеніями же какъ общества, такъ и народа въ то, нынѣ уже отдаленное, время. Несомнѣнно пульсъ общественной жизни бился тогда сильнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ во всѣ послѣдующіе десятилѣтія прошлаго вѣка; несомнѣнно умственный и нравственный подъемъ захватилъ въ тѣ годы не только верхніе слои общества и избранные круги его, но и самую толщу населенія; несомнѣнно, что пять-шесть лѣтъ такого подъема сдѣлали страну старше на десятилѣтія, поднявъ и повысивъ ея духовную жизнь до небывалой прежде высоты и сыгравъ выдающуюся роль въ фактической исторіи эпохи великихъ реформъ. Но несомнѣнно также, что и не особыя настроенія и не идеалистическія тенденціи создали крупнѣйшія преобразованія шестидесятыхъ годовъ. Къ нимъ привели: исключительно тяжелое внутреннее положеніе государства и не-

избѣжная необходимость найти выходъ изъ тупика, въ который попала страна отъ господствовавшихъ въ ней порядковъ.

Молодой императоръ совсѣмъ не былъ въ такой мѣрѣ привержень къ реформамъ, какъ это принято думать. Напротивъ того, со дня воцаренія, Александръ II не переставалъ высказывать свои охранительныя тенденціи. Въ письмахъ къ дядѣ своему императору Вильгельму I, онъ постоянно указывалъ „на поступательный ходъ всемірной революціи“ и „на необходимость принять сообща мѣры къ обузданію ея“. [1]) Онъ вполнѣ отрицательно относился не только къ революціи, но даже и къ либерализму. Поэтому первоначальныя основанія крестьянской реформы, обсуждавшіяся въ тайномъ комитетѣ, были предусмотрѣны въ интересахъ помѣщичьяго большинства этого комитета. Либеральный адресъ пяти депутатовъ перваго призыва вызвалъ „крайнее раздраженіе“ Александра II, хотя онъ былъ нисколько не либеральнѣе реформъ, при немъ же осуществленныхъ. Такое настроеніе государя дѣлало освобожденіе крестьянъ, которому платонически сочувствовали и Екатерина II, и Александръ I, и даже Николай I, столь же маловѣроятныъ, какъ и въ царствованіе этихъ послѣднихъ государей. Оно едва ли совершилось бы, если бы положеніе вещей въ государствѣ оставалось неизмѣннымъ; если бы сами крестьяне не стремились всѣми силами къ отмѣнѣ крѣпостничества, если бы его не сдѣлала ненавистнымъ въ глазахъ лучшей части общества русская литература, блиставшая въ то время луч-

---

[1]) См. трудъ Татищева «Александръ II» въ 1-мъ томѣ «Русскаго біографическаго словаря», стр. 510.

шими своими именами, составляющими нашу гордость до послѣдняго времени, если бы крымская кампанія не обнаружила крайне неудовлетворительнаго состоянія всего внутренняго государственнаго управленія и надвигавшагося финансоваго банкротства, если бы—что особенно важно—экономическія причины, въ свою очередь, не грозили разореньемъ всему государству и прежде всего самимъ же помѣщикамъ. При такихъ условіяхъ, освобожденія крестьянъ ждали всѣ: слухи и толки, иногда самые фантастическіе, не прекращались съ самаго дня воцаренія Александра II. Помянутый выше тайный комитетъ по дѣламъ крестьянской реформы, несмотря на свой, по преимуществу, помѣщичій составъ, призналъ себя вынужденнымъ „единогласно“ рѣшить довести до свѣдѣнія государя, „что вопросъ о крѣпостномъ состояніи дѣйствительно требуетъ разрѣшенія; что помѣщики предполагаютъ въ правительствѣ намѣреніе измѣнить настоящія отношенія ихъ къ крестьянамъ, но, не зная сущности этихъ намѣреній, находятся отъ того въ тревожномъ состояніи; что, съ своей стороны, крестьяне ожидаютъ въ пользу свою мѣропріятій правительства и полагаютъ, что осуществленію ихъ препятствуютъ помѣщики; что толки о свободѣ въ настоящее время хотя и не составляютъ чего либо новаго, а суть явленіе обыкновенное, повторяющееся въ началѣ каждаго царствованія, но что нельзя не сознаться, что повтореніе этихъ толковъ можетъ, наконецъ, породить опасность для спокойствія государства“... и т. д. [1]) Дальше, очевидно, ждать было невозможно и государь рѣшилъ идти на встрѣчу обществен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 524.

нымъ и народнымъ стремленіямъ въ этомъ отношеніи, очевидно, признавая, что преобразованія должны совершаться сверху, а не снизу. Въ сказавшейся въ этомъ рѣшеніи политической предусмотрительности и заключается важнѣйшая особенность внутренней политики императора Александра II.

Въ началѣ царствованія онъ еще не предвидѣлъ всего объема неизбѣжныхъ преобразованій. Сама крестьянская реформа въ первоначальныхъ положеніяхъ о ней, Высочайше утвержденныхъ для руководства главному комитету, носила на первыхъ порахъ, какъ уже выше сказано, охранительный характеръ и исходила прежде всего изъ выгодъ помѣщиковъ. И лишь впослѣдствіи, когда гр. Ростовцовъ убѣдился, что реформа, въ духѣ большинства членовъ комитета, будетъ полумѣрой, способной не успокоить, а еще больше взволновать населеніе, и доложилъ объ этомъ государю, лишь послѣ этого Александръ II согласился на болѣе коренную реформу и настаивалъ на ней до ея осуществленія. Тоже было и съ другими реформами и особенно съ земской, которая, пріобщеніемъ крестьянства къ мѣстному управленію и слѣдовательно къ гражданскимъ обязанностямъ, должна была ближайшимъ образомъ завершить освобожденіе крестьянъ и изъ рабовъ сдѣлать ихъ гражданами.

Проектъ реформы мѣстнаго управленія, задуманный въ 1858 г., сводился къ тому, чтобы сосредоточить всю власть въ уѣздѣ въ рукахъ назначаемаго правительствомъ, преимущественно изъ военныхъ, уѣзднаго начальника, распоряженіямъ котораго долженъ былъ подчиняться и уѣздный предводитель дворянства. Проектъ этотъ вызвалъ

всеобщее недовольство, а дворяне усмотрѣли въ немъ даже оскорбленіе своего сословія. Правительству пришлось отказаться отъ него и выработать повый планъ мѣстной реформы, болѣе соотвѣтствующей потребностямъ времени. Весьма охранительное настроеніе въ правительственныхъ сферахъ наблюдалось также вначалѣ разработки судебной реформы, при измѣненіи законовъ печати, при введеніи университетскаго устава 1863 г. и въ другихъ случаяхъ. Почти всѣ реформы встрѣчались властями холодно и проводились не раньше того, когда потребность въ нихъ становилась неотложной, и неудовлетвореніе ихъ дѣлалось опаснымъ для государственнаго спокойствія и самаго необходимаго благоустройства.

Въ такомъ именно положеніи находилось и дѣло мѣстнаго управленія въ странѣ.

До начала XIX вѣка все мѣстное управленіе, если не считать такъ называемаго „казеннаго управленія“, сводилось къ выполненію, и при томъ исключительно неудовлетворительному, судебно-полицейскихъ функцій. Земскіе чины были не земцы въ современномъ пониманіи, а чины полиціи. Земскія обязанности ихъ сводились къ обязанностямъ по содержанію въ порядкѣ дорогъ, отводу квартиръ войскамъ и сопровожденію ихъ черезъ уѣздъ. Болѣе или менѣе земское дѣло выполняли лишь приказы общественнаго призрѣнія, учрежденные Екатериной II, но и то чисто приказнымъ, бюрократическимъ порядкомъ. Въ законѣ не было установлено положеній объ отправленіи и раскладкѣ земскихъ повинностей, и вся тяжесть ихъ почти исключительно лежала на крестьянахъ и мѣщанахъ. Вся, нынѣ обширная и сложная, область такъ называемыхъ администра-

тивно-хозяйственныхъ дѣлъ была въ полномъ пренебреженіи и запустѣніи.

Нѣкоторыя самыя элементарныя начала организаціи стали вводиться въ мѣстномъ управленіи только въ XIX вѣкѣ. Въ 1805 г. было примѣнено предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ и организованы для завѣдыванія ими губернскія присутствія; въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія были учреждены губернскія, а вскорѣ затѣмъ и уѣздныя дорожныя комиссіи; къ первымъ изъ нихъ въ сороковыхъ годахъ были присоединены строительныя комиссіи; въ городахъ разновременно были введены квартирныя комиссіи, а въ уѣздахъ квартирные комитеты, завѣдывавшіе также и подводной повинностью; въ 1834 г. были образованы комиссіи народнаго продовольствія и обнародовано положеніе о народномъ продовольствіи. Наконецъ, въ 1851 г., предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ было замѣнено уставомъ о нихъ и были организованы губернскіе и уѣздные органы для завѣдыванія этими повинностями. Всѣ эти уставы, положенія, присутствія, комиссіи и комитеты увеличили, конечно, тяготу населенія, но дѣла не улучшили. По сознанію самого правительства, „порядокъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія далеко не удовлетворялъ самымъ необходимымъ и законнымъ требованіямъ“ [1]).

Сущность отмѣченнаго выше законодательства сводилась къ слѣдующему.

Губернскими земскими органами служили: во 1-хъ, особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ,

---

1) Ст. С. Я. Пейтлина «Земская реформа» въ вып. 11-мъ «Исторіи Россіи въ XIX в.» изд. Т-ва Гранатъ, стр. 186.

въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, засѣдали губернскій предводитель дворянства, предсѣдатели казенной палаты и палаты государственныхъ имуществъ и городской голова губернскаго города, и 2-хъ, губернскій комитетъ земскихъ повинностей въ томъ же составѣ, что и особое присутствіе, съ добавленіемъ уѣздныхъ предводителей дворянства, депутатовъ дворянства и городовъ и подвѣдомственные палатѣ государственныхъ имуществъ уѣздные начальники.

Губернскіе комитеты собирались одинъ разъ въ три года на нѣсколько дней. Разсмотрѣть за это время отчеты и смѣты, а также обсудить хозяйственные и финансовые вопросы, даже при искреннемъ желаніи, не было никакой возможности. Дѣло сводилось, обычно, къ тому, что депутаты подписывали то, что требовали отъ нихъ чиновники, и разъѣзжались. Впрочемъ, огромное большинство ихъ совсѣмъ не пріѣзжало. Въ Херсонской губерніи былъ въ 1862 г. характерный фактъ, когда депутатъ г. Очакова былъ присланъ въ Херсонъ для составленія земской смѣты по этапу. Дальше этого идти было некуда. Все дѣло вершилось по усмотрѣнію губернатора и безаппеляціонность его была настолько безспорнымъ фактомъ, что всякое самое невинное замѣчаніе депутата разсматривалось уже какъ оппозиція, какъ протестъ противъ власти и правительства.

При такихъ условіяхъ и отсутствіи точныхъ законодательныхъ нормъ, въ управленіи земскими повинностями, раздѣлявшимися на денежныя и натуральныя, господствовалъ полный хаосъ. Изъ денежныхъ повинностей болѣе или менѣе ясно были выдѣлены такъ называемыя частныя, т. е. сословныя и общественныя, государственныя же

и губернскія различались между собой настолько слабо, что постоянно смѣшивались, конечно, въ сословныхъ интересахъ дворянъ: государственныя повинности, въ которыхъ дворяне участвовали очень слабо, постоянно увеличивались, губернскія, требовавшія большихъ жертвъ со стороны помѣщиковъ, сначала росли очень немного, а затѣмъ даже стали уменьшаться. По смѣтамъ 1864 г., государственныхъ, земскихъ и частныхъ повинностей землевладѣльцы должны были заплатить, вмѣстѣ съ казной, удѣлами, торговцами и промышленниками, всего около 1.300.000 р., крестьяне же и мѣщане—свыше 23.100.000 р. Наряду съ этимъ натуральныя повинности—квартирная, подводная и дорожная—почти цѣликомъ лежали на тѣхъ же непривиллегированныхъ сословіяхъ и серьезно отягощали ихъ хозяйственную дѣятельность.

Смѣты и отчеты составлялись по трехлѣтіямъ. Отчеты за истекшее трехлѣтіе провѣрялись въ губерніяхъ особыми присутствіями, которыя составляли и предварительныя смѣты. Затѣмъ эти послѣднія утверждались губернскими комитетами, проектировавшими также и раскладку губернскихъ денежныхъ повинностей. Но дѣло на мѣстахъ не заканчивалось: указанная земская организація имѣла только совѣщательный характеръ, окончательное же установленіе смѣты и раскладокъ зависѣло отъ центральнаго правительства, а вся исполнительная часть лежала на мѣстной полиціи. Въ центрѣ, смѣты подвергались въ министерствѣ финансовъ коренной передѣлкѣ, въ результатѣ которой получались: крайняя неуравнительность раскладки, включеніе въ смѣты расходовъ, совершенно не относящихся къ земству, какъ напр., по воинской части, значительное число сверхсмѣт-

ныхъ расходовъ и,—какъ результатъ всего этого произвола,—отягощеніе населенія, постоянная его недоимочность и полный хаосъ на мѣстахъ.

Состоявшія, по закону, въ уѣздахъ отдѣльныя присутствія губернскаго комитета, существовали только на бумагѣ и немногія дѣла этихъ присутствій обычно рѣшались ихъ предсѣдателями — уѣздными предводителями дворянства. Дорожныя и квартирныя комиссіи бездѣйствовали. Отчетность денежныхъ земскихъ повинностей провѣрялась въ казенныхъ палатахъ, въ комитетѣ земскихъ повинностей, въ особомъ присутствіи и въ депутатскомъ собраніи. Провѣрка сводилась къ установленію по книгамъ и документамъ правильности, только съ формальной стороны, статьи прихода, расхода и остатковъ, вслѣдствіе чего самая ревизія являлась безцѣльной, ни для чего и ни для кого ненужной и лишь тормазившей дѣло. Нерѣдко дворяне даже не подозрѣвали о правѣ ихъ ревизовать земскіе сборы.

Хаосъ въ натуральныхъ повинностяхъ былъ еще большій. Вслѣдствіе бездѣйствія особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій, строительныхъ и дорожныхъ комиссій, липенныхъ, какъ уже было сказано, всякой самостоятельности, все дѣло натуральныхъ повинностей на бумагѣ вершилось центральной властью, а въ дѣйствительности, губернаторомъ или даже, точнѣе, уѣздной полиціей—этимъ единственнымъ органомъ земско-хозяйственнаго управленія, соединявшимъ въ себѣ и исполнительныя функціи и распорядительныя, а въ иныхъ случаяхъ даже и контрольныя. Вся тяжесть натуральныхъ повинностей почти цѣликомъ лежала на податныхъ сословіяхъ. По даннымъ 50-хъ годовъ, стоимость ихъ на душу превышала 75 к.,

т. е. сумму, по тому времени, исключительно высокую.

При такой организаціи и такой постановкѣ земскаго дѣла, положеніе отдѣльныхъ его отраслей было ниже всякой критики.

Такъ какъ приказы общественнаго призрѣнія были введены еще со времени Екатерины II и располагали, производя кредитныя операціи, относительно значительными средствами, то можно было ожидать, что хоть они успѣли поставить свое дѣло болѣе или менѣе удовлетворительно. Между тѣмъ, при сдачѣ этими приказами дѣлъ земскимъ учрежденіямъ, открытымъ по Положенію 1 января 1864 г., оказалось, что земству „достались: до основанія растаганная организація учрежденій общественнаго призрѣнія, мало пригодныя, неприспособленныя и въ большинствѣ случаевъ ветхія зданія, значительно уменьшенныя во многихъ случаяхъ основныя средства, предназначенныя для веденія дѣла и, наконецъ, болѣе чѣмъ на половину пониженные доходы“. Переданные земству приказами дома „не были приспособлены къ тѣмъ нуждамъ, для удовлетворенія которыхъ они предназначались“, „гигіеническія требованія въ нихъ совсѣмъ не соблюдались“, въ больничномъ хозяйствѣ „не было опредѣленныхъ нормъ и должнаго контроля; управленіе находилось въ рукахъ некомпетентныхъ лицъ“ и т. д. Въ частности, в полтавскомъ домѣ для душевно-больныхъ, старшій врачъ самъ сказалъ, что лучше о немъ и о больныхъ совсѣмъ „не говорить, такъ постыдно содержаніе этихъ несчастныхъ въ гигіеническомъ отношеніи и такъ чувствительно отсутствіе приспособленій для надлежащаго содержанія и призрѣнія ихъ“. Въ такомъ же приблизительно со-

стояніи были „богоугодныя заведенія“ приказовъ общественнаго призрѣнія и въ другихъ губерніяхъ [1]).

Еще въ худшемъ положеніи находилось народно-продовольственное дѣло, всецѣло ввѣренное мѣстному дворянству. „Ни въ одной области мѣстнаго хозяйства оно не обнаружило большей небрежности и безучастности, болѣе настойчиваго противодѣйствія всякимъ попыткамъ организовать дѣло во всей странѣ на какихъ бы то ни было общихъ началахъ. Если что-либо и дѣлалось для ослабленія нужды крестьянства въ хлѣбѣ въ голодные годы, то это дѣлалось отдѣльнымъ помѣщикомъ въ силу его неограниченной вотчинной власти въ помѣстьѣ. Губернское же и уѣздное управленіе народнымъ продовольствіемъ привело въ концѣ 50-хъ годовъ къ тому, что „учрежденіе сельскихъ магазиновъ служило собственно не для обезпеченія народнаго продовольствія, а для содержанія попечителей“; степень же пользы ничтожныхъ денежныхъ суммъ, выдававшихся на продовольствіе крѣпостныхъ (не выше 3 р. на душу) въ распоряженіе помѣщиковъ „не обнаружилась никакимъ видимымъ образомъ“. [2])

Совершенно печально было положеніе и народнаго образованія, т. е. прежде всего народной школы, находящейся теперь на попеченіи земства. Изъ 35 555 училищъ съ 954,6 тыс. учащихся, 21.420 училищъ относились къ типу, такъ называемыхъ, церковно-приходскихъ, а остальныя вѣдались различными казенными вѣдомствами. Какъ

---

[1]) Евг. Максимовъ. Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. СПБ. 1895 г., стр. 19—14.

[2]) Ст. С. Я. Цейтлина „Земская реформа“, тот же вып. „Исторія Россіи въ XIX в.,“ стр. 190.

ни плохи были училища этихъ послѣднихъ, все же они стояли несравненно выше главной массы школъ—церковно-приходскихъ. По сознанію самаго духовенства, каждая церковно приходская школа обучала въ среднемъ только по 19 человѣкъ; затѣмъ всѣ онѣ были такъ плохо обставлены въ матеріальномъ отношеніи, что многія изъ нихъ теряли даже характеръ постоянныхъ училищъ; наконецъ, помѣщенія ихъ почти всегда не благопріятствовали обученію, а иногда даже дѣлали его невозможнымъ. Въ результатѣ, вліяніе церковно-приходскихъ школъ „на грамотность въ громадномъ большинствѣ случаевъ, если не всегда, было болѣе, чѣмъ незначительно“. Свѣдѣнія, сообщенныя самимъ же духовенствомъ, вполнѣ подтверждаютъ неизбѣжность такихъ результатовъ. Согласно этимъ свѣдѣніямъ,

> во-первыхъ, не получая вознагражденія и имѣя сложныя прямыя обязанности, духовенство относится къ обученію въ школахъ небрежно и неаккуратно; во-вторыхъ, священно-служители, хотя и образованнѣе церковно-служителей, но тѣмъ не менѣе мало знакомы съ педагогикой и правилами элементарнаго обученія, а потому ихъ занятія мало производительны; въ-третьихъ, церковно-служители, замѣняющіе священниковъ, постоянно отрываемыхъ отъ школъ исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, — часто по своему нравственному и умственному развитію могутъ оказать на учениковъ лишь деморализирующее вліяніе [1]).

Приведенныя данныя опредѣленно указываютъ на совершенно невозможную постановку началь-

---

[1]) Ст. Е. Максимова «Дореформенныя церковно-приходскія училища и ихъ опытъ, въ примѣненіи къ современнымъ школамъ». Журналъ «Наблюдатель» 1887 г. № 9, стр. 36, 37 и 40.

наго образованія въ дореформенное время. Но есть полное основаніе предполагать, что и эти данныя, если и не пріукрашены, то, по крайней мѣрѣ, преувеличены. Во многихъ случаяхъ съ полнымъ убѣжденіемъ можно утверждать, что

большинство дореформенныхъ школъ, равно какъ и учащихся, числилось лишь номинально, на бумагѣ, для представленія отчетовъ по начальству, совершенно не существуя въ дѣйствительности, а тѣ школы, которыя дѣйствительно существовали и дѣйствительно имѣли учащихся, представляли лишь какую-то пародію на школы и не могутъ идти ни въ какое сравненіе даже съ существующими нынѣ „школами грамотности“.

Насколько фиктивно было существованіе огромнѣйшаго большинства школъ названнаго типа,— это немедленно обнаружилось, какъ только явились земскія учрежденія, къ которымъ онѣ должны были перейти. Оказалось, что

> огромнѣйшее большинство дореформенныхъ школъ немедленно же исчезло безслѣдно, точно ихъ никогда и не было... Земства получили въ наслѣдіе отъ дореформеннаго времени лишь самую незначительную часть числившихся въ это время школъ... Воронежское уѣздное земство приняло только 6 школъ, Бердянское—12, Кирилловское—3, Бѣлозерское—2 и т. д. [1]).

Уже приведенныхъ краткихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, что административо-хозяйственное управленіе на мѣстахъ не могло, съ отмѣной крѣпостного права, оставаться безъ измѣненія. Лишенное самостоятельности, без-

---

[1]) Я. В. Абрамовъ Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ. Спб. 1889 г., стр. 81 и 84.

гласное и безконтрольное, узкосословное и въ то же время безгранично зависимое отъ бюрократіи, управленіе это во всѣхъ чертахъ своихъ носило крѣпостной характеръ и, будучи тѣсно связано со всѣмъ укладомъ жизни дореформеннаго времени, вмѣстѣ съ нимъ должно было сойти со сцены. „Этого требовали интересы развивающагося народнаго хозяйства, это же вызывалось непосредственно запросами государственнаго организма“.

На необходимость и неотложность реформы хозяйственнаго управленія и всей бюрократической опеки указывали и многіе депутаты губернскихъ комитетовъ, вызванные осенью 1859 г. въ Петербургъ для участія въ работахъ редакціонныхъ комиссій. Такъ, въ запискѣ популярнаго депутата, А. М. Унковскаго, говорится, что

> „въ настоящее время новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью... Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу; все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей; народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности; не можетъ починить дрянного мостика, даже не имѣетъ права нанять общаго учителя грамоты... Вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную въ степень государственнаго устройства. Система этого управленія или, лучше сказать, злоупотребленія властью такъ сильна и послѣдовательна, что она покрываетъ собою всю Россію, не оставляя ни одного живого мѣста для разумно-свободной жизни“ [1]).

---

[1]) Цитата по книгѣ Бориса Веселовскаго «Исторія земства», т. III, стр. 5—6.

При такихъ условіяхъ частичныя мѣры, по мнѣнію Унковскаго, не принесутъ пользы:

„все дѣло въ гласности, въ учрежденіи независимаго суда, въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи“.

Необходимость этого сознавали даже дворянскія собранія, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и губернаторы, указывавшіе на полную непригодность земско-хозяйственныхъ дореформенныхъ учрежденій—комитетовъ, комиссій, приказовъ, присутствій и т. п. Почти всѣ сходились на совершенной необходимости создать новую систему мѣстнаго хозяйственнаго управленія, кореннымъ образомъ отличающуюся отъ дореформенной. Сознаніе этого проникло и въ правительственныя сферы, которыя сочли себя вынужденнымъ дать 25 марта 1858 г. оффиціальное завѣреніе—при устройствѣ исполнительной и слѣдственной частей войти въ разсмотрѣніе хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ, т. е. земства, при чемъ обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію „большаго единства, большей самостоятельности и большаго довѣрія“, и опредѣлить также степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, была образована, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютина, особая комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, которой и была поручена разработка соотвѣтствующаго законопроекта [1]).

---

[1]) См. статью В. Ю. Скалона «Земскія учрежденія» въ 24-мъ полут. «Энцикл. слов.» изд. Брокгаузъ и Ефронъ, стр. 534.

Хотя Н. А. Милютинъ и пользовался большимъ авторитетомъ въ либеральныхъ кругахъ, но неопредѣленность обѣщаній правительства и исключительно чиновничій составъ комиссіи не успокоили общества. Вся сознательная часть его сходилась на нѣкоторыхъ общихъ основаніяхъ предстоявшей реформы, напримѣръ, на устройствѣ управленія на выборномъ началѣ, на независимости его отъ администраціи, на томъ или другомъ участіи въ немъ всѣхъ сословій. Но степень этого участія, предѣлы компетенціи проектируемыхъ учрежденій и способы объединенія мѣстныхъ учрежденій съ государственнымъ устройствомъ разрѣшались различными группами общества весьма различно и вызывали значительныя и серьезныя разногласія. Около этихъ вопросовъ сосредоточились сословныя вожделѣнія дворянства и идейныя пожеланія интеллигенціи.

Группа наиболѣе знатныхъ и богатыхъ помѣщиковъ, „поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства“, желала „создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобную англійской“. Она добивалась не только крупной и преобладающей роли въ мѣстномъ хозяйственнымъ управленіи, но и политической. Въ проектѣ всеподданѣйшаго адреса этой группы прямо говорилось, что „дворянство проситъ дозволить избрать по два выборныхъ съ каждой губерніи, но съ полнымъ уполномочіемъ отъ своего сословія, и составить изъ нихъ Собраніе Дворянства для разсмотрѣнія положеній, какія редакціонной комиссіей и главнымъ комитетомъ заготовлены“. По мысли гр. Орлова-Давыдова, такое собраніе дворянства, будучи созвано для устройства крестьянскаго дѣла, должно вслѣдъ затѣмъ получить постоянный ха-

рактеръ [1]). Впрочемъ, роль его предполагалась совѣщательная, при условіи однако широкаго и почти безграничнаго вліянія на мѣстное управленіе [2]).

Одновременно развивалось и другое численно болѣе сильное и по тенденціи болѣе демократическое теченіе, нашедшее едва ли не самое яркое выраженіе въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ. Въ одной изъ записокъ его опредѣленно высказывается мысль, что крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русской жизни, проникло насквозь служебную дѣятельность: если уничтожить его только въ чистомъ видѣ, оставивъ все прежнее по старому, то это мало измѣнитъ сущность положенія дѣлъ въ странѣ, такъ какъ крѣпостное право перейдетъ „изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ“ и при томъ съ „расширеніемъ его предѣловъ“. Поэтому, необходимо „положить основаніе самоуправленію“, которое будетъ способствовать „развитію общаго благосостоянія“ и послужитъ лучшей школой „для образованія государственныхъ дѣятелей“. „Уничтоженіе всѣхъ привилегій“, „сближеніе правъ сословій, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, есть историческая необходимость“. Не говоря прямо о представительномъ образѣ правленія, цитируемая записка тверского губернскаго комитета упоминаетъ однако, что „неосновательно возражать, что не годится для Россіи то, къ чему неизбѣжно идутъ всѣ народы и государства“ [3]).

Народныя массы, конечно, не формулировали

---

[1]) Борисъ Веселовскій. «Исторія земства», т. III, стр. 3—4.
[2]) С. Я. Цейтлинъ. «Земская реформа», стр. 193.
[3]) Б. Веселовскій. «Ист. земства», т, III, стр. 4.

своихъ потребностей въ области мѣстнаго управленія, но общее недовольство ихъ всѣмъ укладомъ жизни несомнѣнно заключало въ себѣ и недовольство управленіемъ. Въ этомъ отношеніи, либеральное дворянство опиралось на общее настроеніе всего народа, изнемогавшаго отъ крѣпостной зависимости, отъ приказнаго разоренія и неправды. При этомъ естественно было ожидать, что освобожденныя массы населенія пожелаютъ имѣть конкретное выраженіе своей свободы въ формѣ тѣхъ или иныхъ гражданскихъ правъ и, конечно, прежде всего правъ по устройству своей мѣстной хозяйственной жизни, выражающейся въ хозяйственно-административномъ управленіи.

Подъ вліяніемъ этого, правительство начинало глубже проникаться сознаніемъ неизбѣжности реформы мѣстнаго управленія, тѣмъ болѣе, что въ печати вопросы послѣдняго трактовались гораздо шире и при неудовлетвореніи minimum'а общественныхъ желаній могли вліять и на расширеніе общественныхъ требованій. Въ виду этого, предупреждая острое развитіе недовольства, правительство рѣшилось дать хоть нѣкоторый исходъ общественнымъ стремленіямъ въ этомъ отношеніи. Считаясь преимущественно съ дворянскими собраніями, оно предложило въ 1860 г. на ихъ обсужденіе нѣсколько вопросовъ и, между прочимъ, вопросъ о губернскихъ земскихъ повинностяхъ, устройствѣ управленія ими, а также о мѣрахъ къ развитію медицинской части въ губерніяхъ.

Многія дворянскія собранія, обсуждая эти вопросы, значительно расширили рамки ихъ и, не ограничиваясь сужденіями о мѣстномъ и сословномъ управленіи, болѣе или менѣе близко подошли къ вопросу о конституціи.

Указанныя выше теченія въ этихъ вопросахъ получили, благодаря этому, возможность болѣе яркаго выраженія. Во главѣ движенія шло въ числѣ другихъ тверское дворянство, представители котораго и въ редакціонныхъ комиссіяхъ и въ дворянскихъ собраніяхъ и въ печати опредѣленно высказывались о желанной реформѣ управленія. А. М. Унковскій, говоря о работѣ въ редакціонныхъ комиссіяхъ, писалъ что „какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, готовы были на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія, но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа. Между тѣмъ, въ редакціонныхъ комитетахъ все дѣло свелось къ однимъ хозяйственнымъ расчетамъ, и никто изъ членовъ комиссіи самъ не начиналъ и намъ не давалъ начать серьезный разговоръ объ измѣненіи порядка управленія, хотя бы мѣстнаго". Стоявшій болѣе или менѣе на той же точкѣ зрѣнія А. И. Кошелевъ писалъ, что „у насъ улучшеніе внутренняго управленія возможно только при условіи передачи его, въ возможныхъ предѣлахъ, мѣстной общественной дѣятельности. Эта дѣятельность не должна быть заключена въ тѣсный кругъ сословій,—въ округѣ она должна принадлежать всему сельскому населенію: землевладѣльцамъ всѣхъ наименованій, которые должны исчезнуть всѣ въ одномъ, для всѣхъ общемъ". На этихъ же основаніяхъ, по его мнѣнію, должно быть организовано и уѣздное, и губернское управленіе. Въ адресѣ тверского дворянства 1862 г., передовые дѣятели шли еще дальше и указывали, что „созваніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному

разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля". При этомъ, тверскіе дворяне заявили, что не желаютъ пользоваться „позорнымъ преимуществомъ" не платить налоговъ, что „исключительное право дворянства поставлять людей для управленія народомъ" они считаютъ „беззаконіемъ" и просятъ „распространить это право на всѣ сословія". Дворяне херсонской губерніи, въ свою очередь, заявили объ отреченіи „отъ всѣхъ исключительныхъ, законныхъ нашихъ правъ". О необходимости созыва народныхъ представителей высказались дворянства въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Тулѣ, С.-Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Правда, идея отреченія отъ дворянскихъ правъ не получила распространенія, даже испугала многіе общественные круги, но мысль о представительномъ образѣ правленія несомнѣнно имѣла успѣхъ, хотя и не столь широкій, какъ мысль о хозяйственномъ самоуправленіи, о гласномъ бюджетѣ, словесномъ судѣ, свободѣ слова и печати и т. п. [1]).

Однако, мысль эта еще не испугала правительство, которое, боясь народныхъ волненій, получившихъ широкое распространеніе послѣ акта 19 февраля 1861 г., ясно видѣло, что этого же боятся и наиболѣе либеральные дворяне, недаромъ отмѣчавшіе въ своихъ проектахъ мѣстнаго и государственнаго устройства необходимость первенствующаго положенія дворянства, какъ наиболѣе культурнаго сословія. Господства „черни" боялись всѣ, и правительство понимало, что, изъ за этой боязни, требованія либеральнаго дворянства не могутъ быть настойчивы. Руководствуясь этимъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 5—10.

государственная власть въ большинствѣ случаевъ игнорировала конституціонныя домогательства дворянства и если иногда отступала отъ этой общей тенденціи своей, то болѣе или менѣе случайно и не надолго.

Къ тому же конституціонныя стремленія, повидимому, не находили поддержки въ массѣ населенія, не опирались на нее и уже поэтому одному были довольно безсильны. При такихъ условіяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ имѣлъ полную возможность настойчиво предложить дворянскимъ собраніямъ 1862 г. воздержаться отъ занятій предположеніями, которыя „совершенно выходятъ изъ опредѣленнаго закономъ круга предметовъ, подлежащихъ обсужденію дворянскихъ собраній“. Но въ то же время, не рискуя упорствовать въ нежеланіи идти на преобразованіе тѣхъ частей управленія, необходимость реформированія которыхъ сознавалась или чувствовалась широкими слоями населенія, а не однимъ только дворянствомъ, П. А. Валуевъ счелъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, маскируя, однако, размѣръ задуманныхъ правительствомъ реформъ, что послѣднимъ „предпринятъ обширный и многосторонній трудъ преобразованія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія“.

Послѣ новаго министерскаго предостереженія— не касаться того, что не относится къ мѣстнымъ нуждамъ, дворянскія собранія, отвѣчая на поставленные ими вопросы, дѣйствительно не выходили за ихъ предѣлы. Тѣмъ не менѣе большинство ихъ настойчиво держалось еще раньше установленныхъ началъ, по которымъ новое мѣстное управленіе должно быть основано на выборномъ началѣ, пользоваться независимостью отъ администраціи

и имѣть три избирательныя куріи — дворянскую, крестьянскую и городскую. Роль этихъ курій опредѣлялась различно, и въ то время, когда либеральное дворянство желало сохранить хотя бы видимую равномѣрность представительства этихъ группъ населенія съ преобладаніемъ однако дворянства, консервативно настроенныя собранія выдвигали дворянское представительство не только на первенствующее мѣсто, но и прямо присваивали ему подавляющее по своему вліянію значеніе. Не безъ давленія на дворянскія собранія прошли и усиливающіяся реакціонныя теченія въ высшихъ сферахъ, выразившіяся, между прочимъ, въ устраненіи отъ активной дѣятельности пользовавшихся репутаціей либераловъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. С. С. Ланского и его товарища Н. А. Милютина, и назначеніе на постъ министра извѣстнаго бюрократа П. А. Валуева.

Однако, смѣнѣ министра и его товарища едва ли правильно придавать рѣшающее значеніе въ исходѣ земской реформы. Новѣйшими изслѣдованіями, напротивъ того, установлено, что работавшая подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина комиссія о земскихъ учрежденіяхъ создавала проектъ, который не можетъ быть охарактеризованъ иначе, какъ реакціоннымъ. Прежде всего, комиссія эта обратила наименьшее вниманіе на хозяйственно-распорядительную часть управленія. Затѣмъ,

отложивъ выработку подробныхъ проектовъ на болѣе или менѣе отдаленное будущее—до преобразованія губернскихъ хозяйственныхъ учрежденій—она ограничилась составленіемъ „временныхъ правилъ объ уѣздныхъ земскихъ присутствіяхъ“, которыя и помѣстила въ качествѣ приложенія къ одной изъ статей проекта

общаго учрежденія уѣздной полиціи, ею же составленнаго. Характеренъ при этомъ и методъ работы комиссіи. Компетенція, предѣлы власти, порядокъ дѣйствій этихъ новыхъ уѣздныхъ земскихъ присутствій оставлены тѣ же самые, какіе мы наблюдали для дореформенныхъ хозяйственныхъ комитетовъ и земской полиціи. Новыя уѣздныя присутствія подчинены губернаторамъ и губернскимъ комитетамъ о земскихъ повинностяхъ, отъ которыхъ получаютъ разрѣшенія и указанія. Имъ переданы только тѣ дѣла, которыя производились въ дореформенныхъ отдѣльныхъ присутствіяхъ о земскихъ повинностяхъ, уѣздныхъ дорожныхъ комитетахъ, квартирныхъ комиссіяхъ и комитетахъ общественнаго здравія, далѣе,—дѣла, касавшіяся отправленія земскихъ натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ, народнаго продовольствія, открытія фабрикъ, ярмарокъ и т. д.; словомъ, комиссія произвела чисто механическое сложеніе функцій дореформенныхъ земскихъ учрежденій и земской полиціи, и этимъ сочла свою задачу „временно“ исполненной. Наконецъ, самый составъ этихъ уѣздныхъ присутствій: предсѣдателемъ является уѣздный предводитель дворянства, членами — дворянскій, городской и сельскій засѣдатели уѣзднаго полицейскаго управленія, крестьянскій засѣдатель уѣзднаго мирового присутствія, городской голова и, гдѣ таковые имѣются,—окружной начальникъ управленія государственныхъ имуществъ и удѣльный депутатъ. Уѣздный исправникъ получаетъ также сильное вліяніе на дѣла земства, такъ какъ исполненіе требованій присутствія, относящихся къ обязанностямъ уѣздной полиціи, должно дѣлаться черезъ него [1]).

---

[1]) С. Я. Цейтлинъ. «Земская реформа», стр. 199.

Какъ ни умѣренны и порой ни консервативны были мнѣнія дворянскихъ собраній, они несомнѣнно шли дальше проекта Милютинской комиссіи. Получивъ ихъ, правительство не могло не признать необходимымъ сдѣлать обществу уступки, но конечно весьма умѣренныя. Чтобы не будировать общественнаго мнѣнія, П. А. Валуевъ повелъ дѣло земской реформы въ тиши своихъ канцелярій, безъ всякаго почти содѣйствія общественныхъ силъ. Уступая преимущественно по второстепеннымъ пунктамъ пожеланій дворянскихъ собраній, онъ очень мало заботился объ обѣщаніяхъ, данныхъ въ 1859 г., согласно которымъ новыя учрежденія должны быть организованы на началахъ „большей самостоятельности и большаго довѣрія“. Въ основу реформы онъ положилъ совсѣмъ другую мысль, по которой „единство государственнаго управленія, сила и цѣлость государственной власти не могутъ уступать потребностямъ мѣстнаго интереса... Земское управленіе есть только особый органъ одной и той же государственной власти и отъ нея получаетъ свои права и полномочія“... Отъ довѣрія и самостоятельности это было уже очень далеко, да и самое понятіе объ особомъ органѣ одной и той же власти было условно.

Всеподданнѣйшій докладъ П. А. Валуева отъ 22 Марта 1862 г. о земскихъ учрежденіяхъ былъ сплошь проникнутъ недоброжелательнымъ къ нимъ и подозрительнымъ отношеніемъ. Онъ произвелъ,—по удачному выраженію Г. А. Джаншіева,—„такое впечатлѣніе, какъ будто дѣло шло не объ установленіи нѣкотораго контроля общества надъ мѣстнымъ управленіемъ и не объ ограниченіи всемогущей бюрократіи, пустившей глубокіе корни,

а о защитѣ ея отъ чрезвычайныхъ притязаній всесильнаго самоуправленія.“ [1])

2-го Іюля 1862 г. общія основныя реформы были уже выработаны и осенью обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. [2]) Придерживаясь этихъ основаній, комиссія Валуева разработала и всѣ частно сти законопроекта.

Не говоря въ подробностяхъ объ этомъ проектѣ, необходимо, однако, отмѣтить, нѣкоторыя наиболѣе важныя его особенности.

Прежде всего комиссія, несмотря на признанную, можно сказать, кровную близость мѣстнаго земско-хозяйственнаго управленія съ такимъ же государственно-административнымъ, нашла необходимымъ выдѣлить первое изъ общей администраціи губерніи и уѣзда, въ тѣхъ очевидно цѣляхъ, чтобы не поступаться полицейскимъ характеромъ этой администраціи. Полицейскій строй государства, очевидно желали сохранить неприкосновеннымъ, поставивъ земство въ сторонѣ, какъ придатокъ къ этому строю, но въ значительной зависимости отъ администраціи. Только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и имѣлось въ виду „единство“ земства съ государственной властью. Въ такихъ именно цѣляхъ комиссія, признавая крайнюю затруднительность, а иногда даже и невозможность точнаго разграниченія на практикѣ дѣлъ мѣстнаго и государственнаго значенія, не затруднилась однако поручить земству только мѣстныя дѣла, расходясь въ вопросѣ о томъ, что нужно понимать подъ ними, съ многими же представителями бюрократіи, и, между прочимъ, какъ это выяснилось впослѣдствіи, съ

---

[1]) Г. А. Джаншіевъ. «Эпоха великихъ реформъ» стр. 341.
[2]) «Сѣверная Почта» 1862 г., № 212.

большинствомъ государственнаго совѣта. Разсуждая съ своей точки зрѣнія, комиссія не включила въ число дѣлъ, подлежащихъ выдѣнію земствъ ни попеченія о народномъ образованіи, ни попеченія о народномъ здравіи, ни содержанія почты въ губерніи. Затѣмъ, очевидно, съ спеціальной цѣлью поставить земства въ зависимость отъ администраціи, она не предоставила ему права имѣть на мѣстахъ своихъ органовъ и агентовъ, облеченныхъ надлежащей властью. Вслѣдствіе этого, земства ставились въ необходимость обращаться на мѣстахъ къ содѣйствію правительственныхъ органовъ и агентовъ и подчиненыхъ имъ крестьянскихъ, и слѣдовательно невольно попадали въ косвенную зависимость отъ губернской и уѣздной администраціи. Кромѣ того, комиссія Валуева не только не воспользовалась возможностью организовать крестьянскіе выборы на основаніяхъ всеобщаго и прямого избирательнаго права, къ чему представлялась полная возможность, но, напротивъ того, хотѣла ввести такой порядокъ, по которому крестьянскихъ гласныхъ избирали бы волостные старшины и сельскіе старосты. Весь выборный порядокъ былъ разсчитанъ такъ, чтобы по 1-й куріи избирались крупные и средніе по размѣрамъ землевладѣнія дворяне, по 2-й—представители буржуазіи, а по 3-й—должностныя лица крестьянскаго управленія. Въ общемъ, проектированная комиссіей организація новаго земства была гораздо ближе къ среднимъ дворянскимъ желаніямъ, чѣмъ къ тѣмъ демократическимъ основамъ, которыя естественно вытекали изъ факта вступленія въ гражданскія права десятковъ милліоновъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости людей. Всячески ограничивая область хо-

зяйственнаго управленія и противупоставляя ему общую правительственную администрацію, комиссія проектировала поставить земство въ большую зависимость отъ мѣстной администраціи, не только тѣмъ, что не проектировала для него мѣстныхъ, въ волостяхъ и селеніяхъ, органовъ, но и установивъ относительно важнѣйшихъ земскихъ постановленій право veto административныхъ чиновъ по соображеніямъ общей государственной пользы. Отсутствіе затѣмъ административно-исполнительной власти у земства и права издавать обязательныя для населенія постановленія могло привести, въ случаѣ утвержденія проекта комиссіи Валуева безъ измѣненій, къ тому, что новыя земскія учрежденія оказались бы въ значительной мѣрѣ лишенными практическаго значенія.

Характеръ законодательныхъ работъ, производившихся въ тиши министерскихъ канцелярій и комиссій съ весьма ограничительными участіями общественныхъ силъ или при полномъ ихъ отсутствіи, очень удачно былъ охарактеризованъ для того времени Ю. Ѳ. Самаринымъ въ его письмѣ къ князю В. А. Черкасскому. „Предположенія о коренныхъ преобразованіяхъ зарождаются“ — писалъ онъ — „не отъ живыхъ потребностей, а просто отъ логическаго сцѣпленія одного вопроса съ другимъ и отъ полнаго презрѣнія ко всему существующему... Изобрѣтатели и творцы новыхъ законовъ смѣются сами надъ своей работою... При такихъ условіяхъ изготовляются, частью уже изготовлены органическіе законы о полиціи, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, о казенныхъ крестьянахъ, о цензурѣ, о земскихъ учрежденіяхъ и т. д. и т. д. Земскія учрежденія вышли безобразны

и тощи; но вы увидите, что и этимъ не воспользуются“ [1]).

Въ послѣднемъ онъ ошибся, но „законодательная чесотка“, по его выраженію, была охарактеризована имъ вѣрно. Правительство спѣшило дать общественнымъ силамъ какой-либо исходъ въ общественной же работѣ, предварительно обезвреженной въ интересахъ полицейскаго строя администраціи. Его безпокоило, хотя и слабое и даже чрезвычайно слабое, но несомнѣнно существовавшее революціонное движеніе, которое могло, по мнѣнію правительства, объединиться съ разрозненными, но весьма многочисленными крестьянскими бунтами, въ опасную для спокойствія государства силу. „Всѣ прежнія связи внутренняго государственнаго строя,—писалъ П. А. Валуевъ во всеподданнѣйшей запискѣ,—поколеблены, а новыя не установились на твердой почвѣ;... умы въ волненіи; между тѣмъ, революціонная пропаганда, пользуясь обстоятельствами, усиливается подкопать самыя основы гражданскаго порядка“ [2]). Министерство вн. дѣлъ относилось къ этому съ опасеніемъ и потому спѣшило.

По разработкѣ проекта земской реформы, онъ былъ препровожденъ на заключеніе главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи барона М. А. Корфа. Этотъ послѣдній, раздѣляя въ общемъ основныя точки зрѣнія проекта, находилъ нужнымъ, однако, ввести въ него нѣкоторыя болѣе или менѣе либеральныя измѣненія: настаивалъ на большей самостоятельности земства и на расширеніи

---

[1]) Цитата по книгѣ Бориса Веселовскаго «Исторія земства», т. III, стр. 16.

[2]) С. Я. Цейтлинъ. «Земская реформа», стр. 217.

его компетенціи. 26 мая 1863 г. проектъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ былъ, наконецъ, внесенъ въ государственный совѣтъ. Здѣсь, при разсмотрѣніи его въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и госуд. экономіи, для соблюденія, вѣроятно, видимости того, что земское дѣло — общественное дѣло и что неудобно въ немъ совсѣмъ отстранить общественный элементъ, въ соединенныя засѣданія были привлечены столичные предводители дворянства и городскіе головы. Въ іюлѣ законопроектъ былъ разсмотрѣнъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта Такъ же быстро, по личному настоянію государя, былъ разрѣшенъ и вопросъ о предоставленіи земствамъ временно пользоваться старымъ уставомъ о земскихъ повинностяхъ. Дѣло, такимъ образомъ, было закончено, и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, по опубликованіи его 1 января 1864 г., получило силу закона.

Вторая изъ великихъ реформъ, такимъ образомъ, осуществилась. Высочайшимъ указомъ отъ того же числа было повелѣно ввести въ дѣйствіе Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ въ 33-хъ губерніяхъ и составить предположеніе о введеніи ихъ въ Астраханской, Архангельской и Бессарабской губерніяхъ и о времени и способахъ введенія ихъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, а затѣмъ и въ другихъ частяхъ имперіи. Въ періодъ времени съ 1865 по 1876 г., земскія учрежденія были введены въ 34 губерніяхъ Европейской Россіи и въ Области Войска Донского, но затѣмъ въ этой послѣдней дѣйствіе ихъ въ 1882 г. было отмѣнено.

Сущность земскихъ учрежденій по Положенію 1 января 1864 г. сводилась къ слѣдующему.

Земскія учрежденія дѣлятся на *губернскія* и *уѣздныя*. Тѣ и другія состоятъ изъ *земскихъ собра-*

ній — органовъ распорядительныхъ и контрольныхъ — и *земскихъ управъ* — органовъ исполнительныхъ, избираемыхъ изъ состава собраній. Земскія собранія состоятъ изъ *гласныхъ:* уѣздныхъ, избираемыхъ особыми избирательными собраніями, и губернскихъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями. Уѣздные гласные избираются по тремъ куріямъ: во-первыхъ, на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, во-вторыхъ, на собраніи городскихъ избирателей и, въ-третьихъ, на собраніяхъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ (а не одними старшинами и старостами, какъ предполагалось комиссіей Валуева). Правомъ голоса на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ пользовались, во-первыхъ, лица, обладающія довольно значительнымъ имущественнымъ цензомъ (напр., недвижимымъ имуществомъ цѣнностью не ниже 15 т. р.), и, во-вторыхъ, уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, не обладающихъ цензомъ лицъ первой категоріи, но имѣющихъ, однако, не менѣе $^1/_{20}$ этого ценза, избранные предварительно на съѣздахъ такихъ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ. Участіе въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ, въ свою очередь, могли принимать лишь лица, обладающія извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, хотя и не столь высокимъ, какъ у землевладѣльцевъ, но, во всякомъ случаѣ, лишавшимъ значительную часть собственниковъ городскихъ имуществъ права участвовать въ выборахъ. Съѣзды для выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ состояли изъ волостныхъ выборщиковъ, уполномочиваемыхъ на то волостными сходами. Эти съѣзды могли избирать въ гласные какъ лицъ изъ своей среды, такъ равно православныхъ священнослужителей и членовъ съѣзда землевладѣльцевъ.

Теоретически такой порядокъ избранія гласныхъ предполагалъ, что число ихъ отъ того или другого избирательнаго съѣзда опредѣлится цѣнностью имущества группы лицъ, имѣющихъ право участія въ этомъ съѣздѣ. На этомъ основаніи можно было допустить, что въ весьма многихъ уѣздахъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ будетъ превышать гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, численный составъ гласныхъ оказался инымъ: изъ 318 уѣздовъ, въ которыхъ были введены земскія учрежденія, въ 202 гласные отъ землевладѣльцевъ составляли не менѣе половины общаго числа гласныхъ, остальная часть которыхъ распредѣлялась между гласными отъ городовъ и отъ сельскихъ обществъ. Такимъ образомъ, почти въ $^2/_3$ уѣздовъ, гласные отъ сельскихъ обществъ оставались въ меньшинствѣ [1]).

Каждая земская управа состояла изъ избираемыхъ земскимъ собраніемъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ управы, при чемъ предсѣдатели губернскихъ управъ утверждались министромъ внутреннихъ дѣлъ, уѣздныхъ же—губернаторомъ. Вступленіе въ должность члена управы никакого утвержденія не требовало. Разсмотрѣніе отчетовъ управъ и окончательное утвержденіе ихъ принадлежало только собраніямъ. Губернскія собранія, могли, съ разрѣшенія губернатора, передавать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на разсмотрѣніе суда дѣйствія управы и отдѣльныхъ членовъ ихъ, съ временнымъ отстраненіемъ ихъ отъ должности, но совершенное ихъ отстраненіе принадлежало лишь правительствующему сенату.

---

[1]) См. указанную выше статью В. Ю. Скалона.

Предметы вѣдѣнія земскихъ учрежденій по Положенію 1 января 1864 г. нѣсколько расширены, сравнительно съ проектомъ. Земствамъ принадлежитъ: завѣдываніе дѣлами народнаго продовольствія, земскими путями сообщенія, взаимнымъ страхованіемъ имуществъ, земскими лечебными и благотворительными заведеніями; попеченіемъ объ общественномъ призрѣніи, о развитіи врачебной помощи и народнаго образованія, о воспособленіи земледѣлію, промышленности и торговлѣ; участіе въ охранѣ народнаго здравія, въ предупрежденіи и пресѣченіи падежей скота и т. д. Кромѣ того, губернскимъ земскимъ собраніямъ было предоставлено издавать обязательныя, не распространявшіяся, впрочемъ, на города, постановленія по разнымъ предметамъ, преимущественно же по охранѣ народнаго здравія, устройству путей сообщенія, противопожарнымъ мѣрамъ и проч.

По общему началу, земскимъ учрежденіямъ въ кругу порученныхъ имъ дѣлъ предоставлялось дѣйствовать самостоятельно, при чемъ правительственныя власти должны были надзирать за ихъ дѣйствіями преимущественно съ точки зрѣнія ихъ законности. Впрочемъ, по нѣкоторымъ, въ Положеніи указаннымъ предметамъ, правительственная власть могла входить и въ существо земскихъ постановленій и, въ случаѣ признанія незаконности ихъ, могла не утверждать этихъ постановленій къ исполненію, а передавать ихъ на вторичное разсмотрѣніе собраній. Если послѣднія продолжали настаивать на своемъ, губернаторы и министръ внутреннихъ дѣлъ могли пріостановить, подъ своей личной отвѣтственностью, исполненіе постановленія и перенести на окончательное разрѣшеніе его въ сенатъ.

Таковы были, въ важнѣйшихъ чертахъ, особенности введенныхъ земскихъ учрежденій. Правительство, пока оно шло въ этомъ дѣлѣ по собственному почину, склонно было ограничить всю реформу учрежденіемъ, какъ это проектировалось въ 1858 г., должности уѣзднаго начальника изъ бывшихъ военныхъ съ особыми полномочіями. Но, вѣрное принципамъ Императора Александра II предупреждать внутреннюю смуту введеніемъ созрѣвшихъ въ населеніи реформъ и насаждать послѣднія сверху, предотвращая движенія снизу,— правительство того времени пошло на встрѣчу общественнымъ и народнымъ желаніямъ и вступило на путь болѣе широкихъ преобразованій. Отстаивая свои позиціи, оно, однако, дѣлало minimum уступокъ и, очевидно, считалось съ формулируемыми интеллигенціей желаніями лишь постольку, поскольку желанія эти имѣли серьезную почву въ массѣ населенія. Хотя эта послѣдняя не была подготовлена для формулированія своихъ желаній, но общій характеръ ихъ несомнѣнно сознавался, и у правящихъ сферъ являлось серьезное опасеніе, что неудовлетвореніе созрѣвшихъ народныхъ потребностей можетъ вызвать въ взбудораженномъ ожиданіемъ „воли“ и неудовлетворенномъ актомъ 19 февраля 1861 г. населеніи серьезныя осложненія. Вотъ почему земская реформа, несмотря на недостаточно дружелюбное отношеніе къ ней Валуева и его единомышленниковъ, не была, что называется, испорчена до конца государственнымъ совѣтомъ. По этой же причинѣ, стремленія либеральнаго дворянства къ представительному образу правленія были игнорированы правительствомъ: стремленія эти не опирались на совершенно политически неразвитую массу населенія и не имѣли

потому достаточной за собой силы. Удовлетворенію, съ точки зрѣнія Валуева, очевидно, подлежало только то, что составляло совмѣстное желаніе мыслящей части общества и массы населенія, и безъ чего трудно было пресѣчь и предотвратить серьезныя осложненія во внутренней жизни государства.

Созданная при такихъ условіяхъ, земская реформа, не смотря на крупные свои недостатки, имѣла важное значеніе. Русское общество и печать какъ того времени, такъ и послѣдующихъ лѣтъ, оцѣнивали ее съ достаточнымъ вниманіемъ и серьезностью. Наименѣе была удовлетворена, какъ видно изъ собранныхъ В. Ю. Скалономъ мнѣній, наша печать. Въ прогрессивныхъ изданіяхъ развивалась справедливая мысль, по которой русское самоуправленіе, будучи „основано“, не было однако „устроено“. По заключенію А. А. Головачева [1]),

> „въ настоящемъ своемъ положеніи, земскія учрежденія не могутъ считаться органами самоуправленія, какъ по личному своему составу, такъ и по кругу дѣйствій: по личному составу — на томъ основаніи, что они представляютъ собою не все населеніе извѣстной мѣстности, а агтламератъ отдѣльныхъ классовъ общества, и при томъ представленныхъ неравномѣрно; по кругу дѣйствій — потому, что органъ самоуправленія есть власть административная, кругъ дѣятельности которой опредѣляется не положительно, а отрицательно, кругомъ дѣйствій центральнаго управленія“.

Такая постановка недопустима; при ней „земскія учрежденія представляются только особыми органами центральнаго управленія для завѣдыва-

---

[1]) См. кн. его «Десять лѣтъ реформъ».

нія извѣстной отраслью хозяйства, распорядиться которою самостоятельно они не могутъ“, а не дѣйствительнымъ самоуправленіемъ. Авторъ указываетъ далѣе, что земскія учрежденія не имѣютъ исполнительной власти и что даже въ небольшомъ кругѣ дѣйствій, имъ отведенномъ, законъ ограничиваетъ степень ихъ участія, указывая предметы обложенія и устанавливая высшіе его размѣры для нѣкоторыхъ предметовъ. Сравнивая права, предоставленныя земскимъ учрежденіямъ, съ правами, которыми ранѣе пользовалось мѣстное общество въ лицѣ дворянскихъ собраній, и останавливаясь, главнымъ образомъ, на принадлежавшемъ послѣднимъ правѣ нѣкотораго контроля надъ дѣйствіями администраціи, чего земскія учрежденія лишены, Головачевъ приходитъ къ заключенію, что „права мѣстныхъ обществъ, если и были расширены, съ одной стороны, предоставленіемъ въ ихъ вѣдѣніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ интересовъ, то съ другой стороны, въ смыслѣ ихъ политическаго значенія въ общей системѣ государственнаго управленія, они были значительно ограничены“. Въ виду этого онъ сожалѣетъ, что земскія собранія не получили тѣхъ политическихъ правъ, которыя гораздо раньше были предоставлены дворянству [1]).

Академикъ В. П. Безобразовъ, съ своей стороны, находилъ, что земскія учрежденія еще не настоящіе органы государственнаго мѣстнаго самоуправленія, а только „мѣстныя общественныя вольности, могущія развиться въ такіе органы“. Они не введены въ общую систему государствен-

---

[1]) См. указанную ст. В. Ю. Скалона. «Энцикл. слов.», стр. 535.

наго управленія, а поставлены подлѣ нея, какъ отдѣльныя государственно-общественныя тѣла, не имѣющія никакихъ органическихъ связей съ нею [1]). На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и профессоръ А. Д. Градовскій, а позже—въ 1880 г. и такъ называемая Кохановская комиссія, учрежденная для составленія проектовъ мѣстнаго управленія.

В. Ю. Скалонъ, съ своей стороны, полагалъ, что составители земскаго положенія, пытаясь удовлетворить стремленіямъ общества и въ то же время желая положить предѣлъ „несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій“, слишкомъ переусердствовали въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и потому дали реформѣ характеръ большой неопредѣленности, который на первыхъ же порахъ привелъ къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. Указавъ на запрещеніе земствамъ „вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій“, В. Ю. Скалонъ, съ своей стороны, устанавливаетъ полную невозможность точно разграничить кругъ дѣйствій тѣхъ и другихъ и отдѣлить дѣла мѣстнаго хозяйства отъ дѣлъ административно-государственныхъ. Въ виду этого, на практикѣ вышло такъ, что

> кругъ дѣйствій земства въ значительной степени переплелся съ сферой дѣятельности тѣхъ властей и учрежденій, въ дѣла которыхъ ему воспрещено было вмѣшиваться. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, на первыхъ же порахъ возникли многочисленныя столкновенія и пререканія между земскими учрежденіями и администраціей: то послѣдняя

---

[1]) Тамъ же.

предъявляла притязанія, не основанныя на законѣ, и земство давало ей въ этомъ отпоръ, то оно само вторгалось въ такія области, которыя, по мнѣнію администраціи, относились къ кругу ея обязанностей. Этому содѣйствовала, отчасти, и неопредѣленность закона. Такъ, напр., земскимъ учрежденіямъ, между прочимъ, предоставлено было „участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи“. Предѣлы этого участія не были указаны и потому, когда земства энергически взялись за устройство школъ, учительскихъ семинарій и пр., учебное вѣдомство не признало за ними права вмѣшательства въ организацію собственно учебной части и стало оказывать имъ противодѣйствіе, что давало поводъ къ столкновеніямъ, иногда очень рѣзкимъ. Для земскихъ учрежденій такое положеніе имѣло весьма невыгодныя послѣдствія: подъ вліяніемъ безпрестанныхъ столкновеній съ администраціею, въ правительственныхъ сферахъ складывалось подозрѣніе, что эти учрежденія являются представителями оппозиціи и какъ бы противоправительственнаго направленія [1]).

Общество, въ массѣ своей, встрѣтило земскую реформу благосклоннѣе. Учитывая практическіе результаты, оно понимало, что земство, даже въ качествѣ „мѣстныхъ вольностей“, а не самоуправленія, сдѣлаетъ гласнымъ то, что пряталось до сихъ поръ подъ покровомъ канцелярской тайны, что оно обнажитъ мѣстныя нужды, укажетъ пути къ ихъ удовлетворенію и сообщитъ навыки въ веденіи общественныхъ дѣлъ. При этомъ, въ обществѣ жила, конечно, надежда, что земское положеніе будетъ постепенно улучшаться и что де-

[1]) См. туже ст. В. Ю. Скалона стр. 534.

фекты его будутъ уничтожены. Но, когда обнаружилось, что правительство разсматриваетъ земство, какъ оппозицію (объ этомъ было даже заявлено въ одномъ оффиціальномъ документѣ 80-хъ годовъ), стало очевидно, что на дальнѣйшее развитіе его дѣятельности и на естественный ростъ остается очень мало надежды. Въ обществѣ началось разочарованіе, и отъ общественнаго подъема шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ, къ концу послѣднихъ, не осталось почти и слѣда.

Въ сущности, отношеніе правительства къ земству не было чѣмъ нибудь особеннымъ, спеціально касавшимся только земскихъ учрежденій. Напротивъ того, правительство того времени, предупреждая или ослабляя движенія снизу уступками сверху, дѣлало этимъ только временныя отступленія отъ общаго, вполнѣ консервативнаго, а по временамъ и реакціоннаго, тона своей политики. Поэтому, къ самимъ реформамъ, при разработкѣ и при введеніи ихъ, у него складывалось болѣе или менѣе подозрительное отношеніе, пресѣкавшее возможность ихъ исправленія, дополненія, распространенія и вообще естественнаго роста. Результаты такой внутренней политики оказались очень скоро: незаконченностью крестьянской реформы, приводившей населеніе къ экономическому обѣднѣнію и гражданскому безправію, питалось народное недовольство, урѣзками земскаго преобразованія, преграждавшими соотвѣтственный ростъ культурнаго развитія, поддерживалось недовольство очень широкихъ общественныхъ слоевъ, ждавшихъ и улучшенія своего быта, и уменьшенія бюрократической опеки, и повышенія личныхъ правъ, и обезпеченія подростающему населенію образованія, и вообще лучшаго будущаго. Реформы, въ концѣ

концовъ, никого не удовлетворили. Графу М. Т. Лорисъ-Меликову всего черезъ 17-ть лѣтъ пришлось сознаться отъ лица правительства, что оно шло не по настоящему пути. „Новые порядки“,—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ—

> создали во многихъ отрасляхъ управленія новое положеніе для представителей власти, требовавшее другихъ знаній, другихъ пріемовъ дѣятельности, иныхъ способностей, чѣмъ прежде. Истина эта не была достаточно усвоена и далеко не всѣ власти заняли подлежащее имъ мѣсто. Ложно понятое назначеніе въ общемъ государственномъ строѣ повело къ ряду нарушеній прямыхъ обязанностей, къ ряду столкновеній.

Объективное отношеніе къ дѣлу замѣнилось страстью борьбы, вслѣдствіе чего „самыя умѣренныя попытки урегулировать дѣйствіе реформъ и пополнить недостатки законодательства... встрѣчались съ противодѣйствіемъ, явнымъ или скрытымъ, или оставались безъ движенія“. Правящая бюрократія тормазила исполненіе даже указаній императора, напримѣръ, о податной реформѣ, о дарованіи правъ раскольникамъ, объ установленіи отношеній нанимателей къ рабочимъ и т. п. Затормазился и ходъ дальнѣйшихъ преобразованій. „Крестьянское дѣло“, — говорилось въ томъ же докладѣ гр. Лорисъ-Меликова—

> послѣ кипучей дѣятельности первыхъ дней вошло въ общую колею и неподвижность въ улучшеніи слабыхъ его сторонъ, создало такую обособленность несовершеннаго крестьянскаго управленія, которая могла казаться полезной лишь въ первые дни великой реформы. Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе... Духовен-

ство продолжало, за рѣдкими исключительными явленіями, коснѣть въ невѣжествѣ и, мало по малу, лишилось и того вліянія, какое имѣло прежде... Значеніе дворянства, какъ сословія, стушевалось; мало чѣмъ поддерживаемое земство, привлекшее сначала лучшія силы мѣстнаго населенія, не могло остаться долго на той же высотѣ, при отсутствіи средствъ къ болѣе широкому исполненію мѣстныхъ задачъ и при недостаткѣ оживляющей правительственной поддержки. Городское самоуправленіе рѣдко гдѣ встрѣтило на первыхъ же шагахъ сочувственное отношеніе администраціи къ своимъ нуждамъ и правамъ. Кромѣ того, общія потребности населенія возрастали, а положеніе нашихъ финансовъ разстроилось чрезвычайными военными издержками. Цѣнность бумажнаго рубля упала, цѣнность продуктовъ увеличилась, появились новые налоги. Всѣ, возбужденные такими и подобными явленіями, неудовольствія, болѣе или менѣе основательныя разочарованія, при застоѣ насущныхъ вопросовъ, указанныхъ уже къ рѣшенію, усиливали съ каждымъ годомъ число недовольныхъ и уменьшали устойчивость почвы подъ началами государственнаго порядка. Параллельно съ этимъ увеличивалась рознь въ дѣйствіяхъ правительственныхъ учрежденій...

Несмотря на всю тусклость и безцвѣтность оффиціальнаго языка этого доклада, онъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ серьезномъ развалѣ господствовавшей системы реакціи. Но приведенными данными еще не исчерпывалась картина дѣйствительныхъ порядковъ. Особенно въ печальномъ видѣ оказалось учебное вѣдомство. По словамъ доклада, оно „возбудило противъ себя и государственныхъ сановниковъ, и духовенство, и ученое сословіе, и земство, и города; однимъ сло-

вомъ—всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія". Затѣмъ, докладъ упоминалъ и еще о нѣкоторыхъ факторахъ, питавшихъ общественное неудовольствіе, какъ напримѣръ, о „прискорбной" неправильности дѣйствій многихъ должностныхъ лицъ, объ отношеніи къ печати и т. д. [1]).

Докладъ гр. Лорисъ-Меликова былъ принятъ и одобренъ. Страна ждала завершенія реформъ шестидесятыхъ годовъ и хотя прежняго подъема настроенія не было, тѣмъ не менѣе общество встрѣтило новый курсъ нашей внутренней политики съ надеждами.

Однако, имъ не суждено было осуществиться. 1-ое марта 1881 г. разбило всѣ упованія и повернуло руль государственной политики еще правѣе прежняго. Новая фаза реакціи дала земству и новый законъ о немъ: положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., смѣнившее положеніе 1864 г.

Реакціонная печать восьмидесятыхъ годовъ, отмѣчая ненормальность отношеній, установившихся между земствомъ и правительствомъ и раздвоенность власти въ мѣстномъ управленіи, объясняла это не недодѣланностью и не незаконностью земской реформы, а сознательнымъ, со стороны дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, „устраненіемъ власти", вслѣдствіе котораго земство заняло-де положеніе государства въ государствѣ. Катковъ въ своихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" требовалъ „возвращенія правительства", „обузданія" земства или, иными словами, полнаго подчиненія его администраціи. И нужно сказать правду, что, такъ называемое, культурное общество, напу-

---

[1]) Докладъ гр. Лорисъ-Меликова цитированъ по статьѣ Е. Максимова «Эпхоа реформъ» («Наблюд.» 1897 г., № 4), стр. 109—112.

ганное событіемъ 1-го марта, относилось къ этимъ планамъ реакціи съ гораздо большей терпимостью, чѣмъ это можно было ожидать по прежнимъ его настроеніямъ. Призванный къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой, извѣстный творецъ вызывавшей всеобщее неудовольствіе системы классической средней школы, составилъ проектъ полнаго преобразованія земскихъ учрежденій, совершенно отмѣняющій самостоятельность земства въ распорядительной дѣятельности по предметамъ ихъ вѣдѣнія и устанавливающій утвержденіе администраціей всѣхъ постановленій земскихъ собраній. Проектъ этотъ упразднялъ земскія управы, вводилъ, вмѣсто нихъ, старинныя присутствія съ членами по назначенію правительства, преобразовывалъ земское представительство на сословномъ началѣ и придавалъ ему характеръ повинностей. Проектъ этотъ былъ не осуществленъ. Помѣшала ли этому смерть автора проекта или явная, доведенная до крайнихъ предѣловъ реакціонность его,—сказать трудно; во всякомъ случаѣ, онъ былъ погребенъ навсегда. Взамѣнъ его былъ выработанъ новый, тоже реакціонный проектъ, хотя и не упраздняющій вполнѣ, какъ толстовскій, земскія учрежденія, но еще значительно понизившій ихъ значеніе, какъ органовъ самоуправленія. Онъ былъ утвержденъ 12 іюня 1890 г. и дѣйствуетъ до настоящаго времени. Цѣль этого новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, какъ сказано, въ указѣ о немъ, заключалась въ томъ, чтобы дать земствамъ возможность „въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности и въ должномъ единеніи съ другими правительственными установленіями, съ вящимъ успѣхомъ исполнять порученное имъ важное государственное

дѣло, согласно видамъ и намѣреніямъ ихъ основателя“ и царствующаго императора (Александра III) [1]).

Новое Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ прежде всего значительно сократило число гласныхъ: въ уѣздныхъ собраніяхъ — съ 13329 до 10229, а въ губернскихъ— съ 2274 до 1576, т. е. почти на $^1/_4$ въ первыхъ и на $^1/_3$ во вторыхъ. Избирательныя собранія получили сословный характеръ: въ первомъ изъ нихъ участвуютъ потомственные и личные дворяне, во второмъ — прочія сословія, кромѣ крестьянъ. Избраніе гласныхъ отъ крестьянъ, по закону 1890 г., должно производиться не на сельскихъ избирательныхъ съѣздахъ, а волостными сходами, причемъ списокъ избранныхъ лицъ представляется губернатору, который утверждаетъ изъ нихъ гласныхъ и опредѣляетъ очередь вступленія остальныхъ избранныхъ лицъ, въ случаѣ выбытія утвержденныхъ [2]). Представительство крестьянъ сокращено, представительство дворянъ расширено. По вычисленію В. Ю. Скалона, крестьяне по 34-мъ губерніямъ потеряли изъ 5357 мѣстъ 2190, или 40,9%. По положенію 1864 г. они составляли 48% общаго числа гласныхъ, т. е. около половины, по положенію же 1890 г.— лишь 31%, т. е. менѣе $^1/_3$ [3]). По этому же послѣднему положенію, отъ участія въ выборахъ устранены лица, имѣющія купеческія свидѣтельства, и владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, священно-и церковно-

---

[1]) См. ту же стр. В. Ю. Скалона, стр. 534—536.

[2]) Прежній, по положенію 1864 г., порядокъ избранія гласныхъ отъ крестьянъ возстановленъ только въ „послѣдніе годы, послѣ введенія Государственной Думы.

[3]) Тамъ же, стр. 537.

служители и евреи, а право участія въ избраніи уполномоченныхъ обусловлено не $^1/_{20}$, а $^1/_{10}$ избирательнаго ценза, причемъ, однако, послѣдній въ большинствѣ уѣздовъ пониженъ. Въ губернскія собранія введены уѣздные предводители дворянства; число ихъ составляетъ въ общемъ около $^1/_4$ выборныхъ гласныхъ. Отъ предсѣдателей управы (даже уѣздныхъ) требуется имѣть право на вступленіе на государственную службу, а члены управъ подлежатъ утвержденію губернаторовъ, причемъ, въ случаѣ неутвержденія состава управы и затѣмъ новаго неутвержденія избранныхъ на вторичныхъ выборахъ, вакантныя должности замѣщаются лицами по назначенію министра внутрен. дѣлъ. Предсѣдатели и члены управъ за служебные проступки могутъ быть подвергаемы, безъ всякаго суда, дисциплинарнымъ взысканіямъ, вплоть до удаленія отъ должности. Затѣмъ, положеніемъ 1890 г. предоставлено губернаторамъ право ревизій земскихъ управъ, увеличено число постановленій земскихъ собраній, подлежащихъ утвержденію губернатора, предоставлено послѣднему право пріостанавливать тѣ постановленія, которыя, по его мнѣнію, явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія и т. д.

Въ губерніяхъ были учреждены губернскія по земскимъ (а съ 1892 г. и по городскимъ) дѣламъ присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора, въ составѣ трехъ высшихъ чиновниковъ губерніи, губернскаго предводителя дворянства, городского головы губ. города, предсѣдателя губ. земской управы и одного члена отъ губ. земск. собранія. Присутствія эти снабжены широкими полномочіями. Они обсуждаютъ законность и правильность постановленій и распоряженій земскихъ учрежденій и правильность выборовъ, исправляютъ избиратель-

ные списки, разсматриваютъ дѣла объ отвѣтственности должностныхъ лицъ земскаго управленія и о наложеніи на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, о преданіи суду и т. д. Хотя дѣла въ присутствіи разрѣшаются по большинству голосовъ, но губернаторъ можетъ пріостанавливать тѣ рѣшенія присутствій, съ которыми не согласенъ, и представлять о нихъ министру внутр. дѣлъ, который, въ случаѣ согласія съ губернаторомъ, представляетъ объ отмѣнѣ постановленія присутствія въ сенатъ.

Съ внѣшней стороны можетъ казаться, что положеніе 1890 г. установило единство мѣстнаго управленія. Но, конечно, это только съ внѣшней стороны, потому что единство достигается не подчиненіемъ всѣхъ органовъ управленія администраціи, а устраненіемъ двоевластія, путемъ отнесенія многихъ административныхъ функцій къ обязанностямъ органовъ самоуправленія. Только при этомъ условіи земство станетъ не придаткомъ общаго управленія, не гдѣ-то со стороны приклееннымъ къ нему добавленіемъ, а составной органической частью его, вѣдающей весь кругъ своихъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ.

Не останавливаясь на другихъ чертахъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., нельзя не видѣть и изъ приведенныхъ особенностей его, что оно кореннымъ образомъ поколебало начала самоуправленія и самостоятельности въ мѣстномъ общественномъ управленіи. Начала эти не были достаточно послѣдовательно проведены и въ положеніи 1864 г., въ положеніи же 1890 г. они оказались едва ли не сведенными къ нулю. О какой самостоятельности, послѣ этого положенія, можно было говорить въ земствѣ, когда любое его постановленіе админи-

страція можетъ отмѣнить по своему усмотрѣнію, любого активнаго дѣятеля можетъ устранить безъ всякаго суда? Для правильной постановки земскаго самоуправленія требуется не измѣненіе только „пріемовъ“ въ отношеніяхъ къ нему администраціи, какъ думалъ гр. Лорисъ-Меликовъ, а совершенная независимость земства отъ тѣхъ или иныхъ „пріемовъ“ администраціи, т. е. возможно полная независимость отъ нея и самостоятельность.

Понятно, что такая постановка мѣстнаго самоуправленія возможна только въ томъ случаѣ, если оно будетъ общенароднымъ, если оно закончитъ раскрѣпощеніе всего народа предоставленіемъ всей массѣ его полныхъ гражданскихъ правъ, если, другими словами, земская реформа будетъ основана на всеобщихъ, прямыхъ, равныхъ и тайныхъ выборахъ, производимыхъ притомъ на основахъ пропорціональности. Это послѣднее условіе представляется намъ не менѣе важнымъ, чѣмъ и первыя четыре, такъ какъ при немъ представительство въ земствѣ будетъ имѣть не только большинство, но и меньшинство. Участіе послѣдняго желательно, чтобы выслушать въ предстоящихъ земству важныхъ дѣлахъ, и въ числѣ ихъ въ земельномъ дѣлѣ, всѣ заинтересованныя стороны, чтобы соблюсти высшую правду и рѣшать земскіе вопросы съ возможной объективностью, „по-божески“, какъ съ испоконъ вѣку мечтаетъ объ этомъ самъ народъ въ лицѣ лучшихъ его представителей. При такой организаціи земство будетъ дѣйствительно общенароднымъ и раскрѣпощеніе населенія приблизится къ дѣйствительному концу.

М. Слобожанинъ.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая